

Алли
Сент-Кроу

Онег? — Золба.
Малла? — Давно умерла.
Я? — Что ж, это жуткая история.

Странные ангелы

Сколько себя помнит, Дрю Андерсон всегда была странной. Странной?

А слышать, видеть и чувствовать обитателей темного мира, о которых думают не иначе как о выдумке — это не странно?! А убить отца, превратившегося в зомби, жаждущего вашей смерти, — обычная история?! А в 16 лет остаться сиротой и дружить с вампирами и оборотнями — нормальная жизнь подростка?!

Однако Дрю не из робких девочек!

Лили Сент-Кроу

Странные ангелы

Посвящаю Гейтсу, поддержавшему меня в трудную минуту.

Благодарность

Все началось с Ричел Мид, обратившейся к Джессике Ротенберг, которая, в свою очередь, поговорила с Мириам Крисс, а та уговорила меня доработать маленький рассказ, выросший впоследствии в целый роман. Без их участия история о Дрю Андерсон вряд ли появилась бы на свет в своем настоящем виде.

Хочу также выразить огромную благодарность Гейтсу, ставшему моим первым и самым преданным читателем. Благодаря его дельным советам и колким комментариям роман зазвучал отчасти правдоподобно.

Огромное спасибо Мэлу Сандерсу, другой половине моего писательского дарования, с вниманием слушающего мои истории. Кристе Хикки и Сикстену Цейссу спасибо за любовь и вкусный кофе, а также Мэдди и Ники за силу духа, которой они меня наделяют.

Эта книга своим появлением обязана многим людям, но в первую очередь хочу поблагодарить вас, дорогие читатели! Не будь вас, мои слова оказались бы брошенными на ветер. Поэтому позвольте поблагодарить вас за поддержку и начать свою историю...

A fronte praecipitium, a tergo lupi.

Я очень жалею, что не рассказала отцу о бабушкиной белой сове.

Между явью и сном пролегает тонкая, незримая грань, и порой она порождает странные видения. Относиться к ним как к предрекающим судьбу знакам не стоит, но и назвать их обычными сновидениями язык не поворачивается. Эта причудливая смесь грез наяву больше похожа на предостережение. Сквозь белые клубы тумана вдруг проступает чей-то усталый и до боли родной взгляд, и сонные глаза широко распахиваются...

Вот тогда-то я и увидела сову.

Сова, нахохлившись, сидела на подоконнике и купалась в лунном сиянии. В холодном свете каждое перышко отливало серебром. Перед сном я так и не удосужилась задернуть воздушные занавески и не повесила плотные шторы. А зачем все это, если мы — я и отец — в каждом городе задерживаемся не больше пары месяцев?

Я несколько раз моргнула, надеясь, что желтоглазая птица исчезнет. Вместо прилива теплоты при мысли о том, что сейчас бабушка думает обо мне, я лишь испытывала сильное раздражение, занозой засевшее в сердце. Только не спрашивайте, откуда мне ведомо о помыслах умерших. Я слишком многое повидала на своем коротком веку, чтобы не знать этого.

Сова не исчезала. Она крутила черным клювом, красуясь белоснежным оперением, опутанным паутинкой из призрачных пятнышек. Птица уставилась в мои сонные глаза и, казалось, смотрела так, не отрываясь, целую вечность. Взъерошенная и нахохлившаяся, она напоминала бабушку, которая так же выглядела при жизни, когда мне угрожала опасность.

Нет, только не сейчас! Убирайся!

Обычно появление совы предвещает увлекательное приключение, но чаще всего оно означает скверный исход событий. Отец, по-моему, никогда ее не видит. Зато с точностью до секунды знает, когда ее вижу я, и тянется за оружием раньше, чем я сообщу, кто нас ждет за поворотом: старый друг или крупные неприятности.

В ночь, когда умирала бабушка, на подоконнике тоже сидела сова. Бабушке становилось все труднее дышать, и из ее груди вырывались предсмертные хрипы. Вряд ли врачи и медсестры видели белую птицу, иначе попытались бы ее прогнать. А я к тому времени знала достаточно о другой стороне мира, чтобы держать рот на замке. Я молча сидела у больничной койки и держала бабушку за руку до последних мгновений ее жизни. Потом ждала в коридоре, пока над телом, которое покинула душа, совершали прощальные ритуалы и, в конце концов, увезли его в морг.

Доктора и социальные работники пытались поговорить со мной, но я вдруг почувствовала, как внутренности скрутило в тугой узел, и лишь тупо повторяла, что за мной уже едет папа. В действительности я не имела ни малейшего представления о том, где он находился в тот момент. Три месяца назад отец отправился очищать мир от темных сил, а я осталась присматривать за умирающей бабушкой.

Тем утром меня совсем не удивило появление отца в больнице. Он пришел уставший, небритый, с забинтованным плечом и с синяками на лице. Но пришел! Предъявил необходимые документы, подписал все бумаги, ответил на возникшие у врачей вопросы и забрал меня с собой. Как видите, все обошлось. Однако, вспоминая о той ночи, я часто размышляю, не придется ли мне когда-нибудь снова очутиться в коридоре, освещаемом

слепящими глаза флуоресцентными лампами, пропахшем моющими средствами и насквозь пропитавшемся леденящим ужасом.

Не люблю вспоминать об этом.

Я зарываюсь глубже в подушку, краем глаза разглядывая перья ночной гостьи, которые четко вырисовываются в лунном сиянии. Наконец мои глаза устало закрываются, и сознание поглощает теплая, обволакивающая темнота.

Когда прозвенел будильник, уже наступило раннее утро. Солнечный свет едва пробивался в окно и прямоугольником ложился на коричневый палас. Во сне я сбила с себя одеяло и под утро чуть не отморозила задницу. Наверное, папа не включил на ночь обогреватель.

Только через двадцать минут горячего душа я почувствовала себя живым человеком, а не заледеневшей спящей красавицей. Когда же, грохоча ногами по ступеням, я сбежала вниз, настроение испортилось окончательно и бесповоротно.

О чем говорить, если любимые джинсы оказываются грязными, а на виске, под копной тусклых каштановых волос, вылезает ужасный прыщ величиной с гору! Эх, не бывать мне красавицей наяву! С мрачными мыслями в голове я натянула серую футболку и красную толстовку с капюшоном, зашнуровала громоздкие ботинки с высокими берцами и решила не краситься. А зачем? Я не задержусь надолго в этом городке, так что никто и не успеет заинтересоваться моей скромной персоной...

Сумка со стуком упала на пол. В раковине по-прежнему громоздилась гора немытой посуды. А отец склонился над подносом на кухонном столе и заряжает обоймы. Каждый патрон входит в паз с характерным щелчком.

— Привет, малышка!

Фыркнув в ответ, я достала из холодильника коробку апельсинового сока, открыла и отпила большой глоток. Потом вытерла губы и громко, но, по моему мнению, весьма пикантно, рыгнула.

— Ты у нас — сама женственность!

Впрочем, отец даже не поднял от обоймы воспаленных голубых глаз.

Я знаю, что это означает.

— Сегодня опять идешь на охоту? — спросила я, а произнесенные слова «без меня» остались висеть в воздухе.

Щелк! Щелк!

Отец отложил заряженную обойму в сторону и взял новую. На серебряных пулях играли блики. Должно быть, он не спал целую ночь, отливая их.

— К ужину не жди! Закажи себе пиццу или что-нибудь еще!

Это второй признак, что он собирается на дело не просто рискованное, а очень рискованное. И главное: я ему вовсе не понадоблюсь, чтобы навести на жертву! Почему? Может, у него уже появились достоверные сведения об объекте охоты? Всю неделю отец пропадал ночами, неизменно возвращаясь к обеду, а за ним тянулся шлейф резкого запаха сигарет и опасности.

В других городах мы повсюду ходили вместе. Скажу откровенно, в большинстве случаев посетители в баре не обращают внимания на девочку-подростка, заказавшую кока-колу поздним вечером. К тому же рядом всегда есть папа, который решит любую проблему взглядом, по которому безошибочно узнают вооруженного человека, или метким словом, сказанным нарочито медленно, но таящим в себе неприкрытую угрозу.

В этом городе он меня никуда с собой не брал. И, видимо, искал цель без моего участия. Интересно, как? Наверное, старым проверенным способом. По-моему, он папе больше по нраву, чем мой.

— Я могу пойти с тобой.

— Дрю!

Одно-единственное слово, но папин тон отбивает охоту задавать вопросы! На его шее мелькнул, играя в утреннем свете, серебряный медальон мамы.

— Я тебе обязательно пригожусь! Хочешь, пистолеты понесу? И успею предупредить о незнакомце за углом, которого ты не видишь!

Мой голос дрогнул, срываясь на жалобный всхлип. Стараясь скрыть страх, я снова рыгнула. (Отрыжка получилась такой звучной, что задребезжали стекла в окнах, выходящих на заросший задний двор со сломанными качелями.). Я с трудом подавила желание изо всех сил пнуть ногой коробку с посудой, стоящую возле плиты и застекленного шкафа.

Взгляд остановился на маминой любимой жестянке из-под печенья. Эта коробка в виде ухмыляющейся толстой черно-белой коровки уже заняла свое место на раковине. Первая вещь, которая распаковывается в очередном новом доме, и последняя, которую всегда упаковывают в отдельный ящик вместе с ванными принадлежностями! Замечу, что я приобрела некоторый опыт в упаковке и распаковывании вещей: бывает вовсе не до смеха, когда после тридцатишестичасовой поездки пытаешься найти хоть клочок туалетной бумаги!

— В следующий раз, Дрю! — пообещал отец, подняв наконец-то глаза. Короткая русая щетина казалась совсем седой в свете флуоресцентных ламп. — Я вернусь поздно! Не жди меня, ложись спать!

Так хотелось уговорить его остаться, но при виде тонкой твердой линии папиных губ и, самое главное, бутылки виски на столе я отказалась от своих намерений. Вчера перед сном бутылка была почти полной. Теперь лишь несколько капель янтарной жидкости соперничали яркой желтизной с папиными волосами.

Папу можно было бы назвать блондином, если бы коротко стриженные волосы не отливали золотисто-рыжим. А вот я унаследовала мамин цвет волос, правда не такой яркий и бросающийся в глаза. Чем меня не обделила природа, так это глазами: они у меня папины, небесно-голубые. Остальное в моей внешности представляет большой интерес для любителей генетики. Пожалуй, за исключением носа. Он достался от бабушки, если только она не польстила мне, пытаясь излечить ранимую душу ребенка. Я ведь не красавица! Большинство девочек без особых переживаний проходят через период угловатой застенчивости, а я начинаю склоняться к мысли, что застряну в нем навеки!

Впрочем, я не переживаю насчет внешности. Лучше быть не слишком красивой, но умной и ловкой, чем хорошенькой и безмозгой! И в подруги себе я выбрала бы обыкновенную девчонку с головой на плечах, а не смазливую пустышку из группы поддержки!

Я наклонилась и подняла с пола объемную сумку. Расправила лямку руками в шерстяных перчатках с обрезанными пальчиками. В них хоть и зудят руки, но, по крайней мере, тепло. А если спустить ниже манжеты рукавов, перчаток вообще не заметно!

— Хорошо, ждать тебя допоздна не буду! — пообещала я папе.

— Сядь-ка и позавтракай!

Щелк!

Очередной патрон. Отец снова перевел взгляд на обойму, словно на свете нет ничего более важного и ценного.

Завтракать? Сейчас, когда он собирается в одиночку пойти на охоту и сразиться с нечистью? Он что, шутит!

Спазм скрутил желудок в тугий комок.

— Я опоздаю на школьный автобус. А хочешь, приготовлю тебе яичницу?

Не знаю, зачем я это предложила. Глазунья — любимое блюдо отца, но ни маме, ни мне не удавалось приготовить ее так, как нравится ему. Каждый раз у меня растекается желток, даже после папиных указаний, как правильно снимать лопаточкой готовую глазунью со сковороды. А мама... мама заливисто смеялась по воскресеньям и обещала подать к столу омлет или пережаренную глазунью. Тогда папа подходил к ней и, обняв за талию, зарывался лицом в длинные каштановые кудри. А я всегда начинала кричать: «Ой-ой-ой! Только без поцелуев!»

И они оба смеялись.

Это из прошлой жизни. Тысячу лет назад. Когда я была маленькой.

Отец устало покачал головой:

— Нет, спасибо, малышка. Тебе нужны деньги?

Заметив бумажник на стойке, я открыла его.

— Возьму двадцать долларов.

— На всякий случай бери сорок. — Щелк! Щелк! — Как дела в школе?

Просто отлично, папа! Лучше некуда! Две недели в новом городе вполне достаточно, чтобы обзавестись толпой друзей, ведь так?

— Нормально!

Я взяла деньги и с грустью прикоснулась пальцем к фотографии мамы за прозрачной обложкой бумажника.

Обложка от постоянных поглаживаний давно протерта в том месте, где сияет радостная улыбка мамы. Вьющиеся, как и у меня, рыжевато-каштановые волосы собраны на затылке в свободный хвостик, а несколько выцветших локонов спадают на очаровательное личико в форме сердечка. Мама была настоящей красавицей! Стоит лишь однажды увидеть ее на фотографии, и сразу станет ясно, почему отец влюбился в нее. Кажется, будто в воздухе до сих пор витает аромат ее духов.

— Всего лишь нормально? — не унимался отец.

Щелк!

— Все хорошо, правда, пап. Тоскливо, конечно. Впрочем, как и везде! — Переступив с ноги на ногу, я положила бумажник на место. — Мне пора!

Щелк!

Он даже не поднял головы, чтобы проводить меня взглядом.

— Давай иди! Я люблю тебя.

Сегодня отец надел обычную для охоты одежду: флотскую толстовку и синие спортивные брюки с маленькой дырочкой на колене. Я не могла оторвать грустного взгляда от его склоненной головы, наблюдая, как отец заряжает обойму, откладывает ее и берет новую. Я почти чувствовала пальцами, как каждый патрон проскальзывает на свое место.

С трудом преодолевая застрявший в горле комок, я все-таки попрощалась с ним:

— Ну ладно! Тогда пока! — Будь осторожен! Не дай им себя убить!

Я вышла из кухни и потопала по коридору в прихожую, больно ударившись ногой об

одну из коробок. Там лежат вещи для гостиницы — руки не дойдут распаковать. Впрочем, иногда мелькает мысль: а зачем? Все равно через пару месяцев придется собирать вещи заново.

Я громко хлопаю входной дверью и сразу натягиваю капюшон, пряча под ним волосы. Особой прически у меня нет, хватит и того, что я периодически пытаюсь расчесать непокорные космы гребенкой. Вот у мамы локоны лежали один к одному, а на моей голове — сплошная путаница. И без того незавидное состояние волос только ухудшается из-за влажного климата, характерного для захолустья на Среднем Западе. Обволакивающий влажный холод превращает выдыхаемый воздух в белое облако и безжалостно леденит локти и колени.

Дом, который мы снимаем, стоит последним в ряду таких же одинаковых домов, построенных через равные промежутки друг от друга. В здешних краях солнцу редко удается пробиться сквозь затянувшие небо облака. Воздух на вкус отдает железом. Я постоянно мерзну.

До приезда сюда мы путешествовали по Флориде, где царит удушающая жара, растекающаяся по коже тягучим елеем. Мы охотились на четыре полтергейста в Пенсаколе и на неугомонный призрак женщины — даже отец разглядел его без моей помощи — в каком-то глухом городишке на севере Майами. В дороге мы повстречали магическую лавку и ее жуткую хозяйку, державшую в стеклянных банках гремучих змей. Отец купил у нее серебро — единственное эффективно действующее средство против потусторонних сил. Кстати, в школу я не ходила, так как мы часто переезжали с места на место, меняя отели и не оставляя ни малейшего шанса застать нас врасплох тем, против кого отец использовал купленное серебро.

А теперь мы в Дакоте, где снег по колено! Здорово, да?

Двор зарос высоким бурьяном, забор покрашен, но краска уже отслаивается. Кое-где отсутствуют доски, из-за чего забор похож на широко улыбающийся щербатый рот. Тем не менее крыльцо в доме прочное, а сам дом и того крепче. Папа никогда не арендует хлипкие домишки, так как считает, что они пагубно сказываются на воспитании ребенка.

Я спрятала руки глубже в карманы, втянула голову в плечи и, сутулясь, отправилась в школу.

Живым отца я больше не видела.

Глава 1

— Мисс Андерсон?

Занудный голос миссис Блетчли вывел меня из раздумий: я уже давно отвлеклась от урока и, подперев щеку рукой, отрешенно разглядывала зимний пейзаж за окном. Впрочем, там не было ничего интересного, только заиндевевшая пустошь бейсбольной площадки. Я просто ждала звонка с урока.

Кстати, в средней школе «Фоули» почему-то не доверяют обычным звонкам. Вместо них раздаются звуки, скорее напоминающие трели сотового телефона. Они эхом разносятся по коридорам, возвещая о начале нового урока в очередном кабинете, где снова надо впрягаться в бессмысленную работу...

Карандаш в руке застыл над девственно чистой страницей тетради. Я отвернулась от окна и по тишине в классе поняла, что глаза всех присутствующих устремлены на мою скромную персону.

Как я ненавижу эти взгляды!

Миссис Блетчли — пухленькая круглощекая блондинка с темно-карими глазами-пуговками. Она постоянно носит очки в тонкой металлической оправе и пользуется ярко-оранжевой помадой, которая неряшливо расплывается по губам. Обычно на уроке Блетчли не расстаётся с линейкой и сжимает ее в руках, словно символ экзекуции, которую она собирается совершить над нерадивыми учениками. Если под руками нет линейки, она нервно теревит края бесформенного кардигана. Следует заметить, что гардероб нашей учительницы довольно убог, как и ее вкус, и состоит из трех жакетов: лимонного, голубого с вывязанными алыми розами и ядовито-желтого с круглым отложным воротником, в который она нарядилась сегодня.

Возможно, коллеги по школе считают миссис Блетчли добродушным и безобидным созданием, но на уроках она больше похожа на хищную лисицу, готовую стащить цыпленка из курятника. Не зря ученики прозвали ее за глаза Бешеной Собакой. Бешеная Собака Блетчли нутром чувствует страх потенциальной жертвы.

Существует два типа учителей: добрые и строгие. Добрые учителя приходят в школу с искренним желанием учить: такие либо сохраняют свое преподавательское кредо, либо ломаются под гнетом детской жестокости. Тогда они становятся нервными, истеричными и начинают бояться учеников, особенно выпускников старших классов.

Строгие учителя по своей природе отличаются от добрых коллег. Они похожи на акул — эдакий прожорливый, безжалостный механизм, способный унюхать каплю крови в бескрайнем океане!

— Вы не могли бы уделить нам чуточку вашего драгоценного внимания, мисс Андерсон? — поинтересовалась миссис Блетчли непередаваемым тоном, полным ядовитого сарказма.

По классу пробежала волна перешептываний, и раздался всеобщий вздох облегчения. Бешеная Собака нашла жертву на следующие тридцать минут, и, как ни странно, этой жертвой оказалась я.

До чего приятно быть новичком в классе!

Сейчас лучше всего промолчать. Строгие учителя имеют удивительное сходство с хулиганами и забияками: если не реагировать на их подначки, очень скоро они отстанут,

посчитав вас тупицей, от которого не дождешься путного слова.

Полуазиат-гот, сидевший передо мной, беспокойно заерзал на стуле. Высокий, костлявый, с копной черных вьющихся волос, парень даже в классе не снимает черного плаща. Когда он склоняется над столом, воротник плаща приподнимается по бокам, а сзади опускается, оголяя шею.

На мгновение я задержала усталый взгляд на курчавом затылке соседа и решила: «Эх, была не была!»

— Форт-Самтер, — громко произнесла я.

В классе воцарилась мертвая тишина. У миссис Блетчли хищно сузились зрачки, а я продолжила, бесстрашно бросаясь в омут головой:

— Вы спрашивали, где начались первые военные действия в Гражданскую войну. Это было сражение за Форт-Самтер, которое произошло двенадцатого или тринадцатого апреля 1861 года.

Я говорила ровным голосом, без вызова, но все равно по классу пробежал восхищенный шепот, перерастая в сдавленный смех. Ох, как строгие учителя не любят такие смешки!

А кто ж знал, что изучение истории Америки в старших классах станет таким увлекательным и забавным?!

Секунду-другую Блетч не спускает с меня прищуренных глаз. Я для нее пока остаюсь загадкой и, возможно, сегодня ускользну безнаказанно из ее цепких лапок. Парень-гот опять поерзал на стуле, отчего тот жалобно заскрипел.

Одарив меня напоследок взглядом, не обещающим в будущем легких побед, учительница явно решила переключиться на другую жертву:

— Благодарю вас за ответ, мисс Андерсон.

Зловещая пауза затянулась — миссис Блетчли рассеянно постукивала по столу линейкой. Ее лодыжки заметно отекли и нависли над полуботинками, не помогли даже черные подтягивающие чулки, виднеющиеся из-под длинной, развевающейся джинсовой юбки. Похоже, они сделаны из компрессионного трикотажа, который обычно носят диабетики.

Такие надевала бабушка, когда у нее болели ноги.

Меня пробрал озноб, когда я неуклюже присела на твердое пластмассовое сиденье. Смотреть в окно я больше не рискнула. Блетчли ничего не стоит вновь заняться моей персоной, а меня сейчас мучили другие вопросы. Почему я не сказала отцу о сове на подоконнике?! Интересно, дома ли он сейчас?

Во мне рождалось неприятное, отвратительное до тошноты предчувствие. Я опять уставилась на затылок парня впереди меня. Вот он снова заерзал, нервными движениями поправляя воротник за острые уголки.

«Не шевелись, — хотелось шепнуть однокласснику. — Она ищет новую жертву!»

Не переживай я так за отца, давно бы щелкнула соседа по макушке, чтобы избавить от нависшей угрозы быть заживо съеденным Бешеной Собакой. И плевать, что меня отправят к директору, оставят после уроков или придумают другое наказание...

Как и следовало ожидать, топор судьбы обрушился на невинную жертву!

— Мистер Грейвс.

Глаза Блетч засветились от предвкушения последующей экзекуции.

Паренек-гот застыл на месте, а его плечи напряглись в ожидании неминуемой казни.

Чуете кровь в воде? Акула уже оскалила хищные зубы! Как теперь избавиться от чувства

вины перед соседом, что не предупредила вовремя, не спасла?!

— Я надеюсь, вы ведете конспекты? И раз уж мисс Андерсон ответила на вопрос о начале Гражданской войны, то, может быть, вы поведаете нам о причинах ее возникновения?

Блетчли торжествующе подняла брови, а плотоядный блеск в ее глазах напомнил о гремучих змеях, посаженных в стеклянные банки. Немигающий взгляд гипнотизирует жертву, шелест трещотки на кончике хвоста царапает слух, стремительный рывок вперед — и змея с глухим стуком натывается на препятствие из стекла...

В моей памяти эта картина всегда сопровождается запахами риса с красной фасолью, невымытого тела и приторно-сладких благовоний. В тот раз мы заехали далеко от Флориды. Хозяйка небольшой оккультной лавки вызывала у меня неподдельный ужас. Ее мутные глаза напоминали жуткий бездонный омут, а за спиной стелился черный туман. Как я поняла, это облако возмущений пространственных сфер, недоступное для зрения обычных людей и принимаемое ими за прохладное дуновение ветерка. Хозяйка лавки окинула меня долгим оценивающим взглядом, но тут вмешался отец. Он щелкнул пальцами перед ее носом и сообщил, что она будет иметь дело только с ним, и спасибо вам, мадам, за понимание!

Зря я не рассказала отцу о сове!

Предположения о грядущем несчастье в одночасье переросли в уверенность. Меня всю передернуло, а пальцы рук будто онемели.

— Гм, причины Гражданской войны... ну, они... — мямлил тем временем паренек.

Что ж, Блетч нашла подходящую жертву. Остаток урока она провела, с упоением забрасывая его вопросами и придираясь к ответам, даже если они вдруг оказывались правильными. Вернее, если бедняге удавалось вставить слово в ее обличительный монолог. К концу занятия шея несчастного гота покраснела от напряжения. Мне было неловко перед ним, но я не позволила чувству вины завладеть собой. Этого еще не хватало!

В коридорах стоял привычный гам: накачанные индюки сходились в схватках, фифочки из группы поддержки жеманно кривлялись возле них, остальные скромно ошивались рядом. Мимо шла только девочка из параллельного класса искусств. Я нерешительно кивнула ей, но она лишь нервным движением поправила рюкзак на плече и прошла мимо, не ответив мне даже взглядом.

Как скверно быть новичком!

Школьный буфет шумел, как море во время прилива, а запах только что натертых мастикой полов вперемешку с назойливыми ароматами готовых обедов доносился аж до аллеи Смерти. Нет, ничего потустороннего! Аллеей Смерти учащиеся называют коридор, ведущий к кабинету директора. В этом же коридоре, недалеко от буфета, стоит телефон-автомат. Достав из кармана мелочь, я подошла к телефону, сунула монетку и набрала номер из записной книжки.

Таких номеров, наспех нацарапанных карандашом или ручкой, в книжке целый лист. Я их всегда записываю, когда мы въезжаем в новый дом в очередном городе, а напротив обязательно указываю имя владельца дома. Потом проще разобраться со счетами по оплате аренды. Не заучивать же мне наизусть каждый раз новый номер телефона?! По крайней мере, я так и ответила отцу на его нотации по поводу записных книжек. На что он посоветовал попридержаться язычок и, слава богу, отстал. Домострой семье Андерсонов не грозит.

В трубке слышались гудки: один... три... пять...

Наверное, папы нет дома, или он вышел во двор и не слышит звонка. Хорошо бы, конечно, улизнуть сейчас с занятий и разыскать отца. Да только он разозлится, и придется мне прослушать очередную нотацию о первостепенной важности получения достойного образования. Если я осмелюсь возразить, что, мол, толку в таком образовании нет, что в школе меня не научат очищать дом от полтергейста или, допустим, убивать зомби, тотчас последует лекция о том, что мне нужно вести нормальную жизнь девочки-подростка.

Пусть отец преследует всякую нечисть из сказок, по его словам, это не дает мне права сбегать с уроков. Никогда и ни при каких обстоятельствах! Даже если на охоте папа почти как слепой котенок, потому что лишь женщины в нашей семье наследовали то, что бабушка называла даром.

Непонятный, загадочный дар. То ли тихое помешательство, передаваемое по наследству, то ли сверхъестественные способности. Окончательного вердикта я пока еще не вынесла.

Что касается отца, он ни разу не огорчился и не выразил сожалений, что не оказался в числе кандидатов в психушку. С другой стороны, бабушка никогда не кичилась своими способностями, которые пренебрежительно называла «всякими глупостями», и вряд ли рассуждала по-иному в молодости, когда отец был еще сопливым мальчишкой. Знаете, и отца как-то сложно сейчас представить в роли неуклюжего угловатого подростка, но доказательством тому служат увиденные мной картины-видения.

Бабушка была мастерицей в сотворении видений!

...После пятнадцатого гудка я повесила трубку и, тупо уставившись на телефон, начала нервно грызть ногти. Неприятно?! А больно-то как! Особенно если рана на косточках левой руки еще не зажила! У других девочек отцы наверняка не орут, не заставляют их, преодолевая боль, наносить бесконечные удары по боксерской груше. С каждым ударом все сильнее и сильнее, снова и снова, бить, бить, бить, чтобы в конце концов убить! Вряд ли мои ровесницы наливают в термос святую воду и передают папаше ружье в окно, пока тот сдерживает натиск омерзительных тварей. Как, например, случилось с гигантскими тараканами-мутантами в Батон-Руж, когда после изнурительной битвы пришлось везти папу в больницу и придумывать разные небылицы о том, каким образом из его ноги оказался вырван целый кусок мяса.

Иногда трудно определить, где лежит грань между обыкновенной ложью в Нормальном мире, и притворной бравадой, без которой в Истинном мире не обойтись. Вы не представляете, сколько опасных схваток происходит за гранью темного мира, когда презрительное фырканье достигает поистине грандиозных размеров.

Из телефонной трубки опять доносились лишь одинокие гудки.

— Все, хватит, — прошептала я себе под нос, и тихие слова заглушила очередная волна гула из буфета.

Я не стала возвращать пятьдесят центов, и телефон-автомат их благодарно проглотил. Секунду-другую я постояла возле автомата, внимательно разглядывая его, будто он единственный способен подсказать самый лучший способ решить мои проблемы.

В коридоре стояли запахи мокрой шерсти и расплавленного асфальта, смешавшиеся с дыханием почти двух тысяч подростков. Я молчу об убийственной вони от потных ног в грязных носках и жирных обедов из проникших во все уголки закусочных Рональда Макдональдса. По своему опыту скажу, что так пахнут все школы в США, разница лишь в

процентном содержании пота и жирности гамбургеров.

Из-за гула, доносившегося от буфета, ужасно разболелась голова, как у мамы, когда ее настигал очередной приступ мигрени. Очень хотелось есть. Пойти, что ли, в буфет? Придется потолкаться в очереди, потом искать свободное место, оказаться за столом нос к носу с незнакомыми ребятами, наткнуться невзначай на местных недоносков... Нет уж, спасибо!

Если пойду домой, возможно, застаю отца, и не избежать мне тогда очередной душевспасительной лекции. Если он уже ушел, не найду себе места — буду слоняться из угла в угол по всему дому, ждать и нервничать. Может, остаться на геометрию и урок изобразительного искусства? Тогда точно свихнусь от переживаний. Ладно, рисование — самый приятный урок в расписании на сегодняшний день — можно и потерпеть, если бы не лекция по гражданскому праву. Очередная трата полезного времени! Пожалуй, я больше узнаю о правах и обязанностях граждан из дневных новостей! Конечно, если считать кучу трепачей в дорогущих костюмах единственными достойными гражданами нашей страны!

На школьных уроках редко узнаешь что-нибудь путное. Честно говоря, я бы предпочла прогуляться с отцом по городку или заняться «информационной разведкой». Так папа называет посещение оккультных лавок или пивных баров, где в перерывах между стрельбой собирается и шепчется по углам определенный контингент, знающий многое о темном, Истинном мире.

Так, например, в чайной лавке в Нью-Йорке обычно тусуется старинный приятель отца Огаст. Чтобы войти в призрачный сумрак лавки, нужно всего лишь подняться по лестнице и еще раз подняться по ней же, если желаете выбраться из оногo...

В Сиэтле есть небольшой бар, место встречи местных охотников за нечистью. У хозяина заведения торчат клыки из нижней челюсти, а лицо, сплошь покрытое наростами и бородавками, придает ему сходство с троллем, который сидит под мостом и ест на завтрак козлят...

Или ночной клуб в Пенсаколе, где вспышки импульсных ламп выхватывают из темноты ревушие лица с разинутыми ртами.

Сельский магазинчик на проселочной дороге неподалеку от Порт-Артура, где на крыльце сидит женщина в кресле-качалке. В бумажном пакете у своих ног она найдет все, в чем вы нуждаетесь, а вокруг клубятся облака серой пыли, мерцающие в окнах по ночам...

Впрочем, повсюду есть заведения, где запросто можно достать несуществующие и нереальные, казалось бы, товары. Если в них есть нужда, платите. Хотите — гоните монету, хотите — поделитесь информацией. Иногда, правда, приходится расплачиваться кое-чем менее осязаемым. Например, услугой или воспоминаниями.

И даже душами!

А может, мне самой провести разведку? Вдруг найду отца в каком-нибудь укромном местечке? Входы в Истинный мир спрятаны от обычных глаз, но от моего взора им не скрыться. Я всегда натыкаюсь на них, наверное, потому, что бабушка придумала игру «Что есть на столе?». Помню, я закрывала глаза и по памяти перечисляла все предметы, которые она расставила для очередной трапезы на обеденном столе. Предметы имели как материальную оболочку, так и мысленные образы.

Решено, иду на разведку. Это лучше, чем мириться с обычными для подростка невзгодами в виде уроков, миссис Блетчли и общения с нелюдимыми одноклассниками. Резко развернувшись, я направилась к двери, ведущей на футбольный стадион и площадку

для игры в бейсбол. В школе «Фоули» нет заборов и оград — редкое исключение в наше время! Стоит всего лишь пересечь обе площадки, пробраться сквозь рощицу и окажешься на свободе! У меня ведь завалились лишние двадцать долларов, так что посижу спокойно в кафе или другой забегаловке, а потом настроюсь на серьезный лад и пойду туда, куда подсказет интуиция.

На улице по щекам хлестнуло промозглым холодом. В воздухе витал мерзкий запах ржавеющего металла. Я шла, глубоко втянув голову в плечи. От мороза в носу тотчас засвербело. Из-под ботинок слышался хруст заиндеветшей травы.

Богатый у меня выбор, ничего не скажешь! Сбежать с уроков и отморозить задницу или вернуться обратно в теплый класс и в буквальном смысле слова умереть от скуки.

— Эй! Эй, погоди!

Я проигнорировала возгласы, полностью сосредоточившись на процессе вытирания мокрого носа рукавом куртки. За спиной раздались скрипучие шаги. Я старалась идти прямо, не сутулясь и не ускоряя шага — ничем не выдавая, что слышала окрик. Правда, если меня догоняет учитель, придется придумывать вескую причину, объясняющую мое пребывание за пределами школы в столь неподходящее время. Что ж, пора призвать на помощь творческую жилку, которая всегда помогает придумать правдоподобную ложь и избежать лишних неприятностей.

Надо обязательно ввести в школьную программу уроки по вранью. Интересно, кто бы взялся преподавать? А результаты проверяли бы на детекторе лжи?

— Эй, Андерсон!

Голос принадлежал явно не учителю, слишком уж молодой и явно не женский.

Блин! Ну и везет мне! Задиры обычно ко мне не пристают, но чем черт не шутит! Остановившись на галечной дорожке, я повернулась на каблуках и дерзко вскинула голову. Волосы тотчас упали на глаза, хотя большая часть так и осталась под капюшоном.

Ко мне приближался тот самый полукровка-гот из класса по истории Америки.

Он резко притормозил возле меня, полы длинного плаща звучно шлепнули по ногам. Воротник предусмотрительно приподнят, но мороз уже успел размягчить парню щеки и нос, высывающийся из-под копны выкрашенных в черный цвет волос. Узкая грудь вздымается под футболкой с изображением «Black Sabbath». Парень пытается отдышаться, с интересом рассматривая меня сквозь пряди упавшей на лицо челки. Глаза у него оказались непонятного цвета, кажется, светло-зеленого. Трудно разглядеть цвет глаз, когда они мелькают за завесой волос. Через несколько лет парень, похоже, превратится в настоящего красавца при таком-то необычном сочетании светлых глаз и темных густых кудрей.

Ну а сейчас он находится на промежуточной стадии развития, когда мальчишки выглядят, будто их собирали по частям, взятым из разных каталогов.

Бедняжка!

Я молча ждала продолжения. Наконец он отдышался:

— Хочешь сигаретку?

— Нет. — Отстань, ради бога!

У парня оказалось почти детское, кукольное личико, одно из тех, что доставляют массу хлопот и неприятностей мальчишкам его возраста. На лице выделялись высокие скулы и непропорционально крупный нос. При «удачном» смешении разных кровей из метисов получаются очень красивые люди, а этого полукровка природа, видать, обделила. На вид ему не дашь больше двенадцати, если не обращать внимания на высокий рост и прическу,

благодаря которым он, возможно, и выглядит на свои шестнадцать лет.

Он носил забавные, зашнурованные почти до колен берцы со стальными защитными пластинами в носках, а на худой костлявой груди болталось перевернутое распятие на серебряной цепочке.

Я отступила на шаг и снова взглянула на одноклассника. Ничего! В смысле, ничего потустороннего в этом пареньке не прослеживалось. Как, собственно, я и предполагала, хотя проверить лишний раз не мешает.

«Лучше дважды проверить и жить спокойно, чем проморгать опасность и нарваться на крупные неприятности», — часто говорил папа.

Папа! Ушел ли он из дома? На улице еще светло — возможно, с ним ничего не случилось. Только не нравится мне, как сжимается сердце при мысли об отце.

Тем временем паренек порылся в кармане, вынул смятую пачку сигарет «Уинстон» и с видом бывалого курильщика прищурился. По крайней мере, он не унаследовал узкий разрез глаз, а то выглядел бы как косоглазые злодеи из вестернов с Клинтом Иствудом.

— Хочешь сигаретку? — повторил он.

Чего ты ко мне пристал?

Я перевела взгляд на его распятие. Интересно, мальчик знает, что означает перевернутый крест? Или хотя бы представляет, какие неприятности ожидают его из-за сатанинского символа в не столь отдаленных краях?

Скорее всего, не понимает и не имеет ни малейшего представления. Люди в обычном мире уверены, что кроме них в игре по имени «жизнь» делать ставки некому. По этой причине Истинный мир всегда имеет фору и побеждает за гранью реальности.

— Нет, спасибо. — Мне бы сейчас чашечку кофе и огромный сэндвич да переждать время в укромном местечке, куда не проникает солнечный свет и где не придут в голову странные мысли: а не с другой ли я планеты? Ради Христа, оставьте меня в покое! Я должна была рассказать отцу о сове! Эта мысль острой болью терзала сознание. — Не повезло тебе с Блетчли.

В ответ парень как-то по-птичьи пожал плечами. Было в нем много от суетливой птички, начиная с огромного носа-клюва, резко выделяющегося на карамельном личике, и кончая нелепой привычкой взмахивать руками.

Он выудил сигарету из пачки, прикурил серебряной зажигалкой и, глубоко затянувшись, зашелся сухим кашлем.

Господи! Подумать только, я стою и морожу задницу возле какого-то гота! Выдаются же деньки, когда понимаешь, что жизнь совсем не простая штука!

— Не обращай внимания, — выговорил он, откашлявшись. — Блетч — та еще стерва и всегда измывается над нами.

Ой, как я рада, что не помешала учебному процессу!

Я стояла молча, выискивая, что бы еще сказать. В конце концов просто пожала плечами:

— Ну, пока!

— Что, с уроков сбегаешь? — не отставал парень, совершенно игнорируя намек на то, что я собираюсь уходить одна. — Хорошее начало в новой школе.

Да отцепись ты!

Вслух произнесла более вежливо:

— Мне сегодня не до этого.

— Отлично! Есть здесь одно неплохое местечко! Ты играешь в бильярд? — Он умудрился не задохнуться от очередной затяжки. — Кстати, я — Грейвс.

— Я в курсе. — Переведя взгляд на ботинки, я мрачно тянула время. — Меня зовут Дрю. — И даже не смей спрашивать, от какого имени это сокращение.

— Дрю, — повторил он. — Ты ведь новенькая? Появилась у нас примерно пару недель назад, так? Добро пожаловать в школу «Фоули»!

Ты еще торжественную речь толкни, придурок! Демонстрируешь провинциальное гостеприимство? Не хватает только нацепить на меня венок из цветов, как делают на Гаити!

Однако отделаться от случайного попутчика, не привлекая внимания, сейчас не получится, поэтому в ответ на его тираду я только хмыкнула.

Мы шли по футбольному полю и со стороны, наверное, смотрелись довольно нелепо; верзила в плаще и семенящая позади, закутанная в куртку коротышка. Впрочем, Грейвс укорачивал шаг, стараясь не обгонять меня — не всем же повезло с ногами от ушей! Пока мы шли рядом, я окинула его оценивающим взглядом. Что ж, паренек хоть и высок, да не крепок. Случись сойтись с ним в поединке, перевес окажется на моей стороне.

И все же со мной в рошу направляется совершенно незнакомый подросток. Украдкой взглянув на его руки, я почему-то решила, что он вряд ли принадлежит к категории маньяков. Впрочем, в случае чего он обязательно получит достойный отпор и заречется впредь не приставать к одиноким девушкам. Да и рощица не такая и широкая...

Грейвс предпринял очередную попытку завязать беседу:

— Откуда ты приехала?

Из другой галактики — отсюда не видать. С планеты, где кошмары из сна давно стали реальностью!

— Из Флориды.

Рано или поздно меня всегда об этом спрашивали. Иногда я врала в ответ, особенно когда была младше. В последнее время я обычно называю те места, где мы жили до переезда.

В действительности никого не волнуют подробности чужой жизни. Окружающих интересуют лишь ваше соответствие их мелочным, чаще всего предвзятым представлениям об окружающем мире. Люди раскусят, что вы за фрукт, в течение нескольких секунд при первой встрече и непременно огорчатся, задержатся или занервничают, если вы не влезаете в рамки общепринятых стандартов. Кстати, в этом проявляется единственное сходство между обычным и Истинным мирами: все и всегда зависит от того, что про вас подумают. Следуйте правилам игры, совершайте поступки, которых от вас ждут, и семь футов под килем обеспечены!

— Тебя выдает южный акцент. Крутые перемены в жизни? Между прочим, сейчас пойдет снег, — сообщил он с таким видом, будто я теперь по гроб жизни должна благодарить его за важную новость.

Ремень сумки все ощутимее натирал плечо. А тут еще непрошенный благодетель выискался на мою голову! У меня нет южного акцента! Просто произношу слова, как любимая бабушка, и точка!

— Спасибо за предупреждение, — ответила я, стараясь не заводиться, но не удержалась от сарказма в голосе.

— Пожалуйста. На первый раз услуга бесплатная!

От неожиданности я окинула его удивленным взглядом. Грейвс прятал улыбку под

длинными прядями челки, наполовину закрывающей лицо. Непокорная челка покушалась и на нос, но сей внушительный, костлявый объект не желал сдаваться без боя!

Грейвс выглядел ужасно замерзшим, к тому же у него и перчаток не было.

На секунду у меня возникло непреодолимое желание открыть ему правду и честно сказать:

«Привет! Меня зовут Дрю Андерсон. Мой папа, наверное, сошел с ума, когда умерла мама. Теперь он путешествует по миру, охотясь по ночам на всякую нечисть из сказок и фильмов ужасов. При случае я всегда помогаю отцу, но обычно становлюсь для него настоящей обузой. Хотя могу, не напрягаясь, указать тебе прямо сейчас укромные местечки, где в вашем городишке ночные твари устроили логово. А сейчас я сбегая с уроков, потому что через какие-то три месяца меня уже здесь не будет. И плевать я хочу на школу!»

Конечно, я не поддаюсь искушению, а вместо этого вдруг поняла, что улыбаюсь парню в ответ:

— Надел бы перчатки.

Грейвс удивленно взглянул на меня, наконец-то откинув волосы с лица. Глаза у него оказались зелеными, с золотисто-карими крапинками, из-за которых время от времени меняется цвет радужки, а ресницы — густыми и длинными. Почему мальчишкам всегда достаются такие роскошные ресницы?! Вот она, вселенская несправедливость! А еще в метисах смешанные гены благотворно сказываются! Со временем Грейвс возмужает — утончатся черты лица, нос не будет казаться таким огромным — и станут девчонки сходить по нему с ума. Легкие победы вскружат голову глупому парню, и пошло-поехало...

— Перчатки не соответствуют имиджу, — рассмеялся он, прерывая мои размышления.

В левом ухе сверкнула серебряная сережка, которую мне по-прежнему не удавалось толком рассмотреть.

— Замерзнешь к черту!

Наконец мы добрались до края футбольного поля. Грейвс свернул направо и повел меня по протоптанной тропинке. Над головами сплелись обнаженные ветви деревьев, аромат опавших листьев на земле щекотал ноздри сухой пылью. Здание школы вот-вот скроется из виду, и в первый раз за весь день я почувствую себя относительно счастливой.

Грейвс хмыкнул и снова откинул волосы назад, затягиваясь сигаретой. Сигаретный дым повис в воздухе в форме совы, но я закрыла глаза в надежде, что видение исчезнет.

— Красота требует жертв, а цыпочки не гуляют с парнями в перчатках.

Спорим, что в вашем образцовом захолустье цыпочки не обращают на тебя внимания.

— Откуда ты знаешь?

Я перешагнула через корень дерева, и сумка хлопнула меня по бедру.

— Просто знаю. — Он оглянулся на меня через плечо, и непослушная челка снова скрыла его ухмылку. — Ты так и не ответила насчет бильярда. Нравится тебе эта игра?

— Не ответила? — Вдруг меня снова охватило чувство вины перед Грейвсом. Он просто пытается понравиться, а я веду себя как злобная стерва. В каждой школе всегда найдется паренек, который лелеет надежду подружиться с новой девочкой. — А знаешь, я ведь обыграю тебя! Спорим?!

Пожалуй, повременю с поисками паранормальных явлений. Да и папа привяжется с очередной лекцией, если я займусь ими самостоятельно. Так было в Далласе, когда папа наткнулся на меня и пучеглазого остроухого гремлиина. Мы самозабвенно забрасывали друг друга банками из-под кока-колы. Как папа рассердился! А как ругался...

— Обыгрывай! — Судя по голосу, Грейвс нисколько не обиделся на мой дерзкий тон. — Если получится, Дрю!

Рассказать ему, что папа научил меня играть в бильярд, и игра стала единственным способом выжить в скверные времена? Ну уж нет! В конце концов, если я собью спесь с долговязого хвастуна, может, он оставит меня в покое?!

Глава 2

Домой я добралась после пяти часов вечера на грохочущем, подсакивающем на каждом ухабе автобусе. Могла бы приехать и позже, если бы Грейвсу удалось уговорить меня еще на пару партий в пул. Однако на меня давила атмосфера, царящая в местном клубе. Открытый для посетителей всех возрастов, он гудел, словно улей, от пульсирующих ритмов, доносившихся из музыкального автомата. Кроме того, в клубе имелись крытые бейсбольные площадки и теннисные корты, поэтому внутри витал такой тяжелый дух, будто все школьники сбежали с уроков и тусуются исключительно в этом месте.

Наконец я вырвалась на свободу из душного клуба и направилась домой, вычислив нужный автобус. Благодаря бесконечным переездам из одного города в другой я наострилась быстро разбираться в маршрутах общественного транспорта в любом штате Америки. К тому же в этих краях транспортная система совсем простая.

Отцовского грузовика на месте не оказалось, но на кухне горел свет. Там меня дожидались пятьдесят долларов и записка:

«Меня не жди. Закажи себе пиццу и помни, малышка: сначала уроки, потом телевизор. И не забудь о ежедневных тренировках по ката! Люблю, целую, папа»

Остальные отцы наверняка уже обедают за кухонными столами, а мой родитель оставил пятьдесят баксов и записку с напоминанием о дурацких упражнениях!

Эх, все равно надо погреться — холод пробирает до костей! Я бросила сумку на кухне и с грохотом распахнула дверь в гараж — из-за неисправной пружины она скрипит при каждом дуновении ветра. Сумка едва успела со стуком упасть на пол, а я уже скинула куртку и, дрожа всем телом, застыла в стойке на бетонном полу.

Отцу нравится каратэ, и, как человек в таких делах искушенный, он выбрал для меня именно это боевое искусство. Что до меня, телосложением я пошла скорее в маму: такая же поджарая. Не хватает только ее мягких, соблазнительных изгибов бедер и тонкой талии. Иногда мне кажется, что я состою из одних острых углов. Исключением стали небольшие холмики на груди, но и они доставляют пока больше хлопот, чем удовольствия от внимания мальчишек.

Во мне нет мышечной массы, которая сдержит прямой удар кулаком. Поэтому оптимальным вариантом для меня стало боевое искусство тай-ци, которое папа на трезвую голову называет «Основами неравного боя», а после пары стаканчиков виски — «Шестью гениальными способами надрать задницу противнику». Мне нравится тай-ци, плавный переход из одного движения в другое при размеренном и медленном дыхании. К тому же упражнения требуют немалых усилий. Ноги всегда чуть согнуты в коленях, и к концу тренировки мышцы с подколенными сухожилиями нещадно ноют от напряжения. Но до чего приятна эта тянущая боль в мышцах!

Вдох-выдох! Чешем лошадиную гриву! Ловим хвост ласточки!

Во время тренировки я наконец-то согрелась, и с меня спало напряжение, скопившееся за целый день. Теперь мне намного лучше. Напоследок глубокий вдох, за ним выдох: я достигла абсолютной гармонии с собой (хотя предела совершенству нет). Однако стоит только открыть глаза, и внешний мир снова врывается в сознание, а с ним и тревога за отца.

Я с грохотом распахнула дверь и влетела на кухню, громко топая по полу. Конечно, можно обойтись без шума и пыли, так сказать, но это единственный способ наполнить пустой дом живыми звуками.

Проинспектировав содержимое холодильника, я остановила выбор на полной миске хлопьев. После огромной порции жирной пиццы в местном клубе мысль о еще более калорийном сыре (даже вкупе с перченой колбасой!) отнюдь не казалась соблазнительной. Вот почему я с жадностью набросилась на пшеничные хлопья, запивая их коктейлем из виски с колой.

Потом поднялась в свою спальню, завалилась на кровать и залюбовалась игрой света на потолке. Не поверите, но в каждой комнате свет отражается на неровной поверхности потолка по-разному, рисуя необыкновенные, витиеватые узоры. Описывая только их, я без особого труда сумею рассказать обо всех домах, в которых мы жили прежде.

Хотите? Ну, нет так нет!

Самой неприятной особенностью папиных ночных вылазок является то, что с приближением сумерек любой дом, где бы мы ни жили, начинает пугать звенящей пустотой. Ночь — излюбленная пора большинства обитателей Истинного мира. Они начинают «резвиться», «закупать продукты в магазине, а то солнечный свет обжигает кожу, словно кислота» или помогают «отдельным неосмотрительным особам исчезнуть с лица земли — ням-ням!» На ваш выбор!

Закутавшись удобнее в мамин красно-белый плед, я медленно потягивала коктейль маленькими глоточками до тех пор, пока не защипало язык. В коктейле — равные порции кока-колы и виски, поэтому очень скоро по телу разлилось мягкое, приятное тепло. Часы мигали крошечными красными огоньками, в углах сгущался сумрак. Под неистовыми порывами ветра дребезжала стеклянная дверь на веранде.

Когда мы снимаем квартиру в жилом доме, я часто играю сама с собой, прислушиваясь к звукам. Слыша, как приходят соседи с работы, придумываю для них разные судьбы. Знаете, большинство многоквартирных домов, если вслушаться, имеют голоса, и спустя некоторое время они сливаются в единый хор. Внимая ему, можно выделить неповторимый голос любой отдельно взятой квартиры, а соединив их снова вместе, услышать очаровательную мелодию под названием «Дом, милый дом». Например, в квартире за стенкой каждый вечер после ужина парень играл на виолончели. Какое наслаждение доставляла эта музыка, несмотря на прискорбный факт, что другой сосед этажом ниже регулярно избивал жену раз в месяц, когда подходил срок оплаты аренды.

И дома отличаются друг от друга. Ночами они скрипят полами, тихо шелестят обоями и что-то бормочут на пыльном чердаке. С приближением сумерек дома — независимо от возраста — начинают рассказывать свои жуткие истории. Поначалу я заглушала их громкой музыкой, но потом перестала, испугавшись, что однажды не расслышу крадущиеся в темноте тихие шаги. Если приходится постоянно иметь дело с настоящими привидениями и полтергейстами, подобные мысли рано или поздно приходят в голову.

Поэтому я обычно жду отца с охоты, чутко прислушиваясь к ночным звукам. Ночь тянется невероятно долго, если ждешь домой близкого человека. Как-то, чтобы скоротать время, я пристрастилась к телевизионным передачам про потусторонние силы. Те самые, в которые верится с трудом и с которыми обычно сталкиваются без свидетелей, то есть с глазу на глаз. Так однажды отец обнаружил меня спящей на полу нашего домика на колесах велосипеда, взятого напрокат в Байронвиле. Мои волосы упали на поднос с едой, руки

судорожно сжимали бейсбольную битую, а из телевизора раздавались истеричные вопли «Сумеречной зоны». После этого случая папа взял с меня слово, что я не буду его ждать и в положенное время отправлюсь спать. Теперь я засыпаю в кровати, правда, не сразу. Отсутствие отца не дает мне покоя, вот и начинаю размышлять, какие могли возникнуть у него проблемы на охоте.

А проблемы возникают часто, даже слишком. Их и в нормальном мире хватает, но в Истинном мире они усугубляются наличием клыков и когтей. Причем свежие раны появляются быстрее, чем заживают те, что были получены раньше. Огаст называет их «положеньицем», папа — «злым роком», а Хуан-Рауль де ла Хойя-Смит — «дьявольским невезением, chingada».

На сей раз я не имела ни малейшего понятия, за кем охотится отец. По дороге из Флориды он ни слова не проронил о цели поездки. Это вызывало удивление, потому что обычно он просит меня найти хоть крохи информации о предстоящих жертвах в книгах о паранормальных явлениях (у папы целая коллекция старинных книг в кожаных переплетах хранится в многочисленных коробках). Иногда я помогаю отливать серебряные пули и затачивать ножи, даже высказываю свои соображения по поводу будущей папиной жертвы. Часто отец устраивает мне экзамен по тактике на случай встречи с какой-нибудь нежитью.

Наверное, в радиусе трехсот миль я — единственная шестнадцатилетняя девчонка, которая умеет отличить полтергейст от настоящего привидения (кстати, поделюсь секретом: если видение развеивается от азотной кислоты или швыряет в вас всякой дрянью, значит, перед вами полтергейст). Еще умею вывести на чистую воду поддельного медиума (уколите его железной иглой и увидите, что произойдет). Мне известны шесть признаков настоящей оккультной лавки. Например, прежде чем говорить о купле-продаже, хозяин магазина обязательно запирает двери на надежный засов. Я знаю и четыре основных правила поведения в баре с незнакомцами, знающими о существовании темной стороны мира. Первое и основное правило: никогда не показывать страх. Кстати, знаю, как получить доступ к общественной информации и как разговаривать с официальными правозащитниками. Скромная улыбка и правильно выбранный наряд всегда срабатывают безотказно. Вскрыть базу данных с журналистскими файлами и полицейскими отчетами — не вопрос. Здесь действует первое правило хакера: не пойман — не вор.

Поймите, даже если у вас прекрасная интуиция, нельзя просто подойти к людям и надоедать назойливыми расспросами о соседе-экзорцисте или нераскрытом преступлении, произошедшем в прошлое новолуние. Ни в коем случае нельзя проявлять излишний интерес к домам с призраками, которые часто становятся излюбленным местом вакханалий, устраиваемых оборотнями. Мясо там подается не просто слегка непрожаренным, с кровью, а абсолютно сырым. Кроме того, оно раскладывается огромными кровавыми горами, и отнюдь не на тарелочке с голубой каемочкой.

Вот почему приходится с головой окунаться в гущу событий, чтобы установить определенную закономерность, которая рядовому обывателю покажется лишь случайным совпадением или несчастным случаем.

— Собирай информацию и выйдешь на след! — советовала бабушка.

— Иди по следу и выйдешь на добычу! — вторил ей отец. А потом часто добавлял: — Не позволяй мистической подоплеке событий затмить логику!

За кем же сегодня охотится папа? Что-то тревожно на сердце. Я глотнула еще коктейля из колы с виски.

Безмолвный CD-плеер стоит у противоположной стенки рядом с книжным шкафом, в котором лежит одна одежда. Напротив гардероба возвышается другая гора из одежды, подпертая коробкой с дисками, а возле матраса и прикроватной тумбочки стопкой сложено постельное белье. Вот и вся роскошь Каса-Андерсон!

Я давно перестала украшать стены любимыми плакатами и расставлять книги по полкам. Чего стоит созданный уют, если завтра снова в путь?! Что касается отца, для него главное, чтобы простыни на кровати были чистыми. На мое счастье, несколько лет назад он перестал крахмалить белье. Во время службы в армии его приучили к этой процедуре, но я наотрез отказалась возиться с крахмалом. В конце концов папа сдался. Нужно заметить, что у меня хватило ума воздержаться от комментариев по поводу того, что жизнь из-за подобной ерунды не остановилась.

А еще говорят, что у детей отсутствует здравый смысл!

Пустой дом заполнялся симфонией стонов и скрипов, а за окном усиливался зимний ветер. Где бы вас ни застала ночь, помните, все меняется с наступлением темноты. Иногда приходит темнота теплая и обволакивающая, иногда пронизывающая до костей, заставляющая сжаться внутренности в тугий комок, но от мысли о надежных каменных стенах и прочной крыше над головой становится сладостно и уютно на душе.

Бывает, в воздухе витает предчувствие беды, и тогда темнота глухо стонет, хищно щеря мерзкую пасть с острыми клыками. Сегодня ветер выводил именно такую жуткую песнь.

Хоть бы папа скорей вернулся!

Я допила коктейль и, отыскав в сумке карандаш с альбомом, решила отвлечь себя любимым делом. Через мгновение длинные изогнутые линии сплелись в затейливый узор, и на листе бумаги расцвел изящный ирис — один из самых любимых бабушкиных цветков. Постепенно я увлеклась рисованием, раскрашивая лепестки в разные цвета: роскошный фиолетовый, безукоризненно-белоснежный, нежно-зеленый.

В своей жизни мне довелось нарисовать тысячи ирисов, особенно после смерти матери. Милая бабушка вручила мне тогда лист бумаги и карандаш, чтобы я не отвлекала ее от работы в хижине.

Когда я вспоминаю о днях после маминой смерти и первом исчезновении отца, наряду с шелестом бумаги и знакомым ощущением карандаша в руке память услужливо подсовывает воспоминания о бабушкиной домовитости — она постоянно что-нибудь чистила и скребла. В ее жизни не было ни одной бесцельно потраченной секунды: то бабушка мыла полы, добавляя в воду настой из пахучего боярышника, то чистила окна, то бежала собирать снесенные курицами яйца и кормить поросят, а то и дров впрок наколоть. Благодаря ее неутомимым стараниям наша лачуга всегда была уютной и чисто прибранной. Даже теперь, приученная бабушкой, я редко пройду мимо дома, чтобы не задуматься о более подходящем месте для поленницы. А еще, прежде чем разбить яйцо, обязательно кручу его на столе по часовой стрелке.

Удивительно, но бабушке в одиночку удавалось содержать большое хозяйство в идеальной чистоте. При этом она разбиралась в травах и каждый раз, отмывая полы и окна, добавляла в воду боярышник, эвкалипт, рябину, иногда тысячелистник и лаванду. Повсюду в лачуге были развешаны вязанки дикого чеснока и лука. Как сейчас помню: бабушка сидит за прялкой до позднего вечера, а я реву до хрипоты в горле, до kloкотания в груди, задыхаясь от собственного бессилия, а потом засыпаю глубоким сном. Я скучаю по папе и зову любимую мамочку. Испуганная маленькая девчушка осталась одна в огромном мире и не понимает,

что произошло.

Может ли понять пятилетний ребенок смысл слова «умерла»? или «ушла навсегда»? «однажды вернется»?

Незаметно подкралась глубокая ночь. Отсчитывая минуты, мигали часы. Я дважды успела сбежать в ванную комнату, плотнее укутавшись в плед, и даже смешала себе вторую порцию коктейля. Как бы ни пришлось выслушать от отца очередную лекцию об «ответственности за совершаемые поступки и зрелости личности». Потом он обязательно добавит, что мне до зрелости еще далеко, если, конечно, узнает о коктейлях, выпитых в его отсутствие. Впрочем, с тех пор как папа сам стал прикладываться к бутылочке, вряд ли его насторожит исчезновение виски.

После ирисов я начала рисовать предметы с натуры: лампу на ночной тумбочке, книжные полки, стенной шкаф с притворенными створками. Потом сделала набросок белья, принесенного из стирки и сложенного горкой возле гардероба, стараясь правильно передать свет и тени.

Часы неумолимо отсчитывали время — минуту за минутой. Давно допит второй коктейль, смешанный из изрядной порции виски и нескольких капель кока-колы. По чистому листу альбома пробежала длинная извилистая линия, начерченная сонной рукой. Отяжелевшие веки закрываются, и я забываюсь в глубоком сне.

Когда я проснулась утром, отец все еще не возвратился.

Интермеццо

Вдоль длинного коридора неслышно крадется темная фигура охотника, осторожно переставляя ноги в громоздких ботинках. Бетонный пол в коридоре испещрен змеистыми трещинами и широкими ручьями, о происхождении которых в приличном обществе не упоминают вслух. А мужчина переступает их с серьезностью карапуза, старательно перешагивающего трещины на городском тротуаре из страха провалиться в бездонную пропасть.

Вдруг в голове предупреждающе загудело. Я порываюсь окликнуть и остановить охотника — надо вовремя предупредить, что за ним следит Нечто Невидимое, — но коридор такой длинный, а словам никак не пробиться сквозь гул осинового роя. Давным-давно злющие осы свили гнездо в моей голове, и их жужжание электрическим разрядом пронизывает тело, словно я каждый раз наступаю на провод под напряжением.

Я редко вижу вещие сны. В последнее время они сняты примерно раз в месяц, обычно за несколько дней до начала менструации: видимо, судорожные боли и ясновидение идут рука об руку. Однако сегодняшний гудящий сон не похож на прежние, где я свободно парю над крышами домов или прячусь в темном и тесном подполе в обнимку с мягкими игрушками — ужаснее сна для меня нет!

Сегодняшний сон и на сон-то не похож, настолько он реален и красочен. Я отчетливо вижу каждый волосок на голове охотника, фиолетовые крапинки в голубых глазах, ворсинки на любимой куртке цвета хаки, каждую складку на отполированных армейских берцах. На пистолете, сжатом опытной рукой, тусклым пятном отражается свет.

Коридор освещен яркими флуоресцентными лампами, и их гудение вторит дьявольскому шуму в моей голове. Не могу произнести ни единого слова. Противный гул в

голове растворяет мысленные образы, как помехи на экране телевизора в одночасье парализуют способность мыслить. Просто сидишь и тупо пялишься на экран, как будто уродливое чудовище высосало весь мозг!

Время ползет безумно медленно, растягиваясь, как податливая резина. Кажется, каждый шаг занимает целую вечность. Но вот на пути встает обычная стальная дверь, отливающая серебром в свете гудящих флуоресцентных ламп над головой. Осы внутри головы уже не просто жужжат: словно по проводам, они пропускают ток по костям, вырываются на свободу и носятся под кожей противными мурашками, покалывая изнутри малюсенькими острыми лапками.

За дверью прячется Нечто, пахнущее беспощадной, промозглой тьмой, от которой по позвоночнику пробегает ледяная дрожь. Подобное чувство я испытала в полуразрушенном доме на окраинах Чаттануги, когда впервые отправилась с отцом на охоту. Оно возникло за секунду до появления полтергейста, который тотчас стал швырять в нас осколки стекла. Причем делал это с такой силой, что они с едва слышным звоном без труда пробивали ненадежные стены коридора.

Чувство грядущей опасности вновь пришло в захолустье в Южной Каролине. Местный король вуду наслал тогда на отца несколько зомби, пытаясь отомстить за вмешательство в его дела. Папа снимал заклятия и порчу, которые злой колдун насылал на неудобных, стоящих у него на пути людей. В тот разгодились все знания, полученные от бабушки и найденные в старинных книгах, чтобы прорваться сквозь тьму древних, хитроумно сплетенных заклятий, а отец был тяжело ранен и потерял много крови в битве с зомби. Тогда нам пришлось несладко!

Сейчас все мое существо вопит о неминуемой опасности. Громко, очень громко, но слов не слышно!

— Не входи! — кричу я в очередной тщетной попытке прорваться сквозь тишину. — За дверью стоит смерть! Не входи!

Охотник по-прежнему крадется вдоль коридора. С каждым его шагом гул в голове усиливается, и, в конце концов, я не выдерживаю, чувствуя, как меня покидает сознание. Сон растекается цветными чернилами на мокром холсте, и пока он не рассеялся полностью, я в последний раз пытаюсь докричаться до охотника и предупредить о нависшей опасности...

А он даже не оглядывается и продолжает бесшумно приближаться к двери. Сон медленно тает, словно сбивается резкость в объективе камеры, и по краям наползает темнота.

Я не оставляю попыток выдавить из горла предупреждающий крик, но вот отец медленно, словно лунатик, протягивает руку и поворачивает дверную ручку. Притаившаяся за дверью тьма с дьявольским, пробирающим до дрожи хохотом обрушивается на него...

Я проснулась, будто от толчка, словно одним резким нажатием на поршень шприца в кровь ввели лошадиную дозу крепкого-прекрепкого кофе. В правой руке судорожно сжаты обломки, некогда бывшие карандашом. Голова раскалывается от чудовищной боли и больше напоминает шар для боулинга, треснувший в нежных, но крепких объятиях великана. Я открыла глаза и не смогла сдержать громкого стога.

Сквозь оконное стекло в комнату проникал серый свет, по которому невозможно определить время суток. Огромный дом превратился в безмолвную ледяную пещеру.

Я приподнялась и охнула от боли. В висках пульсировала кровь, ребра ныли. Оказывается, во сне я перевернулась на бок и уперлась спиной в стену, а в живот врезался уголок альбома для рисования.

Я моргала глазами, которые как будто засыпало песком, и прислушивалась к шуму обогревателя, пытаясь различить сквозь его гудение дыхание отца, долгожданные шаги в гостиной.

Тишина.

Будильник стоял отключенный. Я смутно вспомнила, как сквозь сон нащупывала кнопку надрывающегося в беспросветную рань будильника и чуть не уколола ладонь сломанным карандашом.

Спрыгнув с кровати, я босиком выскользнула в коридор. Теплый плед не спасал от холода, но я укуталась в него по уши и сразу направилась к другой спальне в конце коридора, что рядом с лестницей.

Дверь была открыта, но шторы в комнате опущены. Я заглянула внутрь. Отцовская раскладушка и армейский сундучок стояли на обычном месте. Деревянный ящик с личными папиными вещами, у которого мне ни разу не доводилось даже приподнять крышку. Вот он, возле двери. Раскладушка аккуратно заправлена. Вряд ли на ней спали нынешней ночью, хотя папина раскладушка обычно выглядит как гладко обтесанная доска через пять минут после его пробуждения.

Нет причин для беспокойства. Папа внизу, наверное, опять уснул за столом на кухне. Или сидит в гостиной напротив телевизора с приглушенным звуком и накладывает на рану повязку. Ну, спустись и убедись сама. Давай скорее беги! Вот увидишь, он непременно там!

Пустыми надеждами сердце не обманешь! Каждый удар в груди отзывался острой болью в отяжелевшей голове и резкими спазмами в желудке. По лестнице я спускалась, словно дряхлая старушка, судорожно хватаящаяся за перила, чтобы не подвернуть ногу на скользких ступенях.

Зловещая тишина легла на плечи незримой ношей.

В гостиной все осталось неизменным с прошлого вечера: вот выстроились в ряд коробки, одиноко в сторонке покоится мое любимое оранжевое кресло с наполнителем из полистирола, а папино раскладное, как обычно, повернуто под определенным углом к телевизору. Телевизор выключен и мигает красным индикатором. В гробовой тишине дома даже слышно, как тот щелкает, включаясь и выключаясь.

На кухне отца нет. Грязные тарелки по-прежнему громоздятся в раковине. В доме стоит невообразимый холод. Я выскользнула обратно в коридор и принялась наобум тыкать кнопки обогревателя.

Он включился с еле слышным щелчком, который прозвучал в пустом коридоре оглушительно громко, заставив вздрогнуть от неожиданности. Потуже затянув на плечах мамин плед, я медленно, словно во сне, приблизилась к входной двери, открыла оба засова и рывком распахнула ее.

Промозглый холод окатил ледяной волной, выжигая глаза и сковывая дыхание в легких. Лужайку укрыла белоснежная простыня, и под мокрыми сугробами снега не было видно забора с выломанными досками. Дорога к дому выстилалась гладким ковром, на котором не видно ни единого следа.

Отцовского грузовичка поблизости не видать. Все дома по соседству спят под тяжелым покровом снега.

Вот тогда-то я и поверила в реальность сна. Поспешно закрыв входную дверь на оба засова, я что есть духу помчалась вверх по лестнице, спотыкаясь на каждой ступеньке. В висках отдавались глухие удары сердца, и тело при каждом шаге содрогалось от острой боли, расползающейся во все стороны. Я пронеслась по коридору и, ворвавшись в ванную, с грохотом захлопнула дверь и едва успела подбежать к унитазу. В следующее мгновение меня стало рвать одной желчью. Желудок спазмами скручивался в тугой узел, от боли из воспаленных глаз брызнули разъедающие глаза слезы. Наконец рвота прекратилась, и я громко разревелась, упираясь лбом в прохладный фарфор белого унитаза. Потом вдруг так захотелось писать, что я чуть не обмочила трусики. Я присела на унитаз, но тут снова начался приступ рвоты. Прижав голову к коленям, я попыталась проглотить подкатывающий к горлу ком.

Не помню, как долго я находилась в таком состоянии, но все это время мозг неотступно сверлила одна-единственная мысль.

Конечно же, папа вернется, убеждала я себя. А вдруг он просто застрял на занесенной снегом дороге?! Такое ведь часто случается! Да-да, наверняка грузовик заглох, или отца задержали другие неотложные дела...

Кого я обманываю? Грузовик не застрянет на дороге — не такие уж и большие снежные заносы. Кроме того, он тяжелый и мощный, а под пассажирским сиденьем есть коробка с цепями. Предусмотрительный папа никогда не допустит, чтобы непогода нарушила планы и помешала охоте. На пути домой, где ждет единственная дочь, его не остановит никакая снежная буря.

А что, если папа звонил, а я не услышала звонок из-за того, что сражалась с приступами рвоты в ванной комнате?

Маловероятно! Дело в том, что отец никогда не стал бы звонить, если мог просто вернуться домой. Допустим, он очень устал, или не удалась охота, тогда в первую очередь он заехал бы за мной. Мы сорвались бы с места и как можно скорее покинули проклятый городок. Такое случалось на моей памяти, и не раз.

После смерти бабушки, когда отец неожиданно появился в больнице, он всегда возвращался за мной. Скорее не наступит утро и прилив в океане не подчинится луне, чем папа бросит меня одну.

Значит, с ним стряслась беда.

Бессильно опустив голову на колени, я разглядывала приспущенные до лодыжек джинсы, на темно-синем фоне которых резко выделялись белые хлопчатобумажные трусики. Неожиданно практичная часть моего сознания, которая отвечает за своевременную стирку и тщательное упаковывание скарба в коробки, прошептала спокойным невозмутимым

ГОЛОСОМ:

«Дрю, ты слышишь? Случилась непоправимая беда!»

— Знаю, — согласилась я тоже шепотом.

Единственное сказанное вслух слово прозвучало как гром среди ясного неба. Ему вторило лишь тихое гудение обогревателя и громкое учащенное биение сердца в груди.

Во рту вновь противный вкус железа.

Беда, с папой случилась беда! Может, он серьезно ранен и скоро вернется?

Возможно, он на пути домой. Нужно только подождать. Вот оно — самое лучшее решение в моей ситуации! К тому же так было всегда: папа — на охоте, а я его жду дома. Если бы дела пошли наперекосяк, он сразу вернулся бы за мной, и мы, быстро упаковав вещи, смотались бы из города. Стандартная Процедура Бегства или, иными словами, СПБ которая проводится по принципу КМС, то есть Как Можно Скорее и при соблюдении обязательного условия УПЗ (Уходя, Прикрой Зад). Наши с папой сокращения, превратившиеся в особый язык общения, очень похожи на военный шифр, который вряд ли изучают в школе.

А если папа не появится, Дрю? Что тогда? Что, если ты его больше никогда не увидишь?

Я гнала подобные мысли из головы, но они занозой засели в мозгу. Раньше папа всегда возвращался, чаще всего перед самым рассветом. Он никогда не охотился всю ночь и не уходил ранним утром из дому, не оставив для меня записки. Всегда звонил, чтобы я не волновалась. Так было до сегодняшнего дня.

Что же делать?! Чувствую, как горят щеки и лоб покрывается испариной. Каштановые — темнее и прямее, чем у мамы, — волосы свисают мокрыми неприглядными прядями, совсем как пакля. Возникает чувство, будто меня с ног до головы вываляли в грязи. Болит все, а особенно нарывающий прыщ на виске. Бедный желудок урчит, требуя пищи. Только сейчас понимаю, как я проголодалась.

Надо встать и заняться полезным делом! Нельзя вечно стоять на карачках в обнимку с унитазом. Скоро вернется папа! Он обязательно придет, вот увидите! И я его дождусь!

А пока приму душ, приберусь и займусь домашними делами. Вот папа удивится, когда наконец-то вернется и не увидит привычного беспорядка! И все у нас будет хорошо! Возможно, его ранили, или он совсем обессилел, тогда я окажу ему первую медицинскую помощь. Значит, надо обязательно приготовить необходимые медикаменты, бинты и прочее, чтобы быть готовой к любой неожиданности.

Ага, давай, Дрю, займись-ка делом! И все будет хорошо! Чудо как хорошо!

Я вытерлась, встала и сняла с себя джинсы с трусами. Унесла мамин плед обратно в спальню и, захватив чистую одежду, вернулась в ванную, чтобы привести себя в порядок.

Сначала приму душ, потом займусь кухней. После на очереди гостиная. Потом проинспектирую содержимое чемоданчика первой медицинской помощи и подготовлю все необходимое.

Так я и поступлю!

Так я и сделала.

Глава 4

После полудня снова пошел снег. С низкого свинцового неба падали, кружась, невероятного размера белоснежные хлопья. Выйдя на крыльцо, чтобы взглянуть на дорогу, я стояла в отцовском армейском свитере и тряслась от холода.

Честно говоря, у меня никогда и не было теплых зимних вещей. Мой гардероб в основном состоит из множества разнообразных летних нарядов, ведь мы охотились обычно в южных штатах страны. Около двух лет мы колесили по Каролине и Флориде, бывали в таких городах, как Батон-Руж, Чаттануга и Атланта. Жаль только, что обычно под южным солнцем обгораю и ровный загар упрямо не хочет ложиться на мою чувствительную кожу. Так что моя бледная физиономия ничем не выделяется на фоне местных полярных медведей.

Запрокидываю голову, устремляя взгляд в заоблачную высь. В полусумраке таинственно кружатся в танце пушистые снежинки, каждая размером с хорошую монету. Они падают на мокрую после душа голову и тут же бесследно тают.

От кусачего холода я сжимаю и разжимаю кулаки, спрятав руки в рукавах широкого отцовского свитера. Прежде чем высунуть ладошки, заранее перевожу дух, потом хватаю ручку двери и вхожу в дом.

Я уже три раза загрузила стиральную машину, вычистила всю кухню и перемыла грязную посуду. Обогреватель работает исправно, и дома наконец-то стало тепло и уютно. В гостиной я занялась содержимым коробок, распаковала их и разложила вещички по местам. Перебрала оружейные запасы и разложила обоймы согласно оружию, для которого они предназначались. Скоро наступит время смазывать пистолеты — этим мы с папой и займемся вместе. Не секрет, что бережное обращение и уход за оружием является первой гарантией сохранения жизни его владельца. Особенно это чувствуется во время охоты на потусторонних тварей, способных вызвать неполадки в сложных механизмах и электронике. Вот почему папа давно отказался от мобильных телефонов, как магнит, притягивающих привидения и другую нежить. Не хочу про это вспоминать.

Тем более что желудок продолжает громко урчать, а в голове будто носится разрушительный ураган. Все вокруг кажется нереальным и ненастоящим. За весь день я выпила четыре стакана воды, отхлебывая по глоточку в промежутках между работой по дому. Стало немного легче, но оглушающий торнадо, что бушует в голове, никак не желал утихать.

Уличный свет отражается от снега и проникает в незашторенные окна. При звуках проезжающих мимо автомобилей я выглядываю в окно, откуда видны дворик и часть улицы. За целый день через снежные заносы проехало несколько автомобилей, и ни один из них не застрял в дороге, поскольку владельцы пользовались специальными противобуксовочными цепями. К сожалению, автомобили проезжали мимо, к своим домам.

Отец все не приезжал. Всякий раз, слыша звуки лязгающих цепей и урчание двигателя, я вскакивала с места и подбегала к окну, чтобы проводить взглядом незнакомый автомобиль, спешащий в свой теплый гараж. Все они ехали мимо, не обращая внимания на одинокий домик в конце улицы. Именно из-за уединенности папа остановил выбор на этом прочном и надежном доме, что, поверьте, при условии чрезмерной заселенности прерий является, по меньшей мере, исключением в центральных штатах.

Я стояла на коленях и укладывала последнюю обойму в коробку, когда со стороны

кухни послышался тихий стук. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук-тук.

Кожу обдало холодом, и мурашки побежали по спине и рукам, вызывая неприятный озноб. Я резко вскинула голову, и волосы густой волной упали на глаза. После душа они, как ни странно, не выются — раз в кои-то веки! Вот и пойми, почему каждый раз, когда я не иду в школу, прическа выглядит более или менее прилично?

Черт возьми, что это за стук? Ведь стучатся не в дверь, ведущую на застекленную веранду, иначе я сразу бы поняла, откуда доносится звук.

Мурашки продолжают марш по коже, впиваясь в нее острыми, как иглы, коготками.

Тук-тук.

Звук напоминает постукивание маленьких резиновых палочек по оконному стеклу. Вдруг у меня резко пересохло в горле, пальцы онемели, а потом... я почувствовала во рту привкус апельсинов, перемешанных с солью. Первый признак того, что случится нечто непредвиденное и отнюдь не приятное.

Бабушка называла это «аурея», и только позже я узнала, что она имела в виду ауру. По словам бабушки, аура, или сияние вокруг тела человека, доступна взору во время сильных приступов мигрени, вызывающих галлюцинации. Кроме того, их видит любой, имеющий особый дар видения. У меня ощущение чужой ауры всегда сопровождается появлением во рту вкуса цитрусовых с солью. Даже не настоящих апельсинов, а восковых. Мне не передать словами этот странный непонятный привкус!

Черт! Черт!

Удивительно, что я сохраняла некое подобие внешнего спокойствия. За окном сгущались сумерки — с каждой минутой становилось темнее, несмотря на отражаемый снегом свет уличных фонарей. Я всегда подозревала, что самые страшные беды случаются с наступлением сумерек. И вот сегодня это подозрение подтвердилось, что отнюдь не уняло безумный бег мурашек по всему телу.

Я осторожно поднялась на одеревеневшие ноги. Пол ходил ходуном, словно внезапно началось землетрясение.

Я вытащила папин запасной охотничий нож из наполовину распакованного ящика, стоявшего рядом с полупустыми коробками. Оказывается, на протяжении нескольких часов я открывала коробки, вынимала часть содержимого, расставляла вокруг и, не распаковав ящик до конца, переходила к следующему. Теперь в гостиной царил ужасный беспорядок, будто в ней разорвалась бомба.

Усилившийся привкус апельсинов во рту и повторившийся стук отвлекли меня от разгрома, царившего в гостиной. Правда, звук на этот раз был другим, слегка скрипучим и царапающим, словно по стеклу скребли маленькими коготками.

Я перехватила нож так, как меня учил папа: ладонь крепко сжимает рукоять, а обух клинка прижат к предплечью. Из такого положения легко нанести мощный удар рукояткой в лицо противника. При этом задействованы трицепс и спинные мышцы — самые сильные мышцы в организме человека, не отлынивающего от ежедневных отжиманий и подтягиваний. Если же наносить удар острием, то в действие включаются бицепсы, и станет легче контролировать движение ножа.

«Действуй бесшумно, Дрю, — прозвучал в мозгу папин голос. Знакомый приглушенный шепот, некогда обучавший умению концентрироваться на цели, продолжал подсказывать: — Иди медленно вдоль стенки коридора до кухни, откуда доносится стук. Вспомни, чему я тебя учил!»

Я осторожно обошла стоявшие вдоль коридора коробки, стараясь оставаться в тени стены. На пол коридора из освещенной кухни падал прямоугольник золотистого света, простирающийся до первых ступенек лестницы.

С резким щелчком выключился обогреватель, и в наступившей тишине повторился громкий и отчетливый стук.

Тук-тук-тук-тук.

Пауза.

Тук-тук-тук. Тук-тук.

К горлу подступил пульсирующий комок. Казалось, перепуганное сердце тщетно пытается выпрыгнуть из груди. Ноги заныли и задрожали, словно после скоростной пробежки мили в полторы.

Шаг за шагом продвигаюсь по коридору, и моему взору постепенно открывается общий вид на кухню. В фильмах ужасов (лучшем практическом пособии, какое только можно найти в наше время по тактике поведения в подобных ситуациях!) никогда не рассказывают о том, как сужается поле зрения и как периферийное зрение может сыграть с вами злую шутку. Вот так окинешь испуганным взглядом картину, пытаясь запомнить все детали, и каждый раз терпишь неудачу, видя лишь отдельные части...

Я дошла до лестницы, откуда прекрасно просматривались раковина, плита и часть кухонного стола. За окном над раковиной никого не было, лишь мерцал снег в уличном свете. Тихий выдох вырвался из груди, а бьющееся в бешеном ритме сердце выбивало в ушах оглушающую барабанную дробь. Привкус восковых апельсинов во рту наливался нестерпимой сочностью, словно они протухли и покрылись омерзительной слизью.

Тук. Тук-тук-тук-тук-тук.

Нерешительные постукивания сменились неистовой дробью.

Я перешагнула порог кухни, чтобы осмотреть заднюю дверь, что находится за одной из кухонных стоек.

У стола по-прежнему одиноко стоит папин стул, как обычно, спинкой к встроенному в стену шкафу. Папа все время выбирает удобную и безопасную позицию для стула, чтобы контролировать одновременно заднюю дверь и вход на кухню из коридора, не беспокоясь за спину. Саму заднюю дверь лишь с трудом можно назвать дверью: хлипкая деревянная панель с решетчатым стеклом посередине. Засов с цепочкой и то выглядят солиднее, чем это сооружение!

Тягучая горячая волна захлестнула горло, пытаясь оттеснить сердце со своего пути. В резком приступе удушья я чуть не выронила из руки приготовленный нож. Лучи заходящего солнца нет-нет да и прорывались сквозь низкие тучи, освещая застекленную веранду, где за двойным затемненным стеклом двери стоял ОН!

У задней двери стоял зомби.

Отблеск солнечного света сверкнул в голубых глазах, оттеня пожелтевшие от начавшегося гниения белки. Пол-лица уже, видимо, кем-то отъедено, а нижняя челюсть напоминает кровавую кашу, заледеневшую на морозе. Пальцы стерты до костей, которыми зомби и царапает стекло. С рук свисают куски гниющей плоти...

Сильный спазм скрутил желудок, а черный туман скрыл от глаз все, кроме двери и стоящего за ней зомби. В голове пронесся оглушительный крик, похожий на нарастающий рев взлетающего реактивного самолета...

Этого зомби я узнала бы из тысячи. Да, он превратился в изуродованного мертвеца, но

глаза остались прежние — голубые, как зимнее небо, окаймленные светлыми ресницами.

Зомби поднял голову, будто услышав отдаленный звук, и встретился со мной взглядом.

Из моей груди вырвался сухой лающий крик. Не веря глазам, я испуганно отскочила к выходу в коридор, промахнулась и больно ударилась бедром о край стоящей возле стенки коробки.

Папа сжал в кулак пальцы с тонкими косточками, выпирающими сквозь кусочки сохранившейся плоти. Кто успел ими полакомиться, не хотелось даже думать. В следующее мгновение папа разбил кулаком стекло в двери.

Не знаю, сколько времени я простояла бы в странном оцепенении, не сводя глаз с ужасного существа, некогда бывшего моим отцом, а ныне с яростью штурмующего заднюю дверь нашего дома, не зазвони неожиданно телефон.

Пронзительный звонок проник в сознание, заглушая треск ломающегося дерева, и в его переливах послышался предупреждающий совиный клекот, который наконец-то вывел меня из оцепенения и заставил действовать. Я завопила высоким девичьим фальцетом, роняя из онемевших пальцев нож. Стук упавшего на линолеум ножа затерялся в треске поддающейся под ударами двери. Зомби, не сводя с меня алчного взгляда, упорно прокладывает дорогу в дом. У этих тварей всегда так: стоит жертве привлечь их внимание, они слепо следуют за ней и не остановятся до тех пор, пока не разорвут на мелкие кусочки.

Правда, порой сотворивший зомби колдун называет имя очередной жертвы, и тогда ходячих мертвецов не сбить с намеченного пути. Шаркая непослушными ногами, они бредут себе потихонечку по самым темным уголкам, которые только найдут по дороге, инстинктивно избегая ненужного внимания и неотвратимо приближаясь к намеченной цели. Пусть зомби не отличаются умом и сообразительностью, но в целеустремленности им не отказать. В убийственной целеустремленности, если можно так выразиться.

Мне ли этого не знать! Я не раз видела, как отец справлялся даже не с одним, а с несколькими зомби. Они похожи на тараканов: их не замечаешь, пока не столкнешься с целой ордой зомбированных мертвецов.

А с каким упорством они цепляются за жизнь, если только можно назвать этим словом бездумное существование, возвращенное им после смерти злым колдовством или черной магией!

Наконец я нашла в себе силы сдвинуться с места и бросилась по коридору в гостиную. Каждый шаг занимал целую вечность, а ковровая дорожка предательски скользила под ногами. Я стукнулась о коробку и, застонав от боли, все-таки успела нырнуть за угол и укрыться в гостиной. За спиной послышался жуткий вопль обезумевшего зомби.

Оживленные колдунами мертвецы, или, как их обычно называют, зомби, не способны разговаривать, а только могут реветь, как коровы, которых ведут на убой. А все потому, что воздух беспрепятственно проходит через отмершие голосовые связки, порождая свистящий, хриплый рев. Леденящий душу вопль зомби часто оказывается последним, что слышит несчастная жертва! Уж поверьте, как только в поле зрения появляется очередная закуска, ожившие мертвецы проявляют невероятную прыть и проворство.

Причиной подобной резвости является другая особенность зомби. Для опытного колдуна не составит труда вдохнуть подобие жизни в мертвое бездушное тело, но оно так и останется пустым сосудом и будет вечно изнывать от голода!

Гольми руками с голодным зомби не справиться! В гостиной, на ручке папиного кресла висит кобура с липучкой, а в ней хранится пистолет девятимиллиметрового калибра. Он-то мне и нужен.

Я упала плашмя на пол, не успев затормозить перед креслом, и стала лихорадочно искать оружие. Времени подняться на ноги не осталось, тем более что они то и дело цеплялись друг задруга или разъезжались в стороны. Из кухни донеслись звуки разбитого стекла, и через мгновение в коридоре послышались тихие шаркающие шаги, а потом

громкий стук и разъяренные вопли зомби, споткнувшегося о коробки.

Пальцы превратились в толстые неуклюжие сардельки и до ужаса медленно тянулись к пистолету. Наконец я выхватила оружие из кобуры — липучка, к счастью, не помешала. Правая рука почувствовала приятный холод металла, а левой я уже отбрасывала в сторону кресло, одновременно переворачиваясь на спину. В голове снова прозвучал успокаивающий голос отца: «Не торопись, солнышко! Никогда не целйся в кого бы то ни было, если не собираешься стрелять на поражение. С любым оружием обращайся с осторожностью и не забывай, что оно может быть заряжено!»

Я надеялась, что пистолет заряжен. Точнее, не сомневалась: отец никогда бы не держал оружие под руками в кресле, не будь оно готово к бою. Я научилась стрелять еще в девять лет из ружья, что хранилось у бабушки дома. Да мне ли не знать о правилах обращения с оружием, ведь не зря я помогала отцу на охоте! Как держать пистолет в руке правильно и даже неправильно, расскажу любому без запинки...

Из-за угла появился спотыкающийся на каждом шагу зомби и сразу устремил на меня взгляд подгнивающих глаз. В них мерцает дьявольский голубой огонек, а в глубине зрачков то и дело вспыхивают красные искры. И тут в нос ударил запах зомби.

Вонь, исходящую от ходячих трупов, невозможно вообразить, если только вам не доводилось охотиться на нежить за темной гранью мира. Зомби пахнут сладковатым гноем, протухшими яйцами и залежалым мясом, в котором завелись личинки. От омерзительного смрада гниющей плоти на любого человека мгновенно накатывает волна тошноты, а в следующее мгновение открывается рвота.

Я кричу от страха, но из пересохшего горла вместо крика вырывается только глухой свистящий хрип. Быстро целюсь и нажимаю на спусковой крючок.

Слышится щелчок.

Дьявол!

Пистолет не снят с предохранителя!

А зомби уже тянет ко мне руки, из его рта снова вырывается жуткий рев, и он... падает на пол!

Шевелись, снимай скорее чертов пистолет с предохранителя! Я судорожно тереблю в руках оружие, пока зомби пытается встать с ковра. Мне повезло, мокрая от снега и исходящая желтым гноем тварь в любимой отцовской армейской куртке споткнулась о коробку, которая частично загораживает вход в гостиную.

Наконец щелкает предохранитель, и я со вздохом облегчения, больше похожим на воронье карканье, откидываюсь на спину и снова прицеливаюсь.

Встречаюсь взглядом с зомби и смотрю прямо в остекленевшие глаза, некогда принадлежавшие отцу. Он уже стоит на ногах. Странно, но ботинок на разлагающихся ногах нет — куда подевались папины ботинки?! Зомби пытается дотянуться до меня трясущимися руками, с которых на ковер падают отгнившие кусочки мертвой плоти. Мерзкая вонь проникает в нос, заполняет легкие и туманит голову. Я нажимаю на спусковой крючок, содрогаясь от приступа накатывающейся тошноты.

Первая пуля уходит мимо цели и, выбив часть штукатурки, застревает в стене гостиной. Я кричу, но кроме глухого хрипа не могу выдавить ни звука. Взбешенный зомби рвется вперед и почти падает на меня. Зубы щелкают, полусгнившая челюсть двигается с жутким чавкающим звуком — голодная тварь готова сгрызть жертву заживо. Я еще раз нажимаю на спусковой крючок.

Странно, но выстрелов не слышно, хотя, надо полагать, они были оглушительными. В ушах отдаются лишь собственные рыдания.

Зомби упал на меня плашмя, липкий гной и черная кровь брызнули прямо в лицо. Капли жгли кожу хуже кислоты. Вблизи холодный как лед зомби вонял еще омерзительнее. Полуразвалившиеся челюсти дважды щелкнули, тело судорожно вздрогнуло, а изо рта полился черный поток отвратительной жидкости.

Я кричала, не умолкая ни на секунду. Набрать воздух в легкие не удавалось, поэтому крик получался жалким и пискливым. Пистолет щелкал вхолостую. Я расстреляла всю обойму, но по-прежнему держала палец на спусковом крючке.

Зомби умер, и на сей раз по-настоящему. В его груди зияла огромная дыра, пробитая кучно попавшими пулями. Самое главное в бою с зомби — уничтожить его сердце, по-другому ходячий труп не убить. На этом, кстати, и зиждется процесс создания зомби из умерших людей, ведь именно сердце заставляет тело двигаться. По крайней мере, так пишут в книгах. Если честно, не книги меня спасли, а рефлексы! Я просто целилась и стреляла так, как учил меня во время долгих тренировок отец.

«Никогда не целься в голову, если можешь выбрать другую цель. Не дави резко на спусковой крючок. Солнышко, нажимай плавно! — снова звучит в голове нескончаемым рефреном голос отца. Разбудите меня среди ночи, и я повторю папины наставления слово в слово. — Никогда не прицеливайся, если не собираешься убивать!»

Я беспомощно билась под тяжестью мертвеца, пытаюсь освободиться, и с отвращением молотила зомби по голове пистолетом, словно молотком. Наконец мне удалось выбраться, и, судорожно всхлипывая, я отползла от трупа в самый дальний угол комнаты. Левая рука, натертая ковром, горела, а правая сжимала пистолет с пустой обоймой.

В углу гостиной я прислонилась спиной к стенке и неожиданно поняла, что продолжаю всхлипывать. Еле слышимые, бессвязные звуки эхом отражались от пустых белых стен. Меня трясло, как в лихорадке, а кожа зудела от вонючей липкой жижи.

Зомби в папиной куртке и джинсах лежал вниз лицом. Сквозь разлагающуюся плоть вытекали тоненькие ручейки слизи и гноя. В комнате плотной стеной стоял отвратительный до тошноты смрад. Стоит повредить сердце зомби, и его тело начинает стремительно разлагаться, даже кости превращаются в пыль.

Из глаз брызнули горькие слезы.

Сквозь рыдания пробивалось одно слово, которое я повторяла снова и снова:

— Папа? Папа?! Папа!

А он лежал на полу и не двигался.

Получив такую страшную рану, не поднимется ни один человек, и даже зомби.

Глава 6

Торговый центр был открыт для посетителей, что, впрочем, неудивительно, поскольку вся имеющаяся в городке снегоуборочная техника отправилась на борьбу с заснеженными улицами и дороги скоро вновь стали чистыми. В здешних местах к зимам относятся с маниакальной серьезностью и не дают снегу ни единого шанса на выживание, посыпая тротуары песком с солью и вычищая улицы до асфальта. Все автобусы ходят по своим маршрутам. Из-за горсточки снега жизнь в прериях не остановится ни на секунду, уж поверьте на слово! Кстати, нельзя забывать о расслабляющей музыке, которую без конца проигрывают в торговых комплексах. Кто же ее будет слушать, как не покупатели!

Я тупо уставилась на маленький стаканчик с изображением смешного утенка Дональда и ждала, когда остынет обжигающе горячий кофе. Глаза жутко зудели и чесались, как будто в них насыпали тонны песка.

От гнойной жижи, которой меня окатил убитый зомби, удалось оттереться сразу. Потом я накинула на себя что-то из одежды и запихала в сумку найденные в доме деньги. Жаль, что отцовский бумажник пропал: либо лежит забытый в грузовичке, либо, что вероятнее всего, его прибрали к рукам. Потом я бросилась вон из дома, но почему-то задержалась на секунду, чтобы выключить обогреватель. Мимоходом заметила, что задняя дверь разбита в щепки, однако, несмотря на это, в доме стоял едкий запах, как от горелого масла.

Вдруг соседи слышали выстрелы? Скорее всего, нет, иначе вокруг давно бы голосили полицейские сирены. К тому же наш дом, словно пораженный чумой, стоит на отшибе, и что творится у соседей не слышно. Именно своей уединенностью привлек отца этот дом. Кстати, не стоит забывать, что снег приглушает звуки.

Если бы зомби растерзал меня, ни одна душа не узнала бы, что я умерла. И лежали бы мои бранные останки там, и...

Мозги впали в ступор, подобно заглохшему двигателю в автомобиле. От неожиданного предположения дрожь пробежала по всему телу, и подо мной жалобно скрипнул пластмассовый стул. А вокруг ярко, как в раю, горят огни торгового комплекса, посетители делают привычные покупки. Во внутреннем дворике этажом ниже, где находятся продуктовые павильоны, весело журчит фонтан. Брызги стекают ручейками по изящным плитам в стиле ар-деко и узорчатым стальным прутьям. Будто и не было в помине разлагающегося зомби в моей гостиной!

А на столе — белая окружность, ограничивающая коричневый эллипс, с сужающейся книзу формой. Это пенопластовый стаканчик с кофе. Попробовать его зарисовать? Альбом лежит в сумке, заброшенный туда вместе с остальными вещами в сумасшедшей спешке. Отвлечься хотя бы рисованием — неплохая идея, но как удержать карандаш в трясущейся руке?! Я снова вздрогнула. Спросите меня, во что я одета сейчас, не отвечу! Помню только, что переодевалась в каком-то тумане после того, как смыла с себя липкий гной.

Я застрелила его! Застрелила собственного отца!

Память снова услужливо подсовывает воспоминания о глазах отца. Гнойные белки, тусклые зрачки, в глубине играет кровавый отблеск... Эти голубые глаза уже мертвы, их границы потеряли четкость, но они по-прежнему не сводят с меня алчущего взгляда. В моих руках дрожит пистолет, а запах тления сводит с ума...

Горло снова судорожно сжимается от рвущихся наружу рыданий, но звуки тонут в шуме

падающей воды в фонтане. Я делаю усилие и не позволяю себе расплакаться. Внимание со стороны окружающих нужно сейчас меньше всего.

Я убила отца.

Здравствуйте, офицер! Вы не могли бы мне помочь? Отец превратился в зомби. Собственно, мы с ним путешествовали по стране, охотясь на существа, считающиеся вымыслами и героями сказок. А в вашем городке они напали на нас сами. Мне бы отсидеться в спокойном местечке под вашим присмотром. Только поручитесь головой, что мне обязательно принесут святую воду или другие освященные предметы. Может, у вас и серебряные пули есть? Поделитесь, а? Было бы чудесно! Нет, даже круто! Огромное спасибо! Да, и пока вы не ушли, скажите этим ребятам со смиренными рубашками, что я в своем уме. Помогите, пожалуйста!

Я дотронулась двумя пальцами до края стаканчика, чуть не расплескав кофе. Скоро павильоны в торговом центре закроются, и впереди меня ждет беспросветная ночь. Куда идти? Шестнадцатилетней девочке не снять номер в пристойном отеле по своим документам, а в сомнительных гостиницах на окраине города за анонимность потребуют больше денег, чем мне позволяют финансы. Кстати о финансах! Надо обдумать, как заработать деньги, когда закончатся мои. И еще...

Нет, не могу даже думать о планах на будущее!

Господи всемогущий, я ведь застрелила отца! Убила собственного отца!

К горлу подступает тугой комок, и из глаз вот-вот хлынут горячие слезы. Вдруг жуткий скребущий звук по стеклу задней двери, по-прежнему звучащий в ушах, заглушается вполне реальным скрежетом пластмассового стула, который кто-то подтащил от соседнего столика к моему, нагло усевшись напротив и ухмыляясь сквозь копну темных кудрей.

— Вот ты где! Два дня подряд прогуливаешь занятия. Нехорошо, голубушка! Смотри, как бы полицию не вызвали!

Грейвс поставил на стол стакан с напитком «Орэйндж Джулиус». ^[1] Я предусмотрительно выбрала себе столик у стены и все равно нервно вздрагивала каждый раз, когда за спиной посетители проходили в туалет. С этого места прекрасно просматривается весь зал, а тыл мне прикрывает огромная искусственная пальма в кадке. Вручить бы орден тому, кто поставил ее прямо за стулом!

Я перевела взгляд со стаканчика с кофе на подсевшего ко мне гота и неожиданно для себя рассмотрела серебряную сережку в его левом ухе. Да это череп с двумя скрещенными костями! Правда, радость по поводу сего открытия оказалась недолгой: ее захлестнула набирающая силы паника, сжимая в очередной раз горло и заставляя сердце выбивать барабанную дробь.

Грейвс откинул выкрашенные в иссиня-черный цвет волосы с зеленых глаз. Да, сегодня они кажутся скорее зелеными, чем карими, и по форме мало похожи на азиатские. А вот доставшаяся парню от природы смуглая кожа определенно вызывает зависть!

— Да что с тобой? — Ухмылка сползла с обескураженного лица.

Сегодня Грейвс был в футболке с изображением рок-группы «Kiss» и привычном черном плаще. А когда он положил на стол длинные руки, я заметила те же самые черные перчатки без пальцев. С серебряной цепи на груди блеснуло перевернутое распятие.

Невидимая рука снова сжала горло.

— Дрю, ты себя нормально чувствуешь? — не унимался Грейвс.

Я едва не рассмеялась в ответ.

Я чувствую себя не нормально, а совершенно ненормально, ненормально настолько, насколько можно предположить!

Взгляд скользит с парня обратно на стаканчик с кофе.

— Господи, Дрю, да скажи, наконец, что случилось? Расставив локти на столе, он придвинулся ко мне вплотную, и я с трудом сдержалась, чтобы не отпрянуть.

Не приближайся ко мне, черт возьми! Я только что убила собственного отца!

— Дрю, очнись! — Грейвс щелкнул смуглыми пальцами перед моим лицом. — Что ты сидишь, как неживая? Ответь, в конце концов, что случилось?!

Боже мой!

Тугой комок в горле отступил после недолгой, но изнурительной борьбы. Я дважды судорожно сглотнула, прежде чем услышала собственный голос, слабый и безжизненный, но все-таки мой:

— Иди к черту!

Его брови изумленно взметнулись вверх. С зачесанными за уши волосами Грейвс напоминал совсем маленького мальчишку. Не сводя с меня взгляда, он обиженно сжал губы в тонкую линию, и на мгновение показалось, что сейчас действительно встанет и уйдет.

Но Грейвс не ушел. Вместо этого он откинулся на спинку стула, пристроив удобнее длиннющие конечности, поднял стакан и спокойно отпил коктейль. При этом его глаза из зеленых стали золотисто-изумрудными. Они сверкали в свете флуоресцентных ламп, и их отблеск, наверное, падал даже на меня.

Грейвс продолжал сидеть, словно в его распоряжении была уйма времени.

Я взяла стаканчик с кофе. Со стороны, пожалуй, это покажется самым естественным поступком. Гадость, именуемая кофе, оказалась ледяной, но на вкус все лучше, чем ощущение запаха разлагающегося зомби во рту. Я сделала большой глоток, поставила стакан на место и скривилась, словно глотнула яду. Даже чуть не выплюнула на стол холодный кофе с гущей, на вкус напоминающей пепел.

Грейвс не сдвинулся с места.

Я прислушалась к нежным умиротворяющим звукам музыки, пытаюсь угадать слова. Безнадежное дело! Некоторые поп-гимны в корне задушены богами коммерции.

Слова замерзали в груди. Я никому не могу рассказать, что произошло на самом деле.

Да и кто мне поверит? Вот почему Истинный, ночной, мир останется Истинным, а Нормальный — Нормальным. Люди не желают знать, что творится за гранью тьмы. Впрочем, те, кто закусывает запоздалыми прохожими, покрывается шерстью или предсказывает будущее, не хотят, чтобы люди узнали об их существовании. Идеальный брак, основанный на лжи.

Напряжение в горле нарастало с каждой секундой. Нужно сказать хоть что-нибудь. Я тоже приблизилась к Грейвсу, поставив локти на стол.

— Мне нельзя сегодня возвращаться домой.

Заминка в конце предложения чуть вновь не перешла во всхлип.

Грейвс нахмурил брови. Они у него почти срослись на переносице. Скорей всего, никто не удосужился намекнуть ему или посоветовать время от времени выщипывать заросли, пересекающие лоб. Сережка в ухе вновь заговорщически подмигнула мне.

Грейвс отпил очередной глоток. Его брови снова изогнулись в задумчивости, а потом он отставил стакан в сторону. Я заметила, что кожа на суставах его рук потрескалась от мороза. Наверное, в его пособиях о девичьих предпочтениях сказано, что цыпочки не гуляют с

парнями, пользующимися лосьонами.

— Ладно, нельзя так нельзя, — произнес он тихим голосом. — Тебе есть куда идти?

Я удивленно моргнула.

Нет, господи! Парень, не пытайся решить мои проблемы! Ты не представляешь, с чем связываешься!

— На улице не останусь!

Звучит правдоподобно, правда? Действительно, на улице ночевать не собираюсь, ведь всегда можно вернуться домой. От этой мысли по спине пробежали мурашки. А вдруг уже вызвали полицию? Вряд ли. Они б приехали раньше и взяли бы меня еще в ванной, когда я оттиралась от мерзкого гноя. С другой стороны, был снегопад. Возможно, полиция не приехала вовремя из-за заносов на дорогах. Или снег заглушил звуки и никто ничего не услышал из-за обособленности дома.

В голове снова закрутились шарики и колесики. Я отчаянно пытаюсь посмотреть на факты с иного ракурса и — бац! — опять тупик.

Дрю, неплохо справляешься! Ты только что застрелила собственного отца. Интересно, как ты собираешься объяснить это полиции?

Технически, если учитывать скорость, с которой разлагаются зомби, не придется ничего объяснять, кроме сломанной двери и пули, всаженной в стену. Полицейским бы я сказала, что и дверь и след от пули были в доме еще до нашего переезда. Наговорила бы им с три короба про папину ночную работу и, мол, по этой причине им не открыли дверь...

Вырвавшийся из груди всхлип застал врасплох. Я обхватила живот руками и согнулась в три погибели, опираясь лбом о прохладную поверхность стола. Это немного помогает прийти в себя. Почти как холодный фарфор унитаза действует успокаивающе на разгоряченную от дурноты кожу.

На меня опять накатила тошнота.

Только не здесь, Дрю. Не смей выворачивать содержимое желудка прямо у всех на глазах!

Снова в голове эхом отозвался папин голос, напоминая мантры, которые я выслушивала, дубася изо всех сил боксерскую грушу: «Работай, работай, солнышко! Давай же! И еще один удар ради папочки! Бей! Давай! Девочка моя, это еще не все! Еще один удар, ради меня! Еще один!»

— Боже мой! — прошептал Грейвс. Он сейчас больше походил на взрослого мужчину, чем на подростка-старшеклассника. — Неужели все так плохо?

У меня зуб на зуб не попадал, я даже чуть не поперхнулась, горько усмехаясь.

Насколько плохо? Плохо так, что тебе и не снилось! Вот!

— Уходи, — буркнула я, глядя вниз.

Надо же, еще и ботинки зашнуровала! Совершенно не помню, как одевалась. Сажу в торговом центре на людях и даже не представляю, что на мне надето!

Джинсы, слава богу, на мне. Ноги в носках, ботинки зашнурованы. Я потянула за край футболки и увидела, что она красная. Сверху накинута одна из запасных папиных армейских курток. В правом кармане что-то тяжелое — по форме и весу похоже на одну из смертоносных игрушек.

Господь всемогущий, я вышла на люди с пушкой в кармане! Папа меня убил бы на месте за такую оплошность!

— Дрю? — спросил с тревогой в голосе Грейвс. — Правда, все так плохо? Ты

действительно не можешь вернуться домой?

Я молчала с отрешенным видом. Вот перчатки на руках, и еще кто-то обращается ко мне с расспросами. Я выпрямилась на стуле. Мир вновь обрел краски и звуки, растаяла окутывавшая мозг серая пелена. Напротив на стене кафетерия красовался логотип известной компании в виде апельсина, и в тот момент он показался самым убедительным символом надежды в целом мире!

В воздухе витали ароматы картофеля-фри, жаренного в горячем масле. Голод дал о себе знать с такой силой, что в желудке громко заурчало. Я втянула живот и согнулась в надежде, что Грейвс не услышит непотребные звуки.

Грейвс обеспокоенно заерзал на стуле, потом пододвинул мне свой стаканчик с фруктовым напитком:

— Выпей-ка. Твой кофе совсем остыл, — сказал он все тем же тихим взрослым голосом, в котором не было ни подростковой дерзости, ни вызова.

Я с благодарностью взяла предложенный стакан и начала пить через трубочку. Вкус земляники с подтаявшим мороженым наполнил рот свежестью, окончательно стирая привкус разлагающейся плоти. Грейвс выпрямился во весь свой нескладный рост, диссонансом проскрипел но полу отодвинутый стул.

— Подожди меня здесь, хорошо? Минутку.

Я нетерпеливо кивнула, отпивая очередной глоток фруктового напитка, а он ушел куда-то, широко шагая на длинных, как у кузнечика, ножках — вот ведь повезло кому!

Я почти допила коктейль, когда Грейвс вернулся с подносом в руках. На подносе лежали чизбургер с ветчиной, порция картофеля-фри и молочный коктейль в стаканчике. Я мигом ухватила чизбургер и проглотила его, наверное, за два приема. Грейвс сидел напротив, откинувшись на спинку стула, и задумчиво постукивал пальцами по краю стола. Он не снял плаща, зато согласился разделить со мной порцию картофеля-фри. Заботливый гот принес даже пакетик кетчупа, однако я не решилась его попробовать: при мысли о красной густой массе к горлу снова подкатилась тошнота.

Я допила остатки молочного коктейля, стараясь подавить тошноту. Грейвс подпевал звучащей в торговом центре мелодии, продолжая барабанить пальцами по столу. Он выглядел странно, но, кажется, его это несколько не стесняло.

— Спасибо, — наконец-то поблагодарила я его, заправляя непослушные волосы за уши.

Они опять спутались и завились колечками.

— Не за что, — пожал он костлявыми узкими плечами. — В первый раз бесплатно. Послушай, ты действительно не можешь вернуться домой? Что у тебя стряслось?

Я застрелила отца после того, как он превратился в ходячего мертвеца.

Чизбургер отчаянно запросился на свободу. Я подавила восстание еле слышной отрыжкой, от которой веяло привкусом порошкового молока и бекона с соевыми добавками, и ответила:

— Не поверишь, если расскажу правду.

— А ты все-таки попробуй, расскажи.

Грейвс придвинулся ближе, поставив локти на стол. Губы сжаты в тонкую линию, а взгляд ничего не выражает.

Я посмотрела на его правую руку, пальцы с обгрызенными до мяса ногтями на сей раз спокойно лежат на ровной поверхности стола. Косточки на суставах красные и обветренные, словно он долгое время проводит на морозе. Правда, не все еще потеряно — кожа у него

здоровая, и немного лосьона для рук вполне хватит, чтобы исправить положение.

Вот бы зарисовать его руки! Спорю, что у меня получилось бы. Хотя придется их хорошенько заретушировать, чтобы передать все линии. А вслух произнесла:

— Мне просто нельзя возвращаться домой. — Я почти шептала, не смея перейти на громкий голос. — До завтрашнего дня точно нельзя.

А может быть и никогда. Пока не знаю.

Несколько минут Грейвс молчал. Было заметно, как напряглась его рука, пальцы на столе потеряли обретенный на мгновение покой. Из всех динамиков торгового центра доносилась музыка, эхом звучащая в кафетерии, будто кто-то наигрывал ее в моей голове. Наконец-то я узнала мелодию!

Свободная интерпретация песни «Highway to Hell», которую вообще-то исполняет рок-группа «AC/DC». Папа любил слушать рок-музыку. В каждом новом городе мне всегда приходилось настраивать радио на волну, передающую классический рок и старые песни. Не знаю, что сказал бы папа, если бы услышал одну из любимых песен без характерных адских настроений, обработанную и передаваемую в динамиках торгового центра.

Папа уже никогда ничего не скажет, никогда и ничего, Дрю!

К горлу вновь подступили горькие слезы. Я шумно вдохнула воздух через нос, сглотнув их, и вызывающе посмотрела на Грейвса. Мне казалось, что он не оставит без внимания мое хныканье и скажет какую-нибудь гадость.

Но он только откинулся на спинку стула, убрал руки со стола и спросил:

— Есть где переночевать?

Этот вопрос и меня волновал не меньше.

— Найду где, не волнуйся!

В какой-нибудь маленькой гостинице-ночлежке. Или буду всю ночь колесить по городу в автобусах. В общем, найду выход.

Мы некоторое время молчали. Вдруг я услышала высокий девичий смех, оглянулась и заметила у входа двух блондинок, хихикающих в ладошки. С ними пришла пара качков: один из них — подтянутый брюнет, которого я видела в школе, а другой похож на его брата или кузена.

Между ними и мной пролегла бездна, не иначе. Черт возьми, мне никогда не стать нормальным подростком, глупо хихикающим в кафе. Вот накачанный брюнет обнял девушку за талию и легко поднял в воздух. Та завизжала от удовольствия, да так звонко, словно монетки рассыпали. Блузка задралась, обнажив мягкие изгибы спины. Там, снаружи, снегопад, в моей гостиной валяется убитый зомби, а здесь хохочущая девушка, одетая как проститутка — чувствуете разницу между мной и ею?

Рука непроизвольно сжалась в кулак. Я делаю глубокий вздох и стараюсь успокоиться.

— Есть одно местечко, — сообщил в этот момент тихим голосом Грейвс, снова наклоняясь над столом. Он расставил локти и подпер подбородок кулаками. — Если тебе надо, конечно.

Боже, опять!

— Почему всякий раз появляется на моем пути парень, считающий, что ему что-то перепадет от новой девчонки в классе? — Ногти впились в кожу на ладонях. — Черт, и так в каждом городе! Все парни думают, что они подарок Божий для переезжающей с места на место девушки? Так?

— Я только спросил, нужен ли тебе ночлег. — Грейвс пожал плечами, словно

защищаясь. — И все!

Мне опять стало не по себе. С чего это я взбесилась? Он ведь не виноват в том, что у меня в доме появился зомби. Задняя дверь так и осталась открытой, к утру там все обледеет. Но я и подумать не могла о том, чтобы возвращаться домой в темноте.

«Что будешь делать, Дрю? — поинтересовался папин голос в голове, будто решил устроить мне тест. — Чем займешься потом? Тебе нужно продумать план действий. Сейчас ты больше напоминаешь перепуганного кролика!»

Грейвс по-прежнему не сводил с меня ставших темно-зелеными глаз, скрывавшихся под упавшей на лицо густой челкой. Опять блеснула сережка маленьким мерцающим огоньком.

— Прости меня.

Горло болело от криков. А громко ли я кричала тогда в доме? Слышал ли кто-нибудь прозвучавшие выстрелы? Я никак не могла выбросить эту мысль из головы.

— Понимаешь, сегодня не лучший день в моей жизни. Даже представить не можешь, насколько не лучший!

— Да ладно, забыли! — Грейвс развел руки в стороны, принимая извинение. Его плаш скрипнул, когда он заелозил на пластмассовом стуле. — Тогда я отведу тебя в одно местечко, где ты сможешь провести ночь. Место безопасное, будь уверена. Согласна?

— Сколько это будет стоить?

У меня были наличные. Папа всегда держал в карманах достаточно денег, наш образ жизни требовал наличия живых денег. Но теперь, когда папа умер, придется сократить расходы. Прежде чем бездумно тратить деньги, нужно убедиться, что имеются новые источники заработка.

А папин бумажник пропал. Возможно, он забыл его в грузовике. Но вот...

— Я же тебе говорил: в первый раз бесплатно! — Грейвс оглядел зал кафетерия. — Может, сыграем пару партий в хоккей? Самое лучшее средство избавиться от мрачных мыслей!

Ох, парень, не знаю, удастся ли мне избавиться от мыслей о зомби?!

Нет, он прав. Надо что-то делать. Нельзя просто сидеть здесь, пока торговый центр не закроют. Я просто не выдержу и взорвусь, расплачусь или натворю что-нибудь, что обязательно привлечет внимание ко мне и...

— Сыграем, — услышала я свой голос.

Его лицо озарилось улыбкой.

— Отлично! Ты все доела?

Я отодвинула стул и встала. Приступ острой боли пронзил спину, заставив меня скривиться и судорожно вдохнуть. Наверное, я потянула мышцу, убегая от зомби.

— Доела! Очнись, Грейвс!

— Да? — Он тряхнул головой, скрывая глаза под копной черных волос, но усмешка по-прежнему озаряла его лицо.

Он снова показался мне взрослым, несмотря на детские черты лица.

— Спасибо! — Благодарность прозвучала не к месту, и я стала думать, что бы еще сказать, и наконец произнесла: — Классные перчатки!

— Ага, классные, согласен! — Он взял со стола поднос с моим стаканом недопитого ледяного кофе, шутливо подвигал бровью и потом — подумать только! — подмигнув, добавил: — Цыпочки обожают ребят в таких перчатках!

Вы не поверите и можете считать это чудом, но я рассмеялась!

— Ты шутишь?! — повторила я в пятый раз. — Ночевать в торговом центре?

— А что такого? Здесь тепло и безопасно. Двери утром открываются задолго до начала уроков, так что в школу не опоздаем. — Грейвс провел рукой по волосам и осторожно оглядел коридор. — Давай пошли!

Раньше я никогда не бывала в служебных помещениях торгового центра. Знаю только, что они огромные, а торговые павильоны занимают от силы половину здания. За каждым павильоном, пронизывая весь комплекс, тянутся коридоры и склады. От них покупателей отделяет всего лишь тоненькая дверь.

Грейвс бесцельно слонялся по галерее, ведущей к комнатам отдыха, до тех пор, пока она не опустела. Тогда он, как фокусник, извлек на белый свет тоненькую пластиковую карточку, напоминающую кредитку, всунул ее в щель ближайшей служебной двери и ловким движением, по-видимому, отточенным долгой практикой, открыл замок. Потом затолкал меня внутрь, оглядывая помещение поверх моего плеча настороженным взглядом, который в одночасье изменил его лицо, превращая из мальчика во взрослого мужчину. Расслабился Грейвс, только когда дверь была снова закрыта на замок с внутренней стороны.

Музыка едва доносилась в служебные помещения, чему я бесконечно обрадовалась. Надоела эта шарманка! У меня сильно болела правая рука, только не знаю, отчего больше — то ли от отдачи пистолета, то ли от игры в воздушный хоккей. Этот мальчишка с хищным носом, Грейвс, превосходно играет в хоккей. После моих двух побед в первых раундах игра пошла буквально не на жизнь, а на смерть. Я почти не думала о зомби в течение пятиминутных периодов, склоняясь над игровым полем. Про ходячих мертвецов забываешь, когда от тебя требуется быстрая реакция на поле.

Наши шаги по бетонному полу эхом отдавались в пустом коридоре. Стены здесь оказались некрашеными, а в углах скопилось много пыли.

— Часто здесь ходят?

— Вряд ли. Обслуживающий персонал, как и все работники, хочет быстрее попасть домой. Никогда не случалось, чтобы после закрытия комплекса кто-нибудь остался внутри. Даже уборщицы уходят раньше в такие дни, как сегодня.

Грейвс повернул направо и повел меня по непонятной путанице коридоров, ничем не отличающихся друг от друга. По крайней мере, здесь было действительно тепло. От тепла и ощущения безопасности на меня нахлынула скопившаяся за сегодняшний день усталость. Я поправила висевшую на плече сумку. Через одежду лямка больно врезалась в кожу, а грубая шерсть перчаток неприятно колола ладони.

— Ты часто бываешь здесь?

— Как придется, — пожал плечами Грейвс, чуть замедлив шаг, чтобы я шла вровень с ним. — Надо лишь подождать, пока все смоются домой, а потом спокойно продолжим игру.

— Игру? Опять хоккей, что ли? — Больше всего на свете мне хотелось сейчас скинуть ботинки и забиться в укромный уголок. Может быть, поплакать. Нет, поплакать надо обязательно, не говоря уже о горячем душе с телевизором — лучших помощниках людей в отчаянном положении.

— И в хоккей, и во что душа пожелает! Правда, здесь повсюду расставлены камеры, но многие из них не работают или стоят без кассет. Компания, владеющая торговым центром,

экономила на камерах, так что во многих залах стоят обыкновенные муляжи. Не поверишь, ночью торговый центр превращается в роскошную игровую площадку! Чего тут только нет!

Интересно, а когда он сам собирается домой? Впрочем, я решила не спрашивать Грейвса о дальнейших планах. Его семейные проблемы меня не касаются — своих по горло.

Грейвс резко повернул налево, и мы оказались в огромном ангаре с гигантскими гаражными воротами. Ворота были закрыты, а вдоль противоположной стены стояли в ряд мусорные контейнеры. Из угла на нас сердито поглядывал аппарат для утилизации с логотипом «Береги! Экономь! Неси в утиль!», на котором веселый мышонок Джерри стоит под палящими лучами солнца и машет лапкой.

За огромными воротами дул порывистый ветер, и я невольно вздрогнула, когда леденящий холод тонкими пальцами коснулся лица. Казалось, в наступающих сумерках завывает не обычный ветер, а вырвавшийся из ада демон, жаждущий человеческой крови. По ноющей спине пробежала дрожь, а левая рука горела огнем. Вот-вот снова я услышу знакомый жуткий стук, скрип сухих суставов и шаркающие шаги...

— Эй, ты хорошо себя чувствуешь? — обеспокоенный Грейвс повернулся ко мне лицом, опираясь на стопку поддонов возле стены.

Он снова убрал волосы с лица, зачесав за уши, и выглядел не таким жалким, каким показался при первой встрече. За мягкими чертами кукольного личика с ястребиным носом проступала взрослая угловатость привлекательного мужчины. Даже глаза непонятного цвета не портят впечатления, если только не утратят свою зелень.

Вряд ли можно рассчитывать на нормальную жизнь в ближайшем будущем! Самое время решить, что делать дальше!

Я сглотнула образовавшийся ком в горле. Желудок наверняка не в восторге от жирных чизбургеров, продаваемых в торговом центре.

— Лучше не бывает! — наконец ответила я.

— Вот и хорошо! Послушай, только не рассказывай никому об этом месте.

Что-то Грейвс заволновался. Сказать ему, что сейчас, пройдя половину пути, не самое подходящее время для запоздалых сомнений?

— А кому мне рассказывать? Ты — единственный, кого я знаю в городе.

Не говори глупости, тоже мне, подпольщик доморощенный! Я с ног валюсь от усталости!

Он кивнул, покусывая в нерешительности нижнюю губу. Потом повернулся и неожиданно для меня ужом скользнул за утилизатор.

Парень, ты, наверное, разыгрываешь меня? Я перевела дыхание, забросила сумку за спину, чтобы не мешала пролезть в узкую щель, и последовала за ним.

Проход действительно оказался совсем узким, и протиснуться в него вместе с сумкой оказалось довольно трудно. Ударившись головой обо что-то металлическое, я разразилась тихими ругательствами. Грейвс завозился у стены, и вдруг — о, чудо! — перед нами распахнулась дверь.

— Об этом месте давно позабыли, после того как заставили контейнерами и другим барахлом, — слышался его голос в темноте и тут же смолк.

Щелкнул выключатель, и тусклый свет упал на пыльную стену прямо перед моим лицом. Согнувшись, я протиснулась в дверной проем и почти вывалилась в другую галерею.

— Раньше, когда пользовались погрузочной платформой, здесь находился офис. А два года назад все реконструировали и перестали пользоваться этим помещением. Я только

сомневался, сможешь ли ты пролезть сюда. Теперь мы это выяснили. Ну как? Нравится?

Я огляделась. Сбоку, в полуоткрытую дверь, была видна ванная комната, а сам офис больше напоминал однокомнатную квартиру.

— Как тебе удалось протащить сюда спальный мешок?! — выпалила я с неподдельным изумлением в голосе.

Грейвс с гордостью указал на две отсутствующие потолочные плитки, и на его скулах заиграл слабый румянец. Остальные плитки, хоть и были на месте, но из-за пыли и грязи утратили первоначальный цвет. Под потолком висела единственная лампочка, которая и освещала комнату.

— Я притащил сюда еще кое-что. Так что добро пожаловать в Каса-де-Грейвс, детка!

Спальный мешок лежал расправленный на раскладушке, на книжном шкафу — плеер и стопка дисков рядом с запутанными проводами наушников. С плаката на стене, хитро щурясь, смотрел Джимми Хендрикс. Рекламный постер с изображением охлажденной банки пива, зажатой меж двух силиконовых грудей красотки, висел над кофеваркой и электрической плитой. На полке с посудой лежали упаковки лапши быстрого приготовления, а на складной вешалке покачивались несколько черных футболок и пара джинсов.

Мне сразу вспомнился идеальный порядок в папиной комнате, который всегда поддерживался, где бы мы ни жили. В любом городе, в любом доме на поиски нужного предмета в папиной комнате уходило не более секунды.

Папа! К горлу снова подкатил комок...

Пытаясь сдержать слезы, я повернулась к Грейвсу. Он стоял посреди комнаты возле раскладушки, спрятав руки в карманы и сутулясь еще больше, чем обычно. Равнодушное выражение лица, возможно, и обмануло бы другого гостя, свалившегося на голову в неурочный час, но от моего взгляда не ускользнули потемневшие глаза и напряженная складка возле рта. Невероятно! Грейвс боится, что мне не понравится скромная обстановка его тайного убежища.

Гот не перестает меня удивлять!

— Здесь мило, — выговорила я, когда удалось проглотить застрявший в горле комок. — Очень уютно!

По спине пробежала приятная истома от царившего в комнате тепла. Я сбросила с плеча сумку, гадая о причинах, заставивших Грейвса переехать из родного дома в торговый центр. Потом стянула перчатки и засунула в левый карман куртки, стараясь не глазеть на плакат с обнаженной грудью и пивом.

— Только душа нет. — Грейвс с облегчением расправил плечи, и, скинув перчатки двумя быстрыми движениями, бросил их на раскладушку. Они упали на аккуратно застеленный спальный мешок. — Но туалет работает исправно! Если нужно, я протащу обогреватель через крышу. Это не опасно. Никто уже не помнит о нем. Закрой дверь, хорошо?

Я выполнила его просьбу и обратила внимание, что дверные петли держатся на грубо вкрученных болтах. Выходит, Грейвс специально перевесил дверь так, чтобы она открывалась внутрь. Правда, сначала ему пришлось по-обезьяньи пролезть сюда через крышу. Парень не так-то прост!

Бросив сумку возле книжного шкафа, я собиралась скинуть зеленую армейскую куртку, как вдруг вспомнила о пистолете, оттягивающем карман. Черт! Перезарядила я его или нет?

«Небрежность в обращении с оружием может стоить жизни, малышка! Всегда проверяй обойму!»

Снова папин голос напоминает о правилах, которые нельзя забывать!

Я почти позабыла о стуке костлявых пальцев о стекло и жутких завываниях зомби. Человеку их ни за что не воспроизвести. Они смешались с моими пронзительными воплями и оглушающими выстрелами...

Я вздрогнула, пытаясь избавиться от навязчивых воспоминаний.

Грейвс уже снял плащ и бросил на раскладушку к перчаткам. В комнате стоял характерный запах, свойственный всем подросткам и представляющий собой смесь аромата чисто вымытых волос, тестостерона и одного из мужских дезодорантов с тяжеловесными названиями.

— Чувствуй себя как дома! Снимай куртку. Хочешь кофе? У меня и кока-кола есть, только не охлажденная. А еще немного чипсов и лапша быстрого приготовления, это на случай, если ты хочешь есть.

— Нет, спасибо, что-то не хочется.

Я подошла к книжному шкафу и стала изучать обложки книг. Грейвсу определенно нравятся ужасы — большинство книг принадлежат перу Стивена Кинга, Ричарда Матесона и Дина Кунца. Правда, среди них затесались древний китайский трактат «Искусство войны» Сунь Цзы и несколько пособий по Гражданской войне в Испании, а еще толстенный, зачитанный до дыр томик по истории Второй мировой. А что там, на нижней полке, прямо над объемными учебниками по математике? Да это же любовные романы в розовых обложках, аккуратно расставленные в ряд!

Парень становится все интересней и интересней!

— Я много читаю, — пояснил он чуть дрогнувшим голосом из-за моей спины. — Ведь телевизор сюда не протащить.

Услышав шелест за спиной, я обернулась. Грейвс, оказывается, пытался заварить кофе дрожащими руками.

— Точно не хочешь кока-колу или чего-нибудь другого?

Он заметно нервничал, краснея и почти заикаясь.

Что ж, неуклюжий хозяин подкупает робким гостеприимством!

— Нет, только кофе, — дипломатично ответила я. — Здесь действительно здорово, Грейвс. Это же твой собственный маленький мирок!

— Без надоедливых училок и тупоголовых качков! — Он издал фыркающий звук, что вполне могло сойти за смех. — Давай подходи и присаживайся к столу. Ты, наверное, очень устала.

Я действительно устала и совершенно вымоталась. Как ни странно, но маленькая комнатка, затерянная в недрах торгового центра, казалась гораздо безопаснее собственного дома. Может, потому, что за окном не завывает ледяной ветер, или из-за того, что больше не нужно трястись в ожидании худшего — оно уже и так случилось! Присутствия живой души рядом и праздных разговоров за чашкой кофе оказалось достаточно, чтобы я снова ощутила себя живой!

Я уселась рядом со шкафом и крепко обняла колени.

— Ты живешь здесь?

Грейвс снова пожал плечами и ответил не оборачиваясь:

— То тут, то там. Где душа пожелает. — Он исчез в ванной комнате с кофейником. —

Как только закроют торговый центр, выйдем через другой лаз.

Через другой лаз? Парень, ты все продумал! Всегда должен быть запасной выход для бегства.

Склонив голову на колени и прижавшись лбом к джинсовой ткани, я глубоко вздохнула, не в силах больше удерживать скопившуюся внутри горечь. Грейвс мыл под струями воды кофейник, а меня колотила дрожь. Наконец он вернулся, и через несколько минут запах крепко заваренного кофе заполнил маленькую комнату.

И опять мне вспомнился отец — по утрам он не мог обойтись без спасительной порции кофеина. Я всегда варила кофе по папиному рецепту — так его готовят на флоте. Напиток получается крепкий и горький настолько, что разъедает даже серебряную ложку. Бабушка обычно варила себе кофе в джезве, и папа от нее не отставал. Если опросить девчонок в любых трех штатах, то, скорей всего, я окажусь единственной, кому известен секрет старинного заваривания кофе.

— Эй! Опять витаешь в облаках? — Грейвс вынырнул как из-под земли и обеспокоенно склонился надо мной. Волнистые пряди волос упали на лицо, и он откинул их назад привычным движением длинных пальцев. — Да что с тобой случилось? У тебя что-то болит?

Вопрос показался нелепым. Что-то болит? Да у меня болело все: мышцы спины ныли от напряжения, ноги гудели от усталости, на плечи будто гору взвалили, а руки налились свинцом. Но больше всего болело сердце, словно пронзенное отточенным клинком. Ладони тряслись мелкой дрожью. Да каждый волосок на голове стонал от боли, хотя я сидела, почти не двигаясь! Очень хотелось рассказать об этом Грейвсу, и я уже открыла рот, но вместо слов из горла вырвались сдавленные рыдания.

— Черт! — Он не на шутку испугался и придвинулся поближе. — Дрю? Ну же? Господи, Дрю, ответь!

Да что там! Я не могла и слова выговорить. Рыдания сотрясали все тело, вырывая из горла ужасные хрипы, будто меня душили. Я не могла сдержать слез, хотя изо всех сил стискивала челюсти, отчаянно скрипя зубами. Умиротворяющий запах кофе больше не чувствовался, потому что нос забился, не давая дышать.

Грейвс крепко обнял меня за плечи и молча ждал, пока я выплачусь. Он такой славный, этот паренек в черном, и нравится мне все больше и больше. Даже жаль, что придется уехать, бросив его в этом проклятом городе!

Грейвс уступил мне раскладушку и спальный мешок. Я спала, прижав к груди сумку, папина куртка валялась рядом.

Когда я проснулась, проспав несколько часов, Грейвса уже не было. Только на двери одиноко висела приклеенная на жевательную резинку записка. Сплошные закорючки, будто курица лапой нацарапала:

«Ушел в школу. Обязательно узнаю для тебя домашнее задание. Пора бы тебе завязать с прогулами».

Потом еще текст, так старательно зачеркнутый, что невозможно разобрать слов. И дальше:

«Оставайся сколько хочешь. Скоро вернусь».

Я открыла сумку и, порывшись, нашла водонепроницаемые швейцарские часы. Их в Нью-Йорке для меня купил папа, когда мне исполнилось двенадцать. Я тогда жила у Огаста целый месяц, пока он пропадал на канадской границе по делам. Огаст, конечно, классный парень и знает об Истинном мире больше, чем любая энциклопедия, но отца мне не заменит никто. Да и Огаст не брал меня на охоту. Представляете, я целый месяц провела в Нью-Йорке, а дальше одной-единственной улицы в Бруклине и носа не казала.

Ух ты! Оказывается, уже три часа дня. После долгого сна разболелась голова, во рту — неприятная горечь и привкус крови. Тело одеревенело, а спину ломит так, что хоть волком вой! Наверное, я потянула мышцы, удирая от зомби.

От воспоминаний о зомби и отце стало не по себе, но боль, как ни странно, стала постепенно стихать. Так бывает, когда колешь иглой сведенные судорогой ноги. Да, мой папа стал зомби. Вернее, был зомби. Это не изменишь!

Что делать? Я, тяжело вздыхая, тупо уставилась на записку, прикрепленную к двери. Что придумать, если в голове вместо мозгов сплошная каша?!

Вдруг меня осенила блестящая мысль, которую вызвало воспоминание о душевной квартирке Огаста. Соратники отца! У него должны остаться телефоны других охотников. Нужно их найти и связаться с кем-нибудь из папиных друзей!

Не мы одни охотились за привидениями, полтергейстами, призраками, бесами, чупакабрами, ведьмами, жрецами вуду и прочей нечистью. По стране тайно бродят сотни охотников! Их пути обычно пересекаются в оккультных лавках или оружейных магазинах, где обмениваются опытом или продают важные сведения, например, как очистить дом от привидений или убить вампира, развеять морок или в каком месте ждать очередной вспышки активности потусторонних сил.

Я вздрогнула, вспомнив о вампирах, и мурашки ледяной волной пробежали по рукам и спине. От кровососов не жди ничего хорошего, впрочем, как и от оборотней. Правда, последние не так опасны для людей: их больше занимает собственная вражда с вампирами... Как и отца...

Я закрыла глаза. Меня до сих пор мучает мысль: почему я не рассказала отцу о бабушкиной сове? Вдруг он прислушался бы к предостережениям свыше и не отправился той ночью на охоту?

От подобных мыслей вина перед отцом достигла гигантских размеров. А еще меня беспокоил дом, оставленный без присмотра и насквозь продуваемый ледяным ветром через огромную дыру в задней двери. Случайный гость наверняка не оставит без внимания пятно на ковре и отверстие от пули на стене гостиной.

Что же делать?

Прежде всего займусь самыми неотложными делами. Во-первых, я умираю от голода, значит, надо раздобыть еды. Потом можно подумать и составить план дальнейших действий. Итак, вернусь в дом при свете дня — так безопаснее. Нужно проверить имеющееся оружие и патроны, собрать вещи и отыскать отцовский грузовичок.

Я мысленно представила старенький синий «форд» и тут же сообразила, куда держать курс. Еще не совсем обветшал бабушкин домик в Блу-Ридж — несколько месяцев назад мы, сделав крюк по дороге, заехали проведать его. По условиям договора о доверительной собственности, который составили отец с бабушкой, дом принадлежит мне. Вот где бы спрятаться и переждать трудные времена! Как только окажусь в горах, можно немного перевести дух. Искать меня там никто не станет. До дома можно добраться только двумя

разбитыми проселками, по которым, «не имея опыта, не пройти и не проехать», как любила повторять бабушка.

Отец заслуживает достойного погребения, пусть даже от него остался только прах и несколько выбеленных костей. Зомби разлагаются удивительно быстро.

По щеке скатилась жгучая слеза, потом другая. Никогда больше папа не подойдет к двери и не закричит: «Дрю, детка, ну-ка поднимай свою задницу!» Никогда не войдет усталой, тяжелой поступью, не закроет дверь на замок и не спросит, что у нас на ужин. Никогда не устроит мне экзамен по снятию порчи, окуриванию дома шалфеем и очищению от полтергейста. И не оставит больше записки с просьбой не забывать о ката...

Я очнулась, словно меня толкнули, и перевела взгляд на часы. Они были уже застегнуты на запястье — пальцы привычно сделали свою работу. Прошло около получаса, пока я стояла, изучая записку на двери. Спину снова пронзила острая боль. Позарез нужен аспирин!

У меня есть наличные. Впрочем, я могла бы пробраться на продуктовый склад торгового центра, но вдруг меня там застукают? Запросто можно запутаться во вранье, пытаясь выкрутиться из очередных неприятностей. А если начнут следить за коридорами и обнаружат Грейвса?

Ради бога, хватит! Тебе собственных проблем мало? Теперь вот тревожишься за этого мальчишку!

Нет, нельзя выдавать чужое убежище. Это основное правило, которое неукоснительно выполняют все охотники на нежить. Отца нет, и мне одной продолжать дело его жизни!

От этого открытия стало страшно, и я постаралась затолкать жуткую мысль в самые дальние уголки сознания. Вернулась к раскладушке и снова перевернула сумку. В комнатухе стояла необыкновенная тишина. Интересно, если я буду шуметь, услышат ли эти звуки в соседнем ангаре и поймут ли, откуда они доносятся? Как часто во время рабочего дня служащие прибегают к контейнерам, чтобы выбросить мусор? Пользуются ли еще утилизатором для картона? Вопросы не давали мне покоя...

Края альбома из-за постоянного хранения в сумке сильно обтрепались. Я взялась его перелистывать — надо найти чистый лист, чтобы оставить записку для Грейвса.

Вдруг ноги стали ватными, и я без сил рухнула на бетонный пол. Даже зубы лязгнули, когда ударились задницей о твердое покрытие!

На одном из листов в альбоме красовался нежный ирис, над которым я усердно трудилась в прошлую ночь. Потом гардеробная дверь, ночной столик, стопка белья после стирки, зарисованные машинально. На другой странице — царапина от острого карандаша, сделанная мной во время сна, и... набросок из сплетения тени и света, изображенный четкими штрихами. Не помню, чтобы я это рисовала, но сомнений в авторстве не возникает. Кто же, если не я?

Так, что там? Задний дворик какого-то склада или другого здания, прислонившегося к огромному ангару. Окна с побитыми стеклами — мелкие штрихи острого грифеля. Кривой деревянный забор с кое-где выломанными штакетинами, и перед забором притаился, словно гигантский кот, грузовик.

Наш грузовик! Знакомые очертания родного дома на колесах я узнаю из тысячи!

Во рту мгновенно пересохло, появился неприятный вкус металла. Стук сердца глухо отдавался в висках, заглушая остальные звуки.

Когда я сделала этот набросок? Я заснула сразу после того, как нарисовала стопку белья. Это последнее, что помню!

В ту ночь мне снился сон. Полно, да был ли это обычный сон? Ночной кошмар! О чем? Дай бог вспомнить! Снился отец, крадущийся шаг за шагом к какой-то двери, а за дверью его поджидало что-то ужасное! С каждой минутой нарисованное здание с грузовиком все больше вселяло в меня уверенность, что именно в этом доме развернулась страшная трагедия, после которой отец вернулся домой в облике жаждущего человеческой плоти зомби.

Помнится, когда я проснулась тем утром, карандаш в руке был сломан, больно впившись острыми краями в ладонь. Сам набросок явно сделан мелкими, стремительными штрихами, ставшими мне знакомыми за годы быстрых зарисовок. Нет, это просто невероятно! Как бы гордилась бабушка моим открывшимся даром, а мне впору слезы лить!

Я изучала бесконечное множество штрихов, сложившихся в странный рисунок, и чуть не прослушала царапающие звуки за стеной. Я обернулась к двери, бесшумно скатилась с раскладушки, схватила куртку и растянулась во весь рост на полу. Рука привычно потянулась за пистолетом. Как учил папа: «Сначала уйди с линии огня, потом стреляй! Детка, отстреливаться и корчить из себя мишень — не годится!»

Дверь в комнату открылась, и тут разум взял верх над паническим желанием открыть огонь. Кому еще известно, что я прячусь здесь?!

Грейвс, мотая головой, протиснулся в дверной проем. Он вымок с головы до ног и озяб. С кудрявых волос капли падали на длинный черный плащ, и струйки воды стекали по плащу на пол. Губы Грейвса посинели от холода, нос стал красным, а щеки приобрели неестественно желтый оттенок.

— Ух, к-какой с-собачий холод на улице! — заикаясь, произнес Грейвс и удивленно вылупил на меня. Потом осторожно закрыл дверь, снял черный промокший рюкзак с костлявого плеча. — И снег опять идет. Уйму времени затратил, пока дошел. Я тебе кое-что принес.

Я лежала на полу, чувствуя себя полной идиоткой, но Грейвс, казалось, ничего не замечал. Закрыв дверь, он стал старательно отряхиваться, словно собака после купания в ледяном озере. Холодные брызги полетели во все стороны.

Я вернула предохранитель на место и осторожно сняла палец со спускового крючка. Потом, положив пистолет обратно в куртку, кое-как поднялась на ноги.

— Снова снегопад?

— Господи, снег валит и валит, не останавливаясь! Не поверишь, если расскажу, как пришлось добираться до торгового центра! Вот, смотри, что принес!

Грейвс рылся в рюкзаке, а с его волос все падали капли воды — это таял снег, запутавшийся в черных кудрях. Да он весь мокрый — хоть выжимай!

— Господи помилуй! — Подойдя ближе, я стала отнимать у него рюкзак. — Снимай сейчас же плащ! У тебя губы от холода синие! Лучше сразу переоденься во все сухое!

— Святые небеса, не прошло и часа, а она уже уговаривает меня раздеться?! — шутливо произнес он, устремив взгляд в потолок, но не выпуская из рук рюкзак. — Вы, южные красотки, всегда себя ведете так, когда... Да подожди ты, ради бога! Запомни, терпение — это добродетель, так что сбавь-ка обороты! Вот, это тебе!

Он выудил из рюкзака маленький бумажный пакетик, источающий соблазнительные запахи мяса и картофеля-фри.

Наконец-то мне удалось стащить с Грейвса плащ. Я оглядела комнатку — надо срочно повесить сушиться промокшее насквозь тяжелое черное одеяние моего приятеля. А сам

Грейвс, уронив пакетик с едой, уже стягивал через голову промокшую рубашку. Он снова отряхнулся, обрызгав меня холодными каплями вперемешку с кусочками льда.

— Господи, ты что, в снегу специально вывалялся? — Я поспешила спасти пакетик с картошкой и мясом. — Где ты это достал?

— На Маршалл-стрит есть одно местечко, которое всегда открыто для посетителей! Летом я подрабатывал там и знаю точно, что готовят они отменно. Не жди меня и начинай есть! Может, хочешь кофе?

С этими словами Грейвс направился в ванную, демонстрируя смуглую спину с выпирающими лопатками, похожими на хрупкие крылья. На плечах красовались красные пятна от холода... А еще бесстыдник расстегивал на ходу пуговицы джинсов. Что ж, надо признать, у парня сухопарое, но красивое тело с развитой мускулатурой, которую не портит кукольное личико. Есть чем похвастаться перед цыпочками!

Краска стыда залила шею и лицо. Я быстро отвернулась, и, отыскав вешалку, повесила мокрый плащ в уголке.

Грейвс вернулся из ванной, облаченный только в полотенце, обвязанное вокруг бедер. Второе полотенце красовалось на голове. Заглянув в бумажный пакетик, я обнаружила тройную порцию картошки-фри и три сэндвича с мясом и сыром. Они пахли просто божественно!

— Надо же! Какая вкуснотища! Сколько я тебе должна?

На напряженном лице Грейвса мелькнула быстрая ухмылка.

— Детка, первый раз бесплатно! Давай ешь! У тебя во рту, наверное, со вчерашнего вечера маковой росинки не было. А знаешь, сегодня уроки отменили из-за снегопада. Блетч рассвирепела не хуже качка, которому отшибли причинное место! Я целых два часа добирался до кафешки на Маршалл-стрит, даже заглянул в... — Вдруг он запнулся и внимательно посмотрел на меня, приподняв одну половинку сросшихся бровей. — Ты давай ешь! Я что, зря еду нес?

В белых полотенцах смуглый Грейвс выглядел как подтаявшее шоколадное мороженое.

— Слушай, а ты не хочешь одеться? — не выдержала я.

Папа иногда ходил по дому без рубашки, и меня это ничуть не смущало. Я отнюдь не ханжа, но сейчас чувствовала себя не в своей тарелке.

— Разве не ты хотела, чтобы я разделся?! — Он снова насмешливо фыркнул: не поймешь, то ли кашлянул, то ли крякнул от боли. — Жуй давай!

— погоди! Сколько я тебе должна?

И можно поинтересоваться, паренек, откуда у тебя деньги?

Вопрос такой же дурацкий, как и желание узнать, почему подросток живет в торговом центре, а не дома. Вот только я ничего не желаю знать. Пусть сам решает эти проблемы, а мне и так хватает забот!

— Говорю же тебе, первый раз угощаю, — подмигнул Грейвс.

Странно, сегодня его глаза казались карими, а не зелеными.

Взяв сухую рубашку, он натянул ее через голову на голое тело и явно собирался одеваться дальше, пока я стояла, потупив взгляд в пол. Щеки залил румянец, словно их обдало жаром от печи.

— Ты угощал меня в прошлый раз, помнишь? — напомнила я ему.

— Да, но не фирменным блюдом с Маршалл-стрит. Честно говоря, я думал, что не застаю тебя здесь. Потом решил, что ты, должно быть, еще спишь. Утром, когда я уходил, ты

так крепко спала, будто была в полной отключке. — Он уселся рядом, надевая футболку с «Iron Maiden» и сухие джинсы. Брошенное на пол полотенце с глухим стуком плюхнулось рядом с мешком, где хранилось грязное белье. Потом Грейвс ухватил один из сэндвичей и проговорил: — Надеюсь, еще не остыл!

Моя куртка лежала возле ног на полу. С виду такая безобидная, но в кармане таится скрытая угроза. Интересно, как бы Грейвс отреагировал, узнай он, что я чуть не выстрелила?

И все-таки кто он, этот странный подросток?

— Чем я обязана такой заботе?

В ответ Грейвс неопределенно пожал плечами и, жадно откусив огромный кусок от сырного сэндвича, закрыл от наслаждения глаза.

Бетонный пол охлаждал ноги. Кстати, раскладушка в комнатке одна — где же тогда спал Грейвс прошлой ночью? Почему-то я не задумывалась об этом раньше.

Влажные пряди черных волос упали на глаза, но Грейвс к этому привык и продолжал жевать сэндвич. Наконец он промычал что-то невразумительное:

— Патм... бур...

Как прикажете понимать эту тарабарщину? Ну ладно, пусть все идет своим чередом. В конце концов, парень привел меня в укромное место. Стоит ли жаловаться на судьбу, раз уж дело дошло до того, что и переночевать больше негде?!

— Спасибо за все! То есть хочу сказать, мне действительно было очень плохо. Спасибо, что помог.

В горле аж защипало, так хотелось рассказать обо всем или хотя бы открыть часть правды!

Грейвс проглотил прожеванный кусок, отчего его кадык дернулся, и торопливо предложил:

— Хочешь поговорить об этом? Если нет, я больше не стану лезть с расспросами.

Что тебе сказать, чтобы ты поверил? Будь папа жив, мне было бы не так одиноко!

Папа! В ушах снова прозвучал жуткий рев, грудь перехватило от пережитого ужаса — каждый вдох давался с трудом. Что пытался сказать мне зомби? Или не пытался?

В сотый раз жгучие слезы невольно набежали на опухшие глаза. Я вот-вот разревусь. Только не забыть, что нужно дышать! Делаем глубокий вдох! Так, я голодна, и надо есть, иначе не смогу собраться с мыслями.

— Это из-за папы!

Схватив сэндвич, я быстро откусила большой кусок.

Сэндвич оказался на редкость аппетитным: в меру соленый, с солидным ломтиком сыра и необходимыми для организма жирами и углеводами. А булочка — мягкая и даже еще теплая.

— А что с отцом не так? — спросил Грейвс, осторожно выбирая слова.

В другой раз я бы посмеялась над его неумелой попыткой быть тактичным.

— Это не то, про что ты подумал. Он мертв.

Ну вот, губы произнесли страшное слово. Такое короткое и не имеющее никакого отношения к моему папе. Оно всегда жило рядом с нашим маленьким мирком, не переступая очерченной границы. Говорить о папе так — неправильно, хотя уж кому-кому, а мне точно известно, что он действительно мертв.

Если мои слова и поразили Грейвса, он умело скрыл удивление. Правда, глаза у него округлились и позеленели. Он задумчиво укусил сэндвич и стал медленно жевать. Потом

взял горстку картошки-фри и запихал в рот, не сводя с меня внимательного взгляда. Наверное, ждет подробных объяснений.

Перегнувшись через раскладушку, я выудила из хаоса, царившего в спальном мешке, альбом для рисования и, открыв страницу с наброском отцовского грузовика, спросила Грейвса:

— Узнаешь это место?

Он взял рисунок, и его глаза снова расширились от удивления. Он сглотнул слюну, и кадык судорожно дернулся. В ухе сигнальным маячком блеснула сережка.

— Классно рисуешь!

Ха, классно! Да я рисую с пяти лет!

— Спасибо за комплимент. Ты знаешь, где это?

— Нет.

Нахмутив брови, Грейвс ждал объяснений, но я молчала. Парня распирало любопытство, и он уже приоткрыл рот, чтобы задать вопрос, но вместо этого только облизал жир с пальцев.

Черт!

— Мне надо найти это место. Надо разыскать грузовик, и тогда я... Ну, в общем, мне надо найти его! — Я откусила сандвич и проглотила, не почувствовав даже вкуса. А потом задала вопрос на миллион долларов: — Ты мне поможешь? Ну, пожалуйста!

— Помочь отыскать этот склад? — Он повел плечами. — Да, конечно, помогу. Вот только из-за снегопада придется туговато. По радио объявили, что снег будет идти всю неделю. Опять метели да вьюги, а мы из-за них взаперти!

Я думала, Грейвс набросится на меня с вопросами, но он не сказал ни слова и спокойно доедал сандвич, изредка бросая на меня испытывающие взгляды. Покончив с первым бутербродом, он принялся за второй. А я прислушивалась к тишине за стеной и машинально жевала сандвич. С таким же успехом я съела бы и картон!

Расправившись наполовину с сандвичем, Грейвс перестал жевать и опять перевел взгляд на меня.

— Так что у тебя стряслось?

Пока сама не знаю. Хотя очень хотелось бы узнать. К тому же, если я расскажу всю правду, ты считаешь меня сумасшедшей!

— Дело довольно скверное.

А что я могла еще ответить?

— Ну ладно, — снова пожал он плечами. — Звучит интригующе, а там — посмотрим. Завтра начнем поиски, но только после занятий в школе.

У меня от удивления чуть челюсть не отвисла. Снова привычное пожатие плеч.

— Думаешь, я собираюсь ютиться по всяким углам всю жизнь? Нет! У меня есть план! Я получу аттестат и пойду в местный колледж. Потом поступлю в самый настоящий университет и выучусь на математика. Математики получают довольно хорошие бабки, пока работают, но и после все будет классно, потому что я к тому времени стану профессором физики.

Профессором физики?! Я попыталась представить Грейвса взрослым или хотя бы в роли учителя и не смогла. Только голова разболелась от усилий. Да этот парень такой неуклюжий и совсем наивный! А вслух примирительно сказала:

— У каждого должна быть цель в жизни. — Необычное облегчение появилось где-то

под солнечным сплетением и заполнило грудь. — Ты уроки не прогуливаешь?

— Никогда. Не дай бог заметят, и ждет меня билет в один конец на патронажное воспитание. — Выражение лица менялось у Грейвса слишком быстро, и я не могла проследить за ходом его мыслей, тем более что уже в следующее мгновение оно снова стало бесстрастным. — С тобой я прогулял школу в первый раз. — Грейвс криво ухмыльнулся и отправил в рот пригоршню картошки. — От тебя одни неприятности, Дрю!

Даже не представляешь, какие большие неприятности ожидают тебя впереди, паренек! Я рассмеялась, и сэндвич вдруг снова показался вполне съедобным.

Наконец стемнело, и как только Грейвс решил, что можно покинуть тайное убежище без опаски, мы выбрались по лабиринтам коридоров наружу.

В пустом торговом центре горит приглушенный свет. Молчит фонтан на первом этаже, поверхность воды неподвижна и безмятежна. Тишина плотно окутывает перевернутые стулья на столах в кафетерии, неслышно крадется по галереям и укрывает павильоны пеленою беспросветной тьмы. Свирепые порывы ветра не пробиваются за кирпичные стены торгового центра. Создается впечатление, что мы попали на другую планету!

Вдруг Грейвс, перегнувшись через перила галереи, издал пронзительный вопль, который заметался между вторым и первым этажами, и, срикошетив от пола к потолку, вернулся к нам, искаженный эхом. Довольный результатом своей мальчишеской выходки, он радостно воскликнул:

— Убедилась? Полная свобода! Давай, теперь твоя очередь!

Я не удержалась и испустила оглушительный боевой клич, как во время спарринга с отцом или тренировок ката. Грейвс вздрогнул от неожиданности, но тут же пришел в себя и издал ответный вопль, который понесся ввысь вслед за моим. Мы с Грейвсом расхохотались, а потом он шутливо толкнул меня костлявым плечом, чуть не сбив с ног. В ответ я толкнула его что есть силы, и, кажется, в этот момент в голове промелькнула мысль, что из просто знакомого одноклассника он становится другом.

Наконец эхо умолкло.

— Иногда я от скуки хожу к игровым автоматам, — задумчиво произнес Грейвс. Его глаза таинственно мерцали в полумраке. — Как хорошо, когда рядом есть компаньон. Хочешь, сыграем партию в воздушный хоккей?

Его предложение вызвало у меня дрожь.

— Нет, только не это! — Запястье по-прежнему болело, как и обожженная левая рука. Спина тоже не радовала, несмотря на обезболивающее, которое Грейвс случайно обнаружил в ванной в одном из древних флакончиков. — Ничего, если я просто прогуляюсь?

— Конечно! Мне надо кое-что узнать, а ты погуляй. Только не ходи в павильоны компании «Сиэрс»: я к ним заглядывал недавно, так вот у них камера работает, — предупредил Грейвс с усмешкой, резко развернулся и пошел широкими шагами по коридору. Только длинные полы черного плаща хлопали на ходу, как крылья большой птицы.

Я закрыла глаза, плотнее закуталась в тяжелую папину куртку — от нее веяло родным теплом — и стояла так в полном одиночестве посреди торгового центра, утопавшего во мраке. Правда, в некоторых витринах тускло горели ночные фонарики. Свет едва пробивался из-за решеток с хитроумными сплетениями стальных прутьев, из-за сплошных стеклянных витражей, которыми наивные владельцы павильонов решили оградить себя от коварных привидений.

Страх холодной змеей пробежал между лопаток: а вдруг поймают? Придут полицейские с обходом и арестуют меня за незаконное ношение оружия, и бог знает за что еще!

Стоп! Прекрати дергаться понапрасну, Дрю! Я сделала глубокий выдох, чувствуя, как напряжение постепенно спадает. Что ж, без сумки ходить непривычно, как будто шагаешь по коридору голая, но нельзя же таскаться с ней повсюду! Будь в торговом центре опасно, Грейвс не вел бы себя так смело. Он достаточно умен, чтобы не попасться в руки полиции!

Что самое интересное, Грейвс не просто впечатляет умом, а порой поражает до глубины души. По виду он вовсе не похож на заурядного очкастого математика, и наверняка экстравагантный наряд гота-бунтовщика является своего рода прикрытием. Не каждый парень в школе мечтает о карьере профессора физики в будущем! У Грейвса удивительно практичный склад ума, и если я расскажу ему о своих жизненных перипетиях, он посчитает меня сумасшедшей! В лучшем случае фантазеркой.

Впрочем, не все ли равно? Вряд ли Грейвс прочно и надолго войдет в мою жизнь.

В конце концов, меня волнуют совершенно другие проблемы. Надо понять, каким образом папа превратился в гниющего зомби.

Для этого необходимо добраться до отцовских книг и покопаться в них. В последний (второй) раз зомби повстречались нам в окрестностях Батон-Руж. Их подняла из могил черная магия вуду, как и того паренька из Южной Каролины (наша первая встреча с зомби), а это все же далековато от Среднего Запада. В книгах наверняка найдутся дополнительные сведения о зомби, которые мы упустили из виду, возможно, потому что они нам тогда негодились. Помню, я с головой погрузилась в снятие порчи и злых чар, чтобы наблюдать, как отец справляется с ожившими трупами.

Так, а книги лежат в гостиной!

Слышали ли соседи выстрелы? Мысль, как острая зубная боль, пронзила мозг. Скорее напрашивается отрицательный ответ, потому что, когда я убегала из дома, не было даже слышно звуков полицейских сирен. И все же... и все-таки уверенности нет, а бродить ночью по торговому центру в поисках ответов — дело неблагодарное!

Ну, о чем задумалась, Дрю? Я свернула налево, спрятав руки в карманы куртки. Правая ладошка коснулась холодной поверхности пистолета. Если медленно и глубоко вдохнуть, можно уловить запах кондиционера-ополаскивателя и едва ощутимый аромат папиного лосьона после бритья. Однако от аромата лосьона на душе стало совсем грустно и одиноко.

Повесив голову, я неторопливо брела вдоль галереи мимо отдела с копченым мясом и плавлеными сырами, пьянящими запахами даже сквозь стеклянные витрины, мимо череды павильонов, тоннами продающих дешевые ювелирные украшения. Твердое ковровое покрытие почти скрадывало звуки шагов в темноте.

Все же забавно бродить в торговом центре после закрытия. Глухая тишина окутывает галереи мягким и тяжелым покрывалом, умиротворяющий полумрак скрывает яркие краски торговых павильонов. Захоти я улыбнуться или нахмуриться — никто не увидит! Никто не заметит, во что я одета, а значит, и не осудит! Никому не надо лгать! Никого не надо опасаться! Можно тщательно рассмотреть встречающиеся на пути витрины или остановиться возле отдела женской одежды и всласть полюбоваться стройными манекенами в изящном нижнем белье, таинственно мерцающем в ночной подсветке! И никто не посчитает меня чудаковатой малолеткой!

Впрочем, все это показалось забавным лишь на первый взгляд. После десяти минут бесцельного шатания по коридорам я начала заметно нервничать, не слыша завываний ветра за стенами торгового комплекса. Из-за гробовой тишины стали мерещиться другие звуки, навеки запавшие в память.

Стук костлявых пальцев по стеклу... и жуткий хриплый рев из мертвой глотки зомби...

Кто-то превратил отца в зомби! Эта мысль преследует меня с тех пор, как я раз за разом нажимала на спусковой крючок. Факты — вещь упрямая, но от этого не легче. При всем желании нельзя путешествовать по стране, а потом умереть и превратиться ни с того ни с

сего в оживший труп! Кто-то непременно здесь замешан. Кто? А если это сделал тот, за кем отец охотился?

Кто-то или что-то? То существо, что скрывалось за дверью! Тут я поняла, что увиденный сон был вовсе не сном — просто я увидела последние минуты жизни отца.

Это навело меня на не очень приятную мысль. Вдруг подобные пророческие кошмары станут частью моей жизни?! Признаться честно? Мне стало не до смеха. Бабушка никогда не учила меня толкованию снов, нам и без того хватало дел в часы бодрствования. Она часто повторяла: «Милая Дрю, сны похожи на лицемерных друзей, они не покажут ничего путного и не подадут никакого знака. Одни догадки, не больше!»

Я остановилась возле павильона с художественными фильмами и угрюмо потеряла лоб ладонью. Потру посильнее, вдруг появится хорошая мысль, как повернуть время вспять и ни в коем случае не допустить беды, случившейся с отцом. Он не должен был умереть! Я оказалась в кошмарном сне, вот только кошмар стал явью!

Отца больше нет в живых. Он никогда не вернется ближе к рассвету, раненый и уставший. Он ушел из моей жизни безвозвратно, окончательно и навсегда.

Ушел так же, как и бабушка. И мама.

Я осталась одна. Пусть меня с детства воспитали в меру самостоятельной, но жизнь без отца казалась невыносимой.

Печальные мысли, не переставая, крутились в голове, как вдруг до меня донесся непонятный звук, заставив застыть на месте. Я оглянулась на темные экраны телевизоров; днем обычно по ним крутят рекламные ролики фильмов недели, а сейчас в них отражалась лишь моя застывшая фигура. Путаница темных кудрей, запавшие глаза, бледные щеки и куртка цвета хаки многократно повторялись в плоских экранах.

Где-то по полу рассыпалось разбитое стекло. Потом донесся хруст осколков под чьей-то тяжелой поступью, и через секунду тишину торгового комплекса разорвало злое рычание. Рев проник в голову, выворачивая мозги наизнанку. Боль яркой вспышкой ослепила меня. От неожиданности я шатнулась вперед и, успев вытянуть руку, уткнулась лбом в витрину. От удара клацнули зубы. Сладкий привкус с примесью железа заполнил рот, сердце в груди забило в учащенном ритме, а перед глазами закружились в бешеном танце черные мошки.

Я беспомощно стояла на коленях и пыталась избавиться от рева в голове. Боль растворилась так же внезапно, как и появилась, и было трудно сообразить, что происходит вокруг.

«Вставай, Дрю! — прозвучал раскатом грома папин голос. — Найди укрытие! Не медли!»

Я сделала глубокий медленный вдох сквозь сжатые зубы, как учила бабушка, сконцентрировав всю волю в один воображаемый шар. Постепенно рев стал затихать и уже не казался таким оглушительным. Я подняла голову, вглядываясь слезящимися глазами в длинную и — слава богу! — пустынную галерею, обставленную горшками с цветами, скамейками и тележками с прикрытой на ночь бесполезной утварью. На стенах играл багровый отблеск, медленнодвигающийся по коридору, а за ревом уже различался хруст осколков под тяжелыми шагами.

Теперь, когда я избавилась от шума в голове, пришла пора решительных действий. На четвереньках я проползла к огромной, скорее всего, искусственной пальме и вдруг почувствовала запах дыма. Был ли он настоящим или почудился от страха — сказать сложно.

Правая рука нащупала пистолет в кармане куртки. Холодная тяжесть ствола внушает некоторую уверенность, не позволяя впасть в панику. Я медленно вынула оружие, щелкнула предохранителем и навела ствол на приближающееся кровавое зарево. На душе вдруг стало легко и спокойно, а все мысли вновь сконцентрировались в одном маленьком воображаемом шарике.

Кстати, вот еще один факт, о котором обычно умалчивают. В подобных ситуациях страшно хочется писать! Я бы сейчас отдала все на свете, только бы оказаться рядом с унитазом. Резь в мочевом пузыре становилась нестерпимой, но выхода не было. Прислонившись к стене, я быстро выглянула в коридор.

Что бы сюда ни направлялось, оно уже разбило витрину на первом этаже! Я вспомнила, что входы с парковки наверх находятся именно там, и один из них — как раз в этом крыле торгового центра, совсем рядом со мной, прямо за павильоном с экзотически пахнущими лосьонами.

Что за черт? Я снова потянула носом и уловила витающий в воздухе запах дыма и ледяного воздуха с примесью железа...

Запах идет с улицы!

Наконец в поле зрения появилось удлинненное поджарое существо, от фигуры которого на стену падала зловещая багровая тень. Размером с хорошего пони, со странно сверкающей шерстью, оно напоминало огромную лохматую собаку. От боли сдавило виски. Нечто подобное происходит, когда начинает материализоваться обезумевший призрак, вбирая в себя из воздуха тепло и остаточную энергию человеческой ауры. Представляете, большинство людей и не подозревают, что их окружает невидимая энергетическая оболочка!

Я опять вдохнула, медленно и осторожно, стараясь не шуметь, так как понимала, что балансирую на тонкой грани между жизнью и смертью!

Тише, Дрю! Замри и не двигайся! Да, дела идут из рук вон скверно!

Кажется, я заслужила приз за повторение азбучных истин!

Собака фыркнула, выдувая воздух из гигантских ноздрей размером с Большой каньон, обнажив на мгновение длиннющие обсидиановые клыки. Хищные челюсти громко клацнули, и из-за спины жуткой твари повалил дым.

Она горела! Багрово-золотистое пламя вырывалось из спины, жидким огнем стекая по серебристой шерсти и обжигая ковровое покрытие. Дым проник в горло — фу! — воняло горелой пластмассой.

Тварь пылала в огне!

И тут я сглупила и, не сдержавшись, с шумом выдохнула!

И чудовище услышало!

Пылающая голова повернулась, выискивая нарушителя спокойствия. Потом тварь фыркнула, и горячее дыхание пролетело по коридору, раскачивая листья искусственной пальмы над моей головой. Тихий шелест листьев утонул в клацанье челюстей твари, которая бросилась вперед, безошибочно определив, где я скрываюсь.

Гигантская огненная собака неслась прямо на меня!

Я вскочила на ноги, во рту мгновенно пересохло, и появилась резкая горечь. Недолго думая, я выстрелила, но ботинки предательски заскользили по линолеуму. Клубы обжигающего дыма смешались со зловонным, пропитанным серой дыханием чудовища.

Я прикрыла голову руками, не слыша собственных душераздирающих воплей, напоминая в этот момент героиню фильма ужасов, а потом что есть духу побежала прочь!

Из последних сил я добежала до конца коридора и свернула налево к утопавшей во мраке площадке, ведущей к эскалаторам. Ноги не слушались, став ватными и абсолютно неподъемными. Трясущиеся руки судорожно сжимали бесполезный пистолет, а все тело ныло от страшного напряжения.

Ночью эскалатор, естественно, не работал, но я, не сбавляя скорости на повороте, понеслась вниз, перепрыгивая сразу через три ступеньки. Каждый раз, когда я приземлялась на ноги, ноги и спину ножом пронзала острая боль.

Черт, преследующая меня тварь горит, как факел! Разум не желает мириться с тем, что видят глаза, но в глубине сознания снова слышится уверенный папин голос: «Да, она горит, черт возьми, что тут удивительного?!»

Огненная собака с грохотом на что-то наскочила и взвыла от досады. Все происходящее не имеет ничего общего с реальностью и кажется ночным кошмаром. А может, это действительно просто плохой сон?! Сейчас проснусь в теплой постели, спущусь в гостиную и увижу у телевизора папу, живого и невредимого!

Но во сне не чувствуют запахи, а от мерзкой твари исходит жуткое зловоние, словно внутри нее протухла сотня яиц и загорелась живая плоть, так что все надежды по поводу нереальности происходящего тают как дым. Я бежала, как загнанный заяц, едва касаясь ботинками пола. В ушах звучал чей-то голос, очень похожий на папин, но я не прислушивалась к словам. Времени на это не оставалось!

На сей раз выручили инстинкты. Я резко отскочила в сторону, а мимо в стремительном прыжке размытым оранжевым сгустком огня пролетела пылающая тварь. Я больно стукнулась об пол, не остановилась и, тут же вскочив на ноги, понеслась дальше, опрокидывая на бегу стулья в кафетерии. Милое, уютное местечко, куда люди заходят поесть хот-доги или биг-маки. При падении я содрала кожу на лице, и по щеке потекла теплая струйка крови. Взгляд упал на фонтан, которым в дневное время любят пользоваться посетители кафе...

Конечно же, фонтан! От внезапно осенившей мысли в голове что-то щелкнуло, да так громко, что я даже не услышала, как огненная собака опять зашлась воем, в котором звучали досада и ярость. Собрав последние силы, я со всех ног побежала дальше, не обращая внимания на боль в спине и кровоточащую рану на голове.

Черт! Тварь догоняет меня! Она бежит слишком быстро, и нет шансов от нее оторваться. До фонтана остается футов двадцать, и кажется, мне до него уже не добежать...

«БЕГИ!» — приказывает папин голос, будто мы снова в Луизиане, где тараканы-гиганты заполонили подвал и из моих трясущихся рук выскользнули заряженные обоймы.

И, знаете, я побежала. Откуда только силы взялись?! Еще секунду назад была уверена, что никогда не доберусь до фонтана, и вот уже стою рядом.

Шумный всплеск разбил ровную водную гладь, когда я, перепрыгнув через край фонтана, камнем нырнула под воду. Застоявшаяся вода, попав в рот, неприятно обожгла горло привкусом хлора. Я опять неудачно ударилась головой о бетонную опору, поддерживающую витиеватые стальные украшения, по которым в фонтан стекала каскадом вода, когда он работал. Острая боль пронзила шею. Пора проситься в книгу рекордов Гиннесса. Вряд ли кто-нибудь еще сумел получить столько травм за один день! Будь это

видеоигрой, я орала бы от негодования, увидев на экране некстати появившееся сообщение «GAME OVER!» И даже запустила бы в него джойстиком!

В следующее мгновение снова раздался рев огненной твари! Она упала в воду, столь ненавистную для пламени, и в стороны полетели грязноватые брызги, а вверх взметнулся столб зловонного горячего пара. Я быстро отползла на четвереньках, но жар прокатился по водной толще, обжигая руки и ноги. Ухватившись за стальные прутья, я изо всех сил потянула их на себя. Пистолет, зажатый в правой руке, только мешал, ударяясь о грандиозное сооружение. Один из прутьев поддался, и я отлетела в сторону, не удержавшись на ногах. Прут пронзил тварь, и она издала душераздирающий вопль. Еще мгновение — и мне бы не поздоровилось! Я обо что-то оперлась и устало откинулась назад. Во рту пересохло от крика, и тут до ушей донесся вой электронной сигнализации. Черт, когда же она включилась?

Огненная тварь соскользнула по прутьям вниз и с плеском упала в фонтан.

Из воды клубами поднялся пар, и фонтан закипел множеством пузырьков. Я ухватилась за каменный выступ и вскарабкалась на него, распластавшись, словно лягушка с трясущимися лапками.

— Черт... меня... побери... — произнес вполголоса дрожащий голос, очень похожий на мой собственный. Онемевшие губы с трудом выговаривали слова. Вода потоками стекала с волос на лицо, а глаза залепило чем-то теплым и липким. — Черт меня побери, господи!

Я откашлялась, сплевывая воду, которая хлынула и из носа. Алые капли упали на вспенившуюся поверхность фонтана. У меня открылось кровотечение, но сейчас было не до того. Я промокла до нитки, пальцы, судорожно сжимавшие рукоять пистолета, нестерпимо болели. Одежда стала неподъемно тяжелой, пропитавшись кровью, серой и затхлой водой. Судороги сотрясали тело, словно в припадке эпилепсии.

— Боже мой, — снова прошептала я. — Боже мой!..

Краем глаза я уловила слабое движение, в мгновение ока ладонь уверенно сжала рукоять пистолета, а палец напряженно застыл на спусковом крючке. Учащенное, срывающееся на всхлипы дыхание перекрывало царящий вокруг шум. В воздухе витал едкий дым вперемешку с белым паром. И вдруг меня с ног до головы обрызгали прохладные капли чистой воды — в торговом центре сработала автоматическая система тушения пожара. Мерзкая тварь плавала в воде, дергаясь в предсмертной агонии, и во все стороны от нее разбегались маленькие волны.

А по другую сторону фонтана, почти утонув в клубах дыма, стоял Грейвс. Он уставился на меня округлившимися от ужаса глазами, изумленно приоткрыв рот.

Боже, откуда он взялся? Только оружие не станет ждать ответа: рука машинально сжала рукоять, цель близка, и вряд ли я промахнусь с такого расстояния. Дыхание давалось с трудом, грудь словно стянули железными обручами. Легкие изголодались по кислороду, но зловонный запах в нагретом помещении вызвал сильный приступ сухого кашля. Здесь было как в сауне, и даже установленный на потолке разбрызгиватель не спасал положения.

Грейвс стал пятиться назад и поднял руки, призывая не стрелять. Рот по-прежнему полуоткрыт, глаза как два блюдца, взгляд мечется между мной и утонувшей в фонтане тварью. Вода в фонтане все еще бурлит.

Тварь умирала, сомнений не оставалось. Я задыхалась от жуткого запаха, дрожа всем телом, но пистолет из руки не выпускала.

— Дрю... — закричал Грейвс, пытаясь перекричать пожарную сигнализацию.

Руку свело судорогой в непреодолимом желании что-то сделать.
И я сделала — нажала на спусковой крючок.

Глава 10

Второе существо, намеревавшееся прыгнуть на Грейвса сзади, было длиннее и костлявее. Короткая серая шерсть не похожа на огненное сверкание первой твари.

Вдоль одной стороны головы — вытянутой и странной по форме — красовалась белая полоса. В прыжке чудовище вытянулось во весь огромный рост, грозно оскалив в устрашающем рыке белоснежные клыки, острые, словно кинжалы. Из пасти на лету капала слюна в предвкушении легкой поживы.

Я выстрелила и промахнулась. Чудовище пролетело рядом с Грейвсом и, задев мимоходом, откинуло его в сторону, как щепку. Так старшекласник сбивает с ног первоклашку. Грейвс упал на пол, а сверху с громким шлепком его накрыл плащ. И снова прозвучал выстрел.

Я прицелилась, как меня учил папа, и в следующую секунду серую шерсть обагрила кровь. Странно, чудовище почему-то вызвало у меня ассоциацию с огромной, накачанной стероидами меховой подушкой, если не обращать внимания на перекатывающиеся мускулы под шкурой и желтые глаза, горящие дьявольским огнем.

Оборотень громко взвизгнул от боли и, отброшенный выстрелом, с мерзким хрустом рухнул на бортик фонтана. Как хотелось бы завершить эту историю, рассказав, как я изящно спрыгнула с каменного выступа, чтобы полюбоваться на дело своих рук. На самом деле все выглядело гораздо прозаичнее. Я без сил рухнула на пол и на карачках поползла вокруг фонтана к Грейвсу.

Стойкий резкий запах нитроглицерина перебивал все остальные в торговом центре. Пришлось даже остановиться, потому что у меня начался сильный приступ рвоты, от которого все внутренности вывернуло наизнанку. Только после этого я смогла ползти дальше.

Оглушенный Грейвс потряс головой, пытаясь прийти в себя. Приподнявшись на локтях, он с недоуменным видом огляделся, а когда увидел меня, его глаза округлились и забегали, как у испуганного пони. Из-за расширенных от ужаса зрачков радужки стали совсем тоненькими и приобрели насыщенный изумрудно-зеленый цвет.

— Вставай! — скомандовала я и, поднявшись на дрожащие в коленях ноги, схватила Грейвса за руку и потянула из последних сил вверх.

Он поднялся с завидной легкостью и грацией, что при данных обстоятельствах вызвало удивление. Щеки парня побледнели, только на скулах алели лихорадочные пятна. Грейвс покачнулся, и серебряная сережка на мгновение коснулась моего лица.

— Бежим, черт побери!

Казалось, кричу не я, а папа произносит слова моими губами.

Я понятия не имела, насколько серьезно ранила оборотня. Думать об этом было некогда, особенно если учесть, что вокруг воеет сигнализация и клубится дым. Надо решить другой, более насущный вопрос: как нам обоим выбраться из этой передрыги живыми?

Тебе одной решать, Дрю! Ведь рядом нет отца, который поддержал бы в трудную минуту...

Ноги скользили по мокрому полу. Истекая кровью, я тяжело рухнула на колени. Это меня и спасло! Не упав я тогда, прикусив кончик языка, оборотень наверняка напал бы на меня, а не на Грейвса. Он налетел на него, словно ураган, Грейвс только по-девчоночьи

пискнул, словно птичка, попавшая в силки.

Помню, я закричала что-то непристойное и, отбросив бесполезный сейчас пистолет, сильно ударила чудовище ногой. Удар пришелся по лощеной волчьей голове, и — вот он, подарок судьбы! — склонившийся над телом Грейвса оборотень тут же забыл о нем, повернулся ко мне и глухо зарычал, безумно вращая тускло-желтыми глазами. Белая полоса на голове мрачно мерцала в темноте.

Мой голос предательски сорвался на крик, я нащупала рукой пистолет и снова нажала на спусковой крючок. Выстрел прозвучал оглушительно громко: брызнула в стороны кровь, из дула вылетела вверх тонкая струйка дыма. Оборотень разинул огромную пасть и отлетел назад.

Я ранила его в нижнюю челюсть.

Чудовище упало на бортик фонтана, и из пасти потек зловонный поток крови. К стоящему в помещении смраду прибавился запах горелой шерсти.

Грейвс шевельнулся и застонал, но стон заглушил вой сирены. Только сейчас до меня дошло, что это сработала сигнализация. Я выругалась и тут увидела рваную рану на плече Грейвса! Хуже не придумаешь! Оборотень все же умудрился его укусить!

Черт! Черт!

Теперь придется поспорить с собственными принципами. Самый лучший выход из ситуации — оставить Грейвса здесь: он инфицирован! Плохи его дела, ох как плохи! А мне надо поскорее выбраться из этого ада. В любую секунду, несмотря на снежные заносы, сюда пожалуют полиция и пожарная бригада, и как им объяснить то, что здесь произошло? Даже мой отточенный до совершенства талант придумывать правдоподобные истории о нереальных происшествиях сейчас не поможет!

Тем временем Грейвс открыл глаза и нашел меня взглядом. Беззвучно шевельнулись губы — слова растворились в вое сигнализации. Со стороны фонтана послышался плеск воды. Я стремительно развернулась к оборотню, но опасности не было. Волк полз, придерживая челюсть худыми волосатыми лапами, и скулил, с бульканьем изрыгая кровь при каждом вдохе. Я перевела взгляд на мальчишку и на мгновение забыла, кто он такой и что я здесь делаю. Воздух заполонил омерзительный запах тления, как в то утро, когда папино тело разлагалось прямо на моих глазах.

Ты сама по себе, и тебе, Дрю, самой делать выбор!

— Поднимайся! — В очередной раз я не узнала собственный голос. — Черт возьми, вставай, идиот! Надо уходить, пока не поздно!

Как ни странно, Грейвс быстро пришел в себя: закрыл рот и, придерживая плечо рукой, самостоятельно поднялся на ноги. Кровь, казавшаяся в темноте черной, текла между пальцев.

Первым делом надо уйти подальше от оборотня. Он быстро исцелится от ран, и вряд ли мы обрадуемся очередной встрече с ним. Но куда идти? Возвращаться в каморку нельзя. Оборотень выйдет на нас по следу, и мы попадем в расставленные собственными руками сети, как крысы в клетку. Давай думай! Куда отвести Грейвса?

Есть только один выход! Что ж, остается надеяться, что копы еще не добрались до нашего дома и, главное, там нет больше неожиданных гостей.

А значит, нужно заставить Грейвса идти вперед и по дороге вывести его из состояния шока!

Везет мне! Теплая кровь струйкой текла по щеке, мышцы спины свело судорогой, к тому

же я растянула руку. Я превратилась в сплошной сгусток боли: куда ни ткни пальцем — везде болит! Больше всего на свете хотелось улечься на пол и лежать без движения, выкинув из головы все мысли. И пусть весь мир вокруг сходит с ума! Главное, не шевелиться и ни о чем не думать!

Великолепно!

В ванной комнате рядом с кафетерием я отмыла с нас обоих кровь и наложила Грейвсу на плечо давящую повязку, которую соорудила из его разорванной на полосы рубашки. Повязка под длинным черным плащом, застегнутым на все пуговицы, не вызвала подозрений. Сам Грейвс выглядел почти как обычно, выдавали его только чересчур бледный цвет лица и расширенные от страха глаза.

Потом я потащила его на второй этаж торгового центра, и мы скрылись в другом туалете. Хорошо, что после нас на полу не осталось кровавых следов, но пахло от одежды по-прежнему омерзительно, несмотря на то, что я истратила целый рулон бумажных полотенец, чтобы ее отчистить.

Меня бьет мелкая дрожь — в крови перестает бурлить адреналин, выплеснувшийся во время схватки с огненной собакой и оборотнем. До сих пор не верится, что я чуть не утонула в фонтане из-за горячей твари и ранила второе чудовище в морду! Я смотрю в зеркало на длинную рваную рану на лбу, там, где начинают расти волосы, и равнодушно отмечаю про себя, что непременно останется шрам. Мысли путаются, и снова в памяти всплывает царапающее постукивание костлявых пальцев зомби о стекло, потом его сменяют грозный рык меченого оборотня и рев подыхающей огненной собаки.

Пару раз я не могла удержаться от рыданий, но тотчас зажимала рот ладошкой на случай, если полицейские уже осматривают торговый центр. Впрочем, вряд ли им это понадобится. От разбитой уличной витрины до фонтана вел отчетливый след по поврежденному огнем полу, а у фонтана осталось столько улик, что вопросов о ночном инциденте в торговом комплексе не возникнет ни у одного здравомыслящего человека.

Меня больше беспокоил оборотень. То ли он взбесился, в первый раз сменив ипостась, то ли был просто не в духе. Обычно оборотни не охотятся на людей — намного проще заpastись свежим мясом в ближайшем супермаркете. Исключением являются новообращенные звери. Но почему оборотень вдруг забрался в здание? Я слышала, что в первый раз их постоянно преследует непреодолимое чувство голода, и они мчатся, не разбирая дороги, в поисках пищи.

Не давала мне покоя и огромная огненная собака размером с пони. За кем она охотилась? За мной? За Грейвсом? Или просто заскочила прикупить пару костюмчиков?

Из-за воя сигнализации не было слышно шагов, но наконец-то ее отключили. Я затаилась, прислушиваясь к шорохам, а Грейвс обессиленно прислонился к стене. Его трясло, как в лихорадке, а зубы отбивали барабанную дробь. Будет трудно вывести парня из этого состояния. А тут еще рана на плече... вдруг Грейвс начнет превращаться в зверя прямо сейчас? Эх, не стоило его брать с собой. Укус оборотня — это не шутки; от его жертвы лучше держаться подальше! Таков закон всех охотников! Вот начнет Грейвс покрываться шерстью, завоюет от голода, и придется мне...

Боже мой, только не это! Стоп, не надо сейчас думать о таких ужасах! Я поднесла часы к уху — они шли, несмотря на купание в бассейне. Впрочем, не им одним досталось. Я с трудом держалась на ногах, все тело ломило, а голова не хотела соображать, будто ее набили ватой. Одним словом, после пережитого ужаса я превратилась в одну сплошную болячку.

Я подошла к двери — за ней коридор делал резкий поворот, чтобы ни один мужской взгляд не проник в святую святых... в женский туалет! Напрягшись всем телом, я стала

прислушиваться к темноте. Мозг начал работать, посылая во все стороны невидимые щупальца импульсов.

Тишина. Не слышно ни голосов, ни шагов.

Отлично! Как теперь нам выбраться отсюда?

Спорю на что угодно, если оборотень выжил, то уже давно покинул место битвы. Обратни невероятно живучи и умеют быстро двигаться, но, как и вампиры, стараются избежать встреч с представителями власти. Несколько вооруженных полицейских в бронежилетах могут доставить им немало неприятностей. Нежить занимается своими темными делами под покровом ночи, поэтому и оборотни, и вампиры стараются не попадаться на глаза свидетелям и не привлекать ненужного внимания.

Неудивительно, что полицейские и другие представители власти умалчивают о многих странных происшествиях, поскольку те непременно вызовут всеобщую панику среди населения. Полиция, скорая помощь, пожарная служба берегут покой граждан и тихой сапой передают сведения о подобных делах в отдел секретной информации. По этому поводу папа часто беседовал с Огастом, споря о том, имеем ли мы дело с тайным сговором нечисти с властью, или речь идет о естественном человеческом стремлении загнать необъяснимые явления в рамки обыденности.

Как видите, ни Истинный мир, ни представители власти не готовы встретиться лицом к лицу. Перед смертью раненый оборотень способен нанести множество увечий даже вооруженным до зубов полицейским. Пополнение славных рядов представителей закона потребует значительных затрат, а вольные охотники вроде моего отца вооружены до зубов, проявляют недюжинную изобретательность в сочетании с доскональным знанием повадок жертвы и предугадывают ее действия на три шага вперед. Они стоят сотни полицейских.

А кто я? Обыкновенная девочка-подросток! Папа был мозговым центром при разработке всех операций, а я просто болталась рядом и предупреждала о приближении потусторонних сил, снимала чары и все такое. Да, я стала незаменимым помощником, лучшим детектором сверхъестественных явлений, но командовал и применял оружие только отец! Сама по себе я оказалась бесполезной, а еще придется взять на себя заботу о Грейвсе!

«Обстоятельства нам не подвластны», — часто говорил папа.

Сворачивать поздно, надо идти вперед. Если я брошу все на полпути, пикнуть не успею, как сгину в темной бездне.

— Что происходит? — шепотом спросил Грейвс. В его голосе слышался страх трехлетнего ребенка, который боится зловещей темноты. — Ради Христа, объясни, что это было?

— Христос тут точно ни при чем, — шепнула я в ответ, проверяя пистолет в пятнадцатый раз.

Эх, будь у меня с собой запасная обойма, я бы давно ее вставила. По теории, при неожиданных и неприятных встречах целая обойма в пистолете лучше, чем полупустая.

Ты бы гордился мной, папа. Я уже думаю совсем как ты. По крайней мере, очень стараюсь.

Впрочем, оставалось только надеяться, что я действительно сумею действовать как он, и мы выберемся из передраги живыми.

Грейвс с ошарашенным видом уставился на меня:

— Ты убила его!.. — Голос парня дрожал как осенний лист на ветру. — Мне показалось, ты стреляешь в меня.

А надо было. Вот у отца бы рука не дрогнула.

Я закрыла глаза, прислонившись затылком к прохладной плитке на стене. Хорошо, что с волос перестала капать вода.

— Нет, я целилась не в тебя, — успокоила я приятеля.

— Кто на меня напал? — Рука осторожно ощупала туго перевязанное плечо. — У него такие огромные и острые зубы! И оно воняло.

— Это был оборотень.

Черт побери, нельзя ему ничего рассказывать. Нужно всего лишь набраться храбрости и пустить пулю в лоб. Прости, дорогой, но другого выхода нет! Папа уложил бы Грейвса, не дожидаясь, пока он сменит ипостась. Однажды укушенный оборотнем через двенадцать часов или чуть раньше обратится в зверя, и это непреложный факт!

К тому же, оставив в живых оборотня, охотник будет вечно мучиться угрызениями совести. Иными словами, за ним останется не слишком приятный должок. Папа всегда произносил слово «должок» как страшное ругательство. Возможно, так оно для него и было.

— Ты уверена, что это оборотень? — На слове «оборотень» голос Грейвса сорвался на всхлип.

Я сердито шикнула на него. Вдруг услышат копы, и тогда... Интересно, они еще у фонтана? Я взглянула на часы, было 8.38 вечера. Прошло уже пятьдесят три минуты с тех пор, как мы пришли в женский туалет на втором этаже. Интересно, успели полицейские осмотреть странное место происшествия и убраться из комплекса?

Снаружи будет намного холоднее, а сил после кровотечения не прибавилось. Я медленно прокралась мимо кабинок к раковинам, остановилась и, глубоко вздохнув, взглянула на свое отражение в зеркале.

Длинная рана была на самом виду, но лицо можно прикрыть волосами, и тогда со стороны буду выглядеть всего-навсего промокшей и нечесаной. В такую погоду, как сегодня, мой вид вряд ли кого удивит. Как только выберемся наружу, поймаю такси — только какой нормальный таксист окажется сейчас на улице?! — и доедем до дома, остановившись затри квартала до него. Надеюсь, дома не подстерегают очередные сюрпризы!

Ага, а еще можно попробовать долететь до Луны! Разве закрыли бы торговый центр так рано, если бы возле него крутились стайки такси? Особенно в такую погоду. С другой стороны, здешнее население шуток со снегом не любит, и, возможно, дороги уже полностью расчистили.

За спиной послышался шорох. Возле кабинок, едва держась на ногах, стоял Грейвс.

— Не оставляй меня здесь! — взмолился он в отчаянии.

Хорошо, что не закричал. Впрочем, парню наверняка казалось, что он вопит изо всех сил, очень уж напряженно звучал его голос.

У меня от переживаний перехватило горло. Раньше папа частенько говорил о том, что мне делать, если с ним случится беда. Обычно я пропускала его слова мимо ушей — кому же хочется думать о плохом? У меня такого желания не возникало! Однако кое-что помню...

«Не взваливай на себя лишний груз, иначе надорвешься. Помни об этом, если меня не станет. Позаботься о себе, Дрю! Будь сильной девочкой и следуй правилам!»

Но Грейвс не вампир и пока не стал настоящим оборотнем. Он всего-навсего обыкновенный подросток, который помог мне в трудную минуту, приносил еду и укрыл в своем тайном убежище. Вряд ли до меня он принимал других гостей!

Грейвс доверял мне, и я не могу бросить его на произвол судьбы. Верно?

— Не оставлю, не бойся, — слова прозвучали отрывисто, будто я с разбегу взобралась на гору и никак не отдышусь. — Только тебе придется слушаться меня во всем.

Удивительно, но он улыбнулся в ответ.

— Любишь командовать? — Его зрачки по-прежнему напоминали огромные черные диски, но на лицо, начиная со скул, постепенно возвращался румянец. — Мне нравятся такие девчонки!

Господи, больно ты мне нужен!

Похоже, парню реально полегчало, если опять завел свою шарманку.

— Во-первых, заткнись. Во-вторых, будешь делать все в точности, как я скажу. Понятно?

Или нас арестуют, а в худшем случае — убьют!

— Конечно, понятно. Ты всегда такая на свиданиях?

Бравадой пытается прикрыть вырывающуюся наружу панику? Или это последствия шока? А вдруг он действительно смелый парень?

— Я не хожу на свидания! — На свидания нет времени, если мотаешься по свету, словно перекасти-поле! — Это серебро? — спросила я, показывая на сережку, но забыла, что держу в руках пистолет.

Грейвс судорожно дернулся, но тут же справился с испугом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Паренек, у которого покупал, утверждал, что она из серебра.

— А эта штучка тоже серебряная? — Я протянула левую руку к его цепочке.

Черт, сумка осталась в убежище Грейвса. Нужно ее заполнить обратно.

Дело, конечно, рискованное. Однако оставаться здесь — тоже большой риск. Если я вернусь в каморку, нас могут схватить копы. Еще хуже, если мы повстречаемся с разъяренным оборотнем, исцелившимся и готовым ко второму раунду. Как жаль, что оборотни так быстро залечивают раны.

Надо срочно убираться отсюда!

Но мне позарез нужна сумка! Как глоток воды в пустыне или яркий луч солнечного света после целого месяца дождей. Как ласковые мамины слова ребенку, который ободрал коленки. Сильнее только непреодолимое желание пописать.

— Цепочка точно серебряная.

Наконец-то у Грейвса взгляд стал осмысленным. Задать ему парочку вопросов для прояснения ума — правильное решение.

— Отлично. Сейчас я пойду за сумкой, а ты жди меня здесь.

Его глаза снова испуганно округлились, зрачки, наоборот, сузились, показав изумрудную радужку.

— Не бросай меня одного! — воскликнул он, резко отскочив от стенки.

Голос зазвенел в покрытом плиткой помещении.

— Послушай, — сердито зашептала я, — ты не знаешь, как идти, сливаясь с тенью, чтобы тебя не заметили! Я пойду вниз, возьму сумку, вернусь за тобой и отведу в безопасное место...

— Значит, здесь небезопасно?! — не удержался от сарказма Грейвс. По крайней мере, хоть не вопит во всю глотку. — Что это была за тварь?

— Обыкновенный оборотень, сказала же тебе!

Беспокоясь, что нас услышат, я оглянулась на дверь.

Одна надежда, что в этой части торгового комплекса никого нет поблизости.

Убрались ли копы? Обычно полицейские копаются на месте преступления не меньше часа, но они не задержатся дольше, если преступление выглядит как малопонятный акт вандализма. Наверняка сегодня у них других дел хватает: дрянная погода всегда преподносит неожиданные и порой довольно пакостные сюрпризы.

Я закусила распухшую нижнюю губу, пытаюсь мыслить разумно. Мне нужно достать сумку. Потом нам обоим необходимо незаметно выскользнуть из павильонов и добраться до единственного безопасного места, которое мне известно. Интересно, как бы поступил папа, окажись он здесь?

Что ж, с точки зрения последовательности план почти выполнимый. Говорю «почти», потому что не имею ни малейшего понятия о дальнейших действиях.

— Оставайся здесь, — скомандовала я, в уме вспоминая дорогу до тайника и уголки, где можно укрыться от любопытных глаз.

Неожиданно Грейвс схватил меня за руку:

— Дрю, не бросай меня. Пожалуйста!

Я хотела заставить его заткнуться и выполнять то, что сказано, но потом внимательнее присмотрелась к парню. Лицо блее мела, на скулах играет лихорадочный румянец, в чем только душа держится?! Качается на ходу, едва не падает с ног, а пальцы с необычайной силой сдавливают мне локоть. Вторая рука безвольно повисла, безжизненная и бесполезная.

Оставлять Грейвса одного сейчас опасно, если не хочу по возвращении найти невменяемое существо или новоявленного оборотня. Я пыталась рассуждать трезво, да, кажется, ум за разум зашел. Лучше всего оставить его здесь. Папа, не мудрствуя лукаво, давным-давно застрелил бы укушенного оборотнем парня и посоветовал мне двигаться вперед. В данной ситуации любое промедление подобно смерти.

Но, кроме Грейвса, я в этом захолустном городишке никого не знаю. И потом, он пострадал из-за меня: должно быть, рана на плече горит, как в огне!

— Дрю! — тихо попросил он, не смея повысить голос.

Его пальцы по-прежнему сильно сжимали мою руку.

Так и до синяка недалеко, если, конечно, его еще нет на этом месте. После битвы с нежитью, казалось, на теле не осталось живого места. Нам с Грейвсом здорово досталось!

Я вдруг вспомнила, как рука Грейвса неуклюже гладила мою сотрясающуюся от рыданий спину. Он не задавал лишних вопросов и не пытался воспользоваться моим отчаянным положением.

Разве я могу бросить его?!

— Согласна! — сказала я вслух больше для себя. — Иди следом и делай все, как я. Постараемся прокрасться в темноте. Как лучше дойти до твоей каморки?

На белом лице Грейвса отразилось такое радостное облегчение, что у меня даже сердце екнуло от жалости. Не будь он таким бледным и измученным, решила бы, что для него раньше времени наступило Рождество.

— Есть четыре или пять подходов — выбирай любой! — Грейвса качнуло в сторону, но он устоял на ногах и постарался выпрямиться. — Я все выдержу, только не бросай меня!

Что ж, такой богатый выбор безумно радует. Целых четыре или пять вариантов! Только бы Грейвс не потерял сознание. Кто мне тогда покажет дорогу?!

— Отлично! — Я вновь попыталась обратиться к здравому смыслу, но в очередной раз потерпела поражение и вернулась к первоначальному плану. — Мне надо забрать сумку.

Потом будем выбираться отсюда на автобусе, желательно, следующим на восток. Ходят ли какие-нибудь автобусы так поздно?

— Пятьдесят третий маршрут, — ответил он, кивая головой. Волосы упали на его лицо, на котором — не поверите! — нос побелел от пережитого ужаса. — Автобус ходит всю ночь напролет, даже если идет снег. Я покажу тебе остановку.

Покажет остановку!

Я сделала осторожный шагок в сторону выхода и оглянулась. Грейвс качнулся вслед за мной. Так, у меня есть около двадцати минут, прежде чем придется тащить его на себе.

Давай, Дрю, шевелись!

— Отлично, — повторила я устало. — Пошли, Грейвс, нас с тобой ждут великие подвиги!

Нам повезло — автобусы ходили по маршруту. С надетыми на колеса цепями, чтобы не скользить по заснеженным дорогам, медленно, как черепашки, они ползали согласно ночному расписанию. Нам даже не пришлось долго ждать пятьдесят третий маршрут: автобус подъехал, как только мы вышли из торгового центра и доплелись по центральной улице до остановки.

Мы ничем не отличались от остальных пассажиров, дрожащих от холода и торопящихся поскорее добраться до дома. К тому же водители автобусов не присматриваются к пассажирам, если те не ведут себя чересчур вызывающе. С таксистами подобный номер не пройдет — эти ребята чрезвычайно любопытны и наблюдательны! А в нашей ситуации излишнее внимание ни к чему.

Ноги совсем замерзли в хлипких ботинках, но береженого Бог бережет, поэтому я задержалась на углу улицы, вглядываясь в очертания дома, вырисовывающегося в темноте. Грейвс в изнеможении навалился на меня. В автобусе он держался из последних сил, но теперь у него беспомощно повисла голова, беспорядочные пряди слипшихся кудрей скрыли молочно-бледное лицо, зрачки глаз снова стали размером с тарелку, а губы посинели.

Перед домом на лужайке лежал девственно чистый нетронутый снег. Грузовика как не было, так и нет. В гостиной горел свет — одинокий яркий огонек в тусклом мерцании ночного города. С темного неба падали, кружась в танце, белые, огромные как хлопья снежинки.

Мы оба вывалились в снегу с ног до головы. За два квартала до дома Грейвс начал заваливаться в сугроб головой вперед, но я успела его подхватить. Пришлось тащить беднягу на себе, да еще по проезжей части, поскольку снегоочистители возвели на тротуарах горы снежных глыб вперемешку с грязью. Под ногами хрустел песок, рассыпанный на заледеневшей дороге. Наши следы занесет за полчаса, а то и раньше.

Способны ли оборотни унюхать след во время снегопада? Особенно если след кровавый? Не сомневаюсь, проклятые твари могут многое! От этих мыслей по телу прошел озноб. Думать не хочется, кого искали огненная собака и оборотень. Ведь ответ напрашивается сам собой.

Озарение снизошло на меня в автобусе, когда с одной стороны я ощущала прохладную тяжесть пистолета в кармане, а с другой на меня навалился обессиленный Грейвс, который при каждом повороте автобуса непроизвольно дергал головой.

Кажется, в доме нет непрошенных гостей и выстрелы не привлекли внимания любопытных соседей. Наверняка снег заглушил звуки, вот к дому никто и не подходил. Даже стало любопытно, когда бы нашли мой хладный труп, добейся зомби своей цели?

К переднему крыльцу незаметно нам не прокрасться, а обходить дом и пробиваться через сугробы к задней двери не было никакого желания. Во-первых, мне неприятно видеть лишний раз разбитую в щепки дверь, через которую ломился зомби. Во-вторых, с каждой секундой Грейвс наваливался на меня все больше. Вести его под руку еще можно, но если он потеряет сознание, тащить долгоязого парня до дома будет тяжело. То еще удовольствие!

— Ну, пошли, — пробурчала я не очень-то ласковым тоном.

Сначала нам пришлось перевалить через огромный сугроб на нечищенной подъездной

дорожке к дому, а потом по колено в снегу пробираться к крыльцу. Каждый шаг давался с трудом. Из носа текли сопли, щеки горели, пальцы превратились в толстые замороженные сосиски.

А тут еще Грейвс издал подозрительный утробный звук, будто вот-вот намеревался потерять сознание.

Бедняга! Наверное, у него нестерпимо болит плечо. Укусы оборотней обычно очень болезненны. Они вцепляются в жертву мертвой хваткой, и Грейвсу еще повезло, что рука полностью не потеряла подвижность. Правда, ее все равно пришлось запрятать в карман плаща, чтобы ладонь не болталась, как неживая, а сам парень не слишком напоминал чудовище Франкенштейна. Рана под повязкой не переставала кровоточить — я проверила ее, как только мы сошли с автобуса. Хорошо, что Грейвс до сих пор не обратился в зверя, но очень плохо, что он пребывает в почти бессознательном состоянии.

Я порылась в кармане в поисках ключей и в отчаянии прошипела:

— Держись, солдат, не смей терять сознание!

Лямка сумки больно впиалась в одно плечо, а на второе давила здоровая рука Грейвса. Я чувствовала себя Атлантом, держащим небо, и устала так, что хуже не бывает. Болело абсолютно все: спина, бока, ноги, руки. При каждом вдохе меня пронзала острая боль.

Наконец-то удалось отыскать замочную скважину. После двух попыток, которые сопровождались потоком грязных ругательств, мне удалось открыть замок. Я широко распахнула дверь и уловила смрад, оставшийся от разлагающегося зомби. Впрочем, уже не настолько сильный, особенно учитывая, какой дрянью несло от нас самих. Дом наверняка проветрился через дыру в задней двери.

Грейвс на пороге споткнулся. Я прислонила его к стене, закрыла дверь на замок и, взяв наизготовку пистолет, обошла все комнаты, как учил папа. Мы с ним тренировались в каждом новом доме, обследуя удобные позиции для укрытия и ведения ответного огня по потенциальному противнику. Иногда я одна занималась обходом, а папа засекал время на секундомере. Когда мы вселились в этот дом, я обошла его на скорость три или четыре раза — достаточно, если занимаешься подобным делом годами.

В гостиной царил беспорядок. Единственным напоминанием о зомби служили лохмотья грязной одежды да россыпи черного пепла, которые горкой лежали на ковре. На стене остались следы от пуль, один из которых я даже не заметила в тот жуткий день.

Немного шпаклевки, сверху замазать краской, и никто ничего не заметит.

Вздвогнув от нахлынувших воспоминаний, я горестно вздохнула и снова чуть не расплакалась. Опять потекли сопли. Я вытерла их мокрым рукавом куртки и продолжила осмотр дома.

В полумраке кухня казалась незнакомой, к тому же она сильно выстудилась. Задняя дверь висела на петлях, а посередине зияла огромная пробитая дыра. Кажется, в гараже есть фанера — надо забить дыру и завесить одеялом, чтобы не так сильно дуло. На закрытой веранде было темно и холодно, а пахло, как в земляном погребке. Удивительно, но стеклянная дверь осталась целой. Правда, в открытую щель набилось немало снега. Пришлось навалиться всем телом на дверь, прежде чем она закрылась. Подпереть бы чем, да под руками нет ничего подходящего. Одна надежда, что к утру ее занесет снаружи снегом и она не откроется, если повезет. И потом я еще второй этаж не осмотрела. Вдруг придется удирать из дому, а дверь закрыта или подперта?!

Наверху все осталось без изменений с момента моего бегства. Комнаты застыли в

гробовой тишине.

Было тихо, как на кладбище!

Внизу в полусознательном состоянии лежал Грейвс. — Недурно живете, — промямлил он, еле слышно выговаривая слова.

Мне не нравилось, что он совсем ослаб, а губы посинели еще сильнее. На посеревшей коже выступили крупные капли пота, а глаза из-за расширенных до предела зрачков — даже радужки не видно — казались бездонными колодцами.

Я заперла парадную дверь и где уговорами, а где силой потащила Грейвса наверх по лестнице. На последней ступеньке с меня градом катил пот, а впереди нас ожидал мучительный процесс раздевания. Я стягивала с парня мокрую одежду вплоть до трусов, не обращая внимания на его нервное хихиканье. Потом он забрался под одеяло, закрыл глаза и, неровно дыша, как уставший ребенок, вскоре вырубился.

Я сбросила с плеча сумку, сняла куртку и разделась до нижнего белья. Главное, скорее согреться! Что до Грейвса, вряд ли он умрет от переохлаждения: укус оборотня вызывает повышение температуры тела.

Ага, представь, проснется он оборотнем и разорвет тебе глотку?!

Мысли разбегались в разные стороны, никак не желая собираться воедино. Я продрогла так, что зуб на зуб не попадал! Плохой знак! А еще меня валила с ног страшная усталость.

Забравшись в постель, я подоткнула под себя одеяла и, дрожа всем телом, прижалась к Грейвсу. Он был холодный как лед — впрочем, я не лучше — и снова начал стонать от боли. Сообразив, что лежу головой на его плече, я осторожно подвинулась в сторону, чтобы не тревожить рану. Повязка из разорванной рубашки пропиталась чем-то мокрым и липким.

— Что т-ты д-делаешь?

Язык еле ворочался у него во рту. Надеюсь, Грейвс не превратится сейчас в волка. Его кожа, по крайней мере, пока оставалась ровной и гладкой.

Оборотни, которых мне раньше доводилось видеть только в зеркале заднего вида, похожи на зловещие тени. В барах, куда заходят обитатели Истинного мира, они выглядят совсем как обычные люди. Да уж, чудны, Господи, творения твои!

Если Грейвс станет оборотнем...

Додумать я не успела. В одно мгновение все тело налилось свинцом, а веки закрылись сами собой. Если мы оба умрем от переохлаждения, то, по крайней мере, по понятной науке причине.

Грейвс беспокойно зашевелился, потом затих. Появление волос на теле и хруст деформирующихся костей обязательно выдаст начало превращения в оборотня. Папа рассказывал и про жуткий хруст, и про безумное рычание, и про покрывающееся шерстью тело.

Боже, только бы не дошло до этого! Из груди вырвался долгий судорожный вздох:

— Я тебя согреваю.

— Господи! — Глаза Грейвса закрылись, несмотря на все старания не заснуть. — Ты ведь сама как ледышка!

— Ты не лучше.

Пистолет лежал на тумбочке. Когда кости начнут деформироваться, Грейвс наверняка закричит от боли, а у меня будет достаточно времени, чтобы решить проблему с новообращенным зверем.

Дрю, сейчас же соберись с мыслями!

Легко сказать, труднее сделать. Я так устала...

Снаружи завывал зимний ветер, но в доме стояла тишина. Заледеневшие от холода руки и ноги горели огнем, постепенно согреваясь. Боль острыми иглами пронизывала все тело до костей. Надеюсь, мы не отморозили пальцы. Все же мороз был не такой сильный.

Что делать?! Мысли путаются, а голова кажется набитой ватой. Надо скорее согреть Грейвса и пойти заделать дыру в задней двери. Вдруг стеклянная дверь не выдержит напора ветра и веранду занесет снегом? Потребуется много времени, прежде чем удастся расчистить ее...

Наконец-то мы начали понемногу согреваться. Щеки у Грейвса заалели, а лоб покрылся испариной. Он перестал стонать, правда, судорожно вздрагивал каждый раз, пытаясь не впасть в забытие, но дыхание становилось ровнее.

— Дрю? — позвал он меня шепотом.

— Что? — с усилием отозвалась я.

Как я устала! А надо встать, заняться задней дверью, потом подумать еще кое о чем, что я совсем упустила из виду.

Не могу вспомнить!

— Ты голая?

Глаза Грейвса в изнеможении закрылись, и он то ли довольно ухмыльнулся, то ли всхрапнул, засыпая.

Господи, опять сел на любимого конька! Но прежде чем я успела собраться с силами и обругать его, меня сморил тяжелый тревожный сон.

Я проснулась от страшной головной боли, тело затекло во время сна и ныло при каждом движении, в спину словно вбили кол, а левую руку я совсем не чувствовала, наверное, потому, что на ней покоилась чертовски тяжелая голова Грейвса. Я резко подскочила в постели и вздрогнула от прохладного воздуха, коснувшегося обнаженной кожи. От близости горячего тела Грейвса я вся вспотела, и теперь пот быстро остывал на спине и плечах. Во рту стоял мерзкий привкус, будто туда напихали толченого угля и залили вчерашним кофе.

Грейвс лежал на спине и крепко спал. Он не проснулся, даже когда я, корчась от боли, вылезала из постели. Его волосы беспорядочно рассыпались по лицу, над которым гордо возвышался величественный нос. Слегка раскосые глаза придавали внешности парня налет чарующей экзотики, густые черные ресницы резко контрастировали с белизной высоких скул. А вот с раной на плече дело обстояло плохо. Повязка пропиталась кровью и чем-то желтым. От шеи по плечу и ниже на груди вены приобрели сине-черный цвет, переплетаясь в витиеватом узоры.

Ничего хорошего, верно?

Я оглянулась в поисках одежды. От тела по-прежнему омерзительно пахло вчерашней огненной собакой, но надо накинуть на себя хоть что-нибудь, а то можно снова замерзнуть. А еще до смерти хотелось есть.

Первым делом займемся самым важным!

Я натянула джинсы с толстовкой и, прихватив с тумбочки пистолет, направилась в комнату отца. Вернулась я с нейлоновой веревкой, вполне пригодной для скалолазания, закрепления различных грузов и, по счастливому совпадению, для связывания подростка, который может с минуты на минуту превратиться в оборотня.

Оборотни, особенно в первый раз меняющие ипостась, очень чувствительны к серебру. Как видите, народные суеверия не совсем беспочвенны. Впрочем, цепочка на груди Грейвса не полыхала огнем, обжигая кожу, что несказанно меня радовало. Не искрила и сережка в виде черепа и скрещенных костей, прижатая к щеке склоненной набок головой. Пульс на сонной артерии бился ровно и сильно. Несмотря на худобу, Грейвс обладает хорошей мышечной массой. Если он начнет сейчас обращаться в оборотня, то обретет такую силу, что легко отшвырнет меня через всю комнату.

Оборотня будет мучить внезапно вспыхнувший голод, и он устремится на поиски свежего мяса на завтрак!

К чему бы его привязать? К матрасу? Господи, ну почему у меня не кровать с балдахином, где есть четыре столбика: вяжи — не хочу!

К счастью, папа научил меня завязывать узлы. Морской узел с секретом доставит хлопот любому: чем больше тратишь сил, чтобы освободиться от пут, тем туже они затягиваются. А раз у связанного не будет опоры, то и догнать он меня не сумеет. Сначала я связала Грейвсу кисти рук и локти, потом колени и щиколотки. После чего четыре раза примотала его вместе с матрасом к кровати, закрепив веревки секретными узлами — вот и весь фокус!

Если парнишке захочется в туалет, боюсь, ему не повезет. Купить новый матрас я всегда смогу, а новую глотку — вряд ли!

Полюбовавшись на дело своих рук, я направилась в душ. Правда, пришлось поторопиться — время поджимало. Но вы не представляете, как поднимает настроение

девушке чистая одежда и умытое лицо! Даже если оно бледное как смерть, а на щеках пылают лихорадочный румянец, и расширенные зрачки придают ему безумный вид. Хорошо хоть прыщ на виске исчез и пока не вылез снова.

Теперь дополните картину всклокоченными волосами, мысленно украсьте их седыми зигзагообразными прядями — и увидите перед собой красавицу, достойную любви самого чудовища Франкенштейна!

Мысль о белоснежных прядях напомнила мне о меченом оборотне и, отбросив в сторону глупые мысли, я вернулась к реальным проблемам. Поскольку ботинки были по-прежнему мокрыми, я нашла пару кроссовок, надела их и приступила к неотложным делам.

Мои надежды не оправдались, и стеклянная дверь на веранду открылась. В образовавшуюся щель надуло немало снега, и стало чертовски холодно. Я с трудом оторвала взгляд от коробки с хлопьями, что стояла на кухонной стойке, и направилась в гараж на поиски фанеры. При мысли о хлопьях в животе громко заурчало.

Мне сказочно повезло, и через десять минут я уже вымела снег с веранды и подперла найденной в гараже фанерой стеклянную дверь. Кроме того, успела прибить фанеру поверх дыры в задней двери и вымести осколки со щепками. Снаружи продолжал завывать ледяной ветер. Пальцы снова окоченели, а дыхание вырывалось из груди белыми облачками пара. И зачем понадобилось просыпаться и выскакивать из теплой постели?!

Чтобы задняя дверь не пропускала холода с улицы, я завесила ее одеялами и обклеила края скотчем, лучшим помощником в хозяйстве каждой девчонки. Потом, наконец, включила обогреватель и, дрожа от холода, съела первую тарелку хлопьев с обжигающе холодным молоком. В доме пахло чистым морозным воздухом и едва уловимым, сладким запахом тления. Впрочем, я была такая голодная, что не обратила на него внимания.

Подкрепившись хлопьями, я поменяла обойму в пистолете и провела Грейвса. Он продолжал мирно посапывать, открыв рот, как обычно спят младенцы.

В доме скоро стало теплее. Долгое время я сидела на ступенях лестницы, обхватив руками плечи, и с задумчивым видом рассматривала коробки в коридоре, следы от пуль на стене...

Что собираешься делать дальше, Дрю?

В ответ лишь пустота. Мне бы встать и поесть чего-нибудь посущественнее, но я, не отрываясь, смотрела на следы от пуль. Хорошо, что успела перекусить хотя бы хлопьями с холодным молоком!

Правая рука устало сжимает пистолет. Если Грейвс начнет превращаться...

«Солнышко, если не углубляться в детали, то ты уже убила одного человека, — сказал папин голос, спокойный и уверенный. Он всегда говорил таким тоном, когда я выставляла себя круглой дурочкой. — Убить второго не так уж трудно, поверь. Просто дождись момента, когда он начнет менять ипостась, и застрели его. Нужно было покончить с ним еще в торговом комплексе».

Однако, признаюсь честно, я испытывала радость при мысли, что в доме помимо меня есть еще одна живая душа, которая не собирается уйти без предупреждения. Звучит жалко, но я провела в одиночестве столько ночей, дожидаясь возвращения отца, что теперь слушать в тишине дома дыхание спящего парня было просто наслаждением для усталого сердца. Ну и что, если Грейвс превратится в огромную волосатую зверюгу и попытается убить меня? В первый раз оборотни не контролируют себя до тех пор, пока не утолят жажду крови...

Так говорится в книгах, и у меня нет причин им не верить. Как и отцу, который

утверждал то же самое.

«Ситуация выходит из-под контроля, Дрю, — кажется, так говорил он с бесстрастным лицом, сжимая в каждой руке по пистолету. — Что ты собираешься делать дальше, Дрю?»

Нужно разработать план действий. Беда в том, что у меня нет ни одной дельной мысли в голове.

— В первую очередь уберу гостиную, — произнесла я, нарушая тишину дома. — Дождусь, пока Грейвс проснется, а потом будем действовать в зависимости от обстоятельств!

Пришлось остановиться на первом пришедшем в голову плане. Папа мертв. Он уже никогда не вернется. Я осталась одна в целом мире в компании укушенного оборотнем мальчишки, который выручил меня в беде. Остается еще куча проблем, вот только никак не могу вспомнить, каких именно. Сидя на ступенях лестницы, я казалась себе такой маленькой и одинокой, что хотелось выть от горя!

Не вешай нос, малышка!

Я вздрогнула и крепко обняла колени. Снежная буря почти затихла, но ветер еще стонал, наталкиваясь на стены дома. Было восемь утра, а вокруг стояла темень, в которой бесцельно кружились крупные снежинки, мерцая в огнях города. Придется заменить заднюю дверь, если не собираешься сейчас же уезжать из города.

Пока уезжать из города нельзя. Надо объяснить Грейвсу, что происходит. К тому же здесь убили папу.

Я старательно гнала прочь мысль об убийстве собственного отца. Но ведь он в тот момент уже им не был. Сделать зомби из живого человека невозможно.

Просто не получится.

Кто-то превратил отца в зомби. Нельзя проснуться одним прекрасным утром и обнаружить, что вы превратились в ожившего мертвеца. Кто-то убил папу и сотворил из него зомби. Зомби был ужасно потрепан — слишком много ран. Помнится, зомби разлагаются гораздо быстрее, если перед смертью получили телесные увечья.

Казалось, будто я нахожусь в игрушечном шарике с уютным домиком внутри. Знаете, встряхнешь такой шар — и белые снежинки закружатся вокруг неподвижного, мирного домика. Я старалась не думать о будущем, не забивать голову бесполезными мыслями, и постепенно это стало удаваться.

Не знаю, сколько времени я просидела бы на ступенях, не раздайся из спальни громкий, полный недоумения вопль.

Грейвс проснулся, Я встала и заставила себя подняться вверх по лестнице. Пистолет неприятно оттягивал и охлаждал руку.

До слез не хотелось делать то, чего требовали принятые среди охотников правила.

Жизнь — жестокая штука, детка! Придется его убить!

Связанный Грейвс перестал метаться, как только увидел меня. Одеяла сползли на пол, открыв щиколотки. В спальне было жарко, и черные волосы прилипли к его потному лицу.

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза. Потом Грейвс поднял в приветствии обветренные пальцы — единственное, что можно свободно сделать в его положении. Голос парня прозвучал глухо, но произнес совершенно не то, что я ожидала услышать от привязанного к кровати подростка, которого недавно укусил оборотень.

— Извращенка!

Он приподнял одну бровь; глаза горели зеленым пламенем, в центре которого чернели

зрачки. Вроде лишней шерсти и клыков на нем не появилось.

А ведь с тех пор, как его укусил оборотень, прошло около двенадцати часов.

— Вот уж не думал, что ты увлекаешься садо-мазо, — продолжил он. — И как прикажешь мне теперь ходить в туалет?!

Сообразительный мальчик, верно?

Держа в руке заряженный пистолет, я щелкнула предохранителем, мысленно молясь, чтобы неприятная процедура прошла без сучка без задоринки, а потом стала ходить по комнате, оттягивая тягостный момент. Узлы на веревках выглядели вполне надежно.

— Я задам тебе несколько вопросов. — Как ни странно, голос звучал совершенно бесстрастно. — Если дашь правильные ответы, я разрежу узлы и мы уйдем отсюда вместе.

Грейвс облизал сухие губы, переводя непонимающий взгляд с моего лица на пистолет. Я не рассчитывала на такую покорность.

Наверняка он понял, что я не шучу.

Тем лучше для него! Потому что в себе такой уверенности я не чувствовала. Рука не поднимется застрелить связанного по рукам и ногам Грейвса, который не сводит с меня удивленного и такого доверчивого взгляда! И любого другого человека тоже. Я бы без колебаний нажала на спусковой крючок, окажись передо мной настоящий оборотень. Как в компьютерной игре: нажимаешь клавишу, и с монстром покончено. Так учил отец.

Но Грейвс не просто парень из толпы... И вообще, я не могу убить живого человека, который к тому же выручил меня в трудную минуту и почти успел стать другом.

Я остановилась у изголовья кровати. На полу еще валялись промокшие вещи, разбросанные со вчерашнего дня. Направив пистолет на Грейвса, я сухо произнесла:

— Вопрос первый: где ты купил цепочку с крестом? Грейвс нервно сглотнул и побледнел как смерть. Пульс на сонной артерии забился сильнее.

— В торговом центре, кажется, в павильоне «Эксклюзивные штучки»... Дрю, ты ведь не собираешься застрелить меня, да?!

Мне бы сейчас хоть половину твоей уверенности!

Я собралась с силами, стараясь придать голосу больше твердости:

— Знаешь, что означает перевернутое распятие?

— Черт, я просто купил его! Ко мне не цепляются, думая, что я чокнутый и действительно верю во всю оккультную муть! — Грейвс снова сглотнул, и кадык судорожно подпрыгнул на шее. — Ради бога, Дрю, ты ведь не застрелишь меня?

Одно из двух: либо я выстрелю, либо ты разорвешь мне глотку.

Обычно после укуса проходит меньше двенадцати часов, в течение которых человек превращается в оборотня. И если превращения не произошло, то этому есть всего пара объяснений.

Перехватив пистолет обеими руками, я наклонилась вперед и приставила дуло к его виску, убрав на всякий случай пальцы со спускового крючка на предохранительную скобу. Мало ли что. Вдруг пальцы дрогнут, и грянет выстрел...

— Грейвс, ты веришь в привидения?

Он снова сглотнул, наверное, горло от страха пересохло.

— Блин! Я не знаю! Не убивай меня, Дрю! Пожалуйста! — Голос сорвался на крик.

Если бы Грейвс знал об Истинном мире, он дал бы совершенно другой ответ. Или он лжет?

Ошибаться не хотелось. С другой стороны, он ведет себя так, будто ничего не знает о

существовании двух соседних миров. Что ж, парню повезло, что за это время он не оброс шерстью и не отрастил клыки.

Теперь заволновалась я. В горле пересохло и першило так, будто туда сунули сухой лед, с помощью которого обычно создают дымовую завесу на вечеринках. Охлажденная двуокись углерода. Ожоги от нее ни с чем не сравнить, а еще она используется в болотах, чтобы вывести из себя болотную нечисть.

— Отвечай на следующий вопрос предельно честно, парень. Ты девственник?

В ответ последовала долгая пауза. Я даже собиралась спросить во второй раз...

— Зачем тебе это?

В его голосе звучало неподдельное недоумение.

— Да или нет? Ты девственник? Отвечай! — Теряя самообладание, я сорвалась на крик.

Грейвс испуганно вздрогнул, а я едва сдержалась, чтобы не ударить его. Вложить все накопившееся напряжение в один удар — вот что мне сейчас совершенно необходимо. Нужно его поколотить, закричать, сделать что угодно, лишь бы не стоять столбом, угрожая пистолетом!

— Сукин сын, отвечай сейчас же!

Крик эхом прокатился по спальне и отскочил от стен. В голову ударила кровь, в висках застучало. Вкус железа во рту усиливался с каждой секундой.

— Да! — закричал Грейвс в ответ. — Да, черт бы тебя побрал, я действительно девственник! Только не убивай меня, Христа ради! Пожалуйста!

Я медленно убрала с предохранителя сведенные судорогой пальцы.

Грудь Грейвса высоко вздымалась и опускалась, по лицу градом катились слезы, глаза крепко зажмурены. Связанное веревками тело напряженно замерло без движения.

По коже пробежал неприятный холодок. После укуса прошло почти двенадцать часов, но Грейвс оказался девственником. Может, всё и обойдется?

— Вот и хорошо, — успокоила я парня чужим, охрипшим голосом и отодвинула в сторону пистолет, подальше от распростертого на кровати подростка и, главное, от себя.

— Вот и хорошо. Просто замечательно...

Грейвс в ответ только тихонько всхлипывал. Я попятилась назад, отходя от кровати.

Господи! Что я натворила?! Нужно было сразу его об этом спросить, а не приставлять дуло пистолета к виску! Меня начало тошнить. Спотыкаясь, я бросилась в ванную комнату, едва успев донести до унитаза съеденные хлопья. Все тело трясло, как в лихорадке, а из горла вырывались судорожные рыдания.

Успокоившись, с распухшими от слез глазами, я вышла в темный коридор и направилась в отцовскую спальню, где нашла пустую кобуру и спрятала пистолет. Выходя из комнаты, прихватила с собой длинный охотничий нож. Узлы наверняка затянулись, и их не развязать даже зубами.

Грейвс по-прежнему лежал с зажмуренными глазами, беззвучно шевеля губами. Бог мой, я напугала его до смерти!

Ну и что? Лучше лишний раз пугнуть, чем валяться потом с растерзанной глоткой. Новообращенного оборотня на поводке долго не удержишь!

Я мысленно попросила папин голос хоть ненадолго заткнуться и принялась разрезать веревки.

— Тебя укусил оборотень. Мне нужно было удостовериться, что ты не превратишься в одного из них, — объяснила я Грейвсу, стараясь не поранить его острым ножом. — Лежи

спокойно и не дергайся. Мы мигом тебя освободим от пут.

Он промолчал.

Я разрезала узлы на щиколотках и коленях, потом на локтях и запястьях. А он, тяжело дыша, с безучастным видом лежал на кровати.

— Прости меня, — промямлила я, понимая, что выгляжу глупо. Так пятилетние девчонки просят прощения, сломав чужую лопатку в песочнице. После размахивания пистолетом перед носом и ругани попеременно с вопросами о личной жизни банального «прости» явно недостаточно! — Я должна была убедиться. Ты оказался девственником, и теперь все будет хорошо. Ты не станешь превращаться в волка. Укус не подействовал, потому что ты как закрытая дверь. По крайней мере, папа так говорил, а он почти никогда не ошибался. Я...

— Замолчи, — прошептал сквозь зубы Грейвс, не открывая крепко зажмуренных глаз со слипшимися от слез ресницами. — Оставь меня одного!

Я торопливо отползла от кровати на четвереньках, крепко сжимая в руках нож.

— Жаль, что так вышло, честно! Я ведь...

— Я сказал, заткнись и оставь меня одного! — Голос сорвался на хрип.

Одним словом, говорить больше не о чем! Вытерев мокрые от слез щеки, я поднялась на ноги и вышла из комнаты.

Я снова сидела на ступенях лестницы, наблюдая за бесшумным танцем снежинок за окном и прислушиваясь к гудению обогревателя и звукам, доносившимся с верхнего этажа, по которым старалась понять, чем занимается Грейвс. Вот журчит вода в ванной комнате, раздаются шаги в спальне, слышатся непонятные скрипы и шуршание. Таких я в нашем новом доме еще не слышала. Я давно заметила, что все дома имеют свою неповторимую гамму шорохов, скрипов, тресков и стуков. И людей обычно узнают по шуму, который они производят при движении.

Грейвс, конечно, на отца не похож, но ощущать его дыхание в доме и слышать шаги куда приятнее, чем прислушиваться к мертвой тишине. Намного приятнее и спокойнее.

Воспаленные от слез глаза чесались и болели. Я перевела взгляд на черную сталь пистолета, мерцающую в полумраке. Хорошее оружие!

Чем займешься, Дрю? Вернешься в школу и станешь королевой выпускного бала? Почему бы нет, черт побери!

Ответ крутился на кончике языка, но озвучить его я не решалась. Он прятался в глубинах сознания. Помните сон с дверью и бетонным полом? Ночной кошмар прочно, как гвоздь, засел в памяти!

Кто-то специально превратил папу в зомби! Прямо во время «охоты». А значит, этот кто-то точно знал, чем занимается отец. Других вариантов нет.

Но кто мог узнать об охоте? И кого папа выслеживал? Жаль, он мне ничего не рассказывал.

Вопросы бурлили в голове, точно кипящая вода в котле. Вдруг, будто гром среди ясного неба, вспомнилось принятое вчера решение, о котором я совсем забыла сегодня утром.

Телефонные номера папиных знакомых! Нужно кому-нибудь из них позвонить!

Эта мысль принесла огромное облегчение каждой клеточке тела. Наконец-то придет взрослый человек, гораздо старше и опытнее меня, отлично владеющий оружием, и...

...и что дальше? Займется хозяйством? Удочерит меня? Или возьмет ученицей?

Придет, и все станет как раньше? О да! Конечно!

Ни один из охотников, с которыми нам приходилось сталкиваться, совершенно не скупается по отцовским обязанностям. Зато они взрослые люди, которые не упустят случая расквитаться с таинственным существом, прикончившим отца. Они ведь его боевые друзья и соратники!

Верно?

Я закрыла глаза, привалившись головой к стене. Пистолет свободно висел в правой руке.

Осторожно скрипнули ступени. По лестнице спускался Грейвс, робко шаркая ногами. Казалось, каждый шаг причиняет ему невероятную боль.

Я не осмелилась открыть глаза.

Когда он сел рядом, я, мягко говоря, удивилась. Несколько минут прошло в молчании, пока я наконец не рискнула открыть глаза, снова обнажая воспаленному мозгу окружающий мир со всеми его проблемами.

Грейвс сидел, укутавшись в любимый мамин плед, взятый с моей кровати. Лицо застыло бесстрастной маской. Непослушные пряди волос заправлены за уши. Он пришел

босиком — дом уже достаточно прогрелся.

Рваная рана от укуса оборотня заживала. Багровая отечность и сочащийся гной исчезли, и на их месте появился розовато-красный шрам. Исчезли сине-черные узоры вен. Укусы оборотней действительно заживают удивительно быстро. Правда, неизвестно, по какой причине.

Гудение и щелчки обогревателя нарушали тишину. Благодаря птичьей худобе Грейвса мы без труда уместились на одной ступеньке.

Я ведь попросила прощения. Понимает ли он, что мое раскаяние искреннее и я действительно жалею, что напугала его до смерти?

Некоторое время Грейвс молча ерзал рядом, а потом мягко, будто успокаивая меня, спросил тихим голосом:

— Почему ты так поступила?

Я была вынуждена все проверить.

— Ты мог бы обернуться.

— Обернуться? — повторил он сухо.

Я едва догадалась, что это вопрос.

— Обернуться в вервольфа. В такого же зверя, который укусил тебя в торговом центре.

— В вер... кого?

— В вервольфа. — Хотела произнести слово по буквам, но передумала. — Ну, как те, которые вместе с волками воют на луну, боятся серебряных пуль и похожи на героев Лона Чейни.^[2] Только в действительности они не такие. Кстати, некоторые исчезновения людей на их совести. Правда, обычно они питаются сырым мясом и еще устраивают потасовки между собой, сражаясь за роль вожака, так что на обычных людей им наплевать. К тому же у них непрерывная вражда с кровососами.

— Кровососами?!

Хочешь узнать подробнее? Сомневаюсь. Даже отец не желал знать о них.

— Мне нужно было проверить, не станешь ли ты оборотнем.

— Поэтому ты связала меня и пытала дурацкими вопросами, девственник я или нет?

Что-то я не вижу связи! Объясни, будь добра!

Грейвс снова поерзал, закутывая обнаженные плечи в теплый плед. Рубашки на нем не было. Ах да, конечно, рубашку-то я на повязку извела, а его плащ, наверное, еще не просох.

Я посмотрела на его ноги. Грейвс, оказывается, надел мои тренировочные брюки. Они доходили только до середины икр и съезжали с тоненькой талии. У мальчишек нет округлых изгибов бедер, которые являются главным достоинством девочек!

— Прошло уже почти двенадцать часов. И если ты не стал оборотнем, значит, на то есть веские причины. Возможно, теперь ты в безопасности. Когда вервольф кусает девственника, тот не всегда превращается в зверя. Теоретически у девственников больше шансов противостоять инфекции, вызывающей мутации в организме.

Краем глаза я наблюдала за ним и ждала ответной реакции. Вот сейчас он откинется назад, и я пойму, что он меня больше не слушает. Добровольцев узнать правду об Истинном мире можно по пальцам пересчитать. Обычно, как только начинаешь объяснять разницу между мирами, вас сразу перестают слушать.

Грейвс не сдвинулся с места. Мало того, он неотрывно смотрел на меня. Я перевела дыхание и продолжила рассказ:

— Наверное, случаи с укусами девственников связаны с магией человеческого тела.

Понимаешь, когда вервольф кусает и не убивает жертву, в теле остается э-э-э... назовем ее инфекция, чтобы тебе было понятнее. Если укушенный — девственник, то инфекция не действует так, как надо. Срабатывает иммунитет — что-то вроде закрытой двери. Стоит заняться сексом, как дверь откроется, и после укуса может случиться непоправимое. Ну, в смысле инфекция распространится по всему телу. — Я перевела взгляд на колени, не переставая говорить, чтобы просто слышать свой голос. Или из страха, что Грейвс попросит меня замолчать и не городить чушь. — Я тебя поздравляю! Теперь тебе не страшны укусы обратной до конца жизни. Будто... будто прививку сделали от этой заразы.

Что ж, неплохое объяснение получилось, учитывая мои скромные познания в области оборотневедения. Последние слова растаяли в тишине пустого дома. Что бы еще сказать Грейвсу? Только б не молчать...

— Ну, звучит крайне утешительно! — Он шумно сглотнул. — Послушай, Дрю, я...

— Знаешь, как я рада, что ты не стал оборотнем, — выпалила я скороговоркой. — Потому что не знаю, что бы тогда делала...

— Застрелила бы меня?! — В его голосе слышалась ярость. Не смея поднять на Грейвса глаз, я закрыла их и снова прислонилась к стене. — Я правильно догадался?

Да! Нет! Я не знаю! Я стреляла бы уже не в человека!

Отчаяние тяжелым камнем придавило плечи.

— Дрю?

Как будто я не слышу и рядом не сижу.

— Отвали!

Только не надо читать проповедей! Но Грейвс упорствовал:

— Ведь все приключилось наяву. — Это был не вопрос, а, пожалуй, попытка убедить самого себя в реальности случившегося. — Я собственными глазами видел огромную огненную собаку, которая гналась за тобой по пятам. Я видел ту тварь, что укусила меня. Укус зажил с бешеной скоростью, словно я не я, а Росомаха из фильма «Люди-Икс». Но это был не сон!

— Бинго! Ты выиграл джекпот!

Рука устала держать тяжелый пистолет. Интересно, если я разожму пальцы и он закувыркается вниз по ступенькам, грянет выстрел или нет? Возможно, кто-нибудь даже пострадает. Интересно, кому повезет на этот раз?!

Следующий вопрос удивления не вызвал и оказался вполне предсказуемым:

— Какие еще чудовища обитают на белом свете?

Уверен, что хочешь знать?

— Не поверишь, даже если подробно расскажу о них. Некоторых лучше увидеть собственными глазами, но ты ведь не собираешься гоняться за ними? Очень скоро ты закроешь за собой входную дверь, и я останусь одна лицом к лицу со своими проблемами. Впрочем, уйти — самое лучшее для тебя решение.

В горле зацепало, и я, сделав усилие, проглотила скопившуюся горечь, пока она не добралась до глаз, чтобы разразиться горючими слезами отчаяния.

— Попробуй рассказать, и посмотрим, что из этого получится. Ведь я не сошел с ума от знакомства с монстрами, верно?

Зимний ветер кружил вокруг дома, однако теперь, когда рядом сидела живая душа, он завывал не так уныло и зловеще.

— Но тебе порядком от них досталось. Прости меня!

Ну, вот опять вырвались пустые и нелепые слова!

— Мисс Андерсон, вы, оказывается, занятая цыпочка! — Я промолчала в ответ, и тогда Грейвс толкнул меня плечом. — А ты случаем не тискала меня, когда связывала?

Что?! У меня чуть челюсть не отвалилась от удивления!

— М-м... нет! А нужно было?

— Ну, глядишь, процесс связывания стал бы приятнее! — Он снова игриво толкнул меня плечом. — Можно задать еще один вопрос?

Я не ответила — все равно спросит, не удержится. Обычно человеческое любопытство не удовлетворить отрицательным ответом.

Однако Грейвсу вновь удалось удивить меня:

— Что случилось с твоим отцом? На самом деле?

— Он п-превратился в з-зомби. — Казалось, горло перехватило от удушья и вымолвить страшные слова не удастся, но я их все-таки произнесла. Хрипя и заикаясь, но сказала их вслух: — Кто-то замешан в этом.

Так оно и есть. Кто-то сильно потрепал отца и потом сделал из него живого мертвеца. Вот я и рассказала Грейвсу свою историю. Дело — труба, как любила говорить бабушка. Теперь не получится проснуться в своей постельке и развеять ночной кошмар, так похожий на реальную жизнь.

— Зомби? Отлично, — Грейвс присвистнул. — Полный порядок! — Он облегченно вздохнул, словно скинул с плеч тяжелый груз после долгого восхождения на высокую гору. — И что ты теперь намереваешься делать?

Откуда мне знать?

— Пожалуй, приготовлю что-нибудь на обед. — Я поднялась на ноги, опираясь руками о стену. Обогреватель в очередной раз щелкнул, выключаясь. — Хочешь есть?

— Можно еще один вопрос? — Грейвс поднял голову, и наши взгляды встретились. Сережка с черепом и костями запуталась в волосах. Он не надел цепочку с крестом, и под пледом было видно, как напряглись мускулы на обнаженной груди. — Тебе есть кому позвонить? Маме или другим родственникам, если уж твой папа... — Прежде чем произнести следующее слово, Грейвс нервно сглотнул. — Мертв? Он ведь мертв? Зомби ведь неживые?

Я пожала плечами.

— Зомби — это оживленные мертвецы. А мама давно умерла, как и бабушка. — Они все покинули меня, оставив одну-единешеньку на белом свете. Сколько застарелой горечи в словах! — Пойду готовить обед. Ты, должно быть, умираешь от голода.

— Значит, ты живешь сама по себе?

Настойчивый паренек, однако, попался. Он с трудом поднялся со ступеньки, старательно завернулся в красно-белый плед, совсем как мама, и поплелся за мной.

— Поживу немного, пока обстоятельства позволяют. — Я провела его на кухню, включила свет и осторожно положила пистолет на стойку, чтоб был постоянно под рукой. — Легче всего сейчас обжарить сыр в гриле. Будешь сыр?

Грейвс не отрывал взгляда от полок, рассматривая их взглядом бывалого таможенника, занятого поисками контрабанды.

— Почему та собака гналась за тобой?

Этот вопрос не давал мне покоя. Я растерянно пожала плечами:

— Сама не знаю. Так ты будешь есть или нет? Ответь, в конце концов!

— Конечно, перекусил бы слегка. Только обещай, что не будешь заставлять меня обедать под дулом пистолета! — Я резко развернулась к нему, но он уже мило улыбался, подняв обе руки в обезоруживающем жесте. — Шучу, Дрю! Может, чуток расслабишься?

Расслабиться?!

Я окинула Грейвса подозрительным взглядом, надеясь, что он действительно не сошел с ума, и только потом вытащила из холодильника сыр с маслом. Я связала его и чуть не пристрелила, а он просит меня «расслабиться»?

Глаза парня стали снова светло-зелеными без единого намека на карие крапинки. Стряхнув волосы на лицо, он невозмутимо сложил губы трубочкой и забавно причмокнул несколько раз. И опять странный жар медленно залил щеки. Тут до меня дошел весь комизм ситуации, и я расхохоталась, держа в одной руке сыр, а в другой — масло. Хлеб лежит в морозильной камере, впрочем, с тем же результатом он мог храниться и на стойке в промерзшей кухне. Самый лучший способ хранить хлеб — в морозилке! По крайней мере, если живете на юге и любите жарить гренки. Или сыр в гриле.

— Так-то лучше! — Грейвс облокотился о стойку, кутаясь в плед. — Знаешь, мы в одной лодке. У меня ведь тоже никого нет — некому позвонить или за помощью обратиться. Я живу сам по себе с двенадцати лет.

Отлично. И как мне ответить на его откровение?

С деловым видом я потянулась за сковородой.

Грейвс не спрашивал о дыре в задней двери, забитой фанерой и завешенной одеялами, а я старательно отводила взгляд от его раны на плече, заживающей с невероятной скоростью прямо на глазах. Так в молчании мы и сидели на кухне, а снаружи завывал пронизывающий зимний ветер.

Я открыла пару консервных банок с томатным супом и вылила в кастрюлю, чтобы разогреть на плите. Одинокой сиротой я себя больше не чувствовала. Как славно не сидеть в доме в полном одиночестве! Хорошо, когда гость не собирается уходить, хотя бы в ближайшее время! Расчувствовавшись, я даже налила Грейвсу стакан молока.

Глядишь, и из меня выйдет образцовая хозяйка!

— Ничего себе! — присвистнул Грейвс от удивления, заглядывая в ящик с оружием. — Твой папа был часом не из сервайвелистов?^[3]

Грейвс вызвался помочь мне прибраться в гостиной. Он ни слова не сказал о следах пуль на стене или едва уловимом, но по-прежнему неприятном запашке разложившегося зомби. Ни один вопрос не сорвался с обветренных губ, пока я бережно поднимала одежду с пола и укладывала ее в стиральную машину. Папины вещи пахли отвратительно и превратились в лохмотья. Кроме того, пропали его пистолет, бумажник и мамин медальон на длинной серебряной цепочке.

Не хочу пока даже думать, в чьих руках они сейчас!

За окном кружились пушистые снежинки, приглушая естественные краски окружающего мира. По радио объявили, что во многих домах отключилось электричество. Нам повезло. Пока. Ну и слава богу! Несмотря на то, что обогреватель работал, почти не выключаясь, и задняя дверь была плотно занавешена одеялами, на кухне стоял жуткий холод. После отчаянных поисков я обнаружила еще два листа фанеры, скрутила пару одеял и с их помощью прикрыла оставшиеся щели. Стало заметно теплее. Особенно после того, как я подперла дверь на веранду.

Я уверенно открыла несгораемый сундучок, зная наперед, что там найду. Под ворохом документов — нашими с папой свидетельствами о рождении, моей медицинской карточкой учета прививок, толстой пачкой табелей успеваемости из всех школ, в которых мне довелось учиться, — лежала красная записная книжка в потрепанном переплете, многократно заклеенная скотчем вдоль и поперек. Папин список обезвреженных монстров, скорее всего, в грузовике, а номера телефонов всегда хранятся отдельно.

Ну ладно, папа! Теперь посмотрим, кто поможет мне выбраться из этой передрыги, раз ты превратился в горстку праха на ковре. Кстати, надо собрать останки в чистый пакет и спрятать в надежном месте.

И тут тошнотворная волна накрыла меня с головой. Думаете, не стоит так говорить о погибшем отце, да? Но если относиться к случившемуся несчастьем без разумного цинизма, недалеко и до горючих слез, а, распустив сопли, остановиться не так-то просто.

Папа на дух не переносил слезливые хныканья!

— Бинго! — пробурчала я под нос.

— А в каких случаях вы применяли оружие? — не отставал с расспросами Грейвс.

Я дала ему тренировочные брюки отца взамен своих, однако от футболки с изображением рок-музыканта Питера Фрэмптона он решительно отказался, видимо, по неведомым мне принципиальным соображениям. Бледная кожа на узкой спине покрылась мурашками, несмотря на работающий обогреватель. Что ж, я нашла бы ему другую футболку, но раз Грейвс так трепетно относится к картинкам на одежде, то пусть в угоду принципам обходится без оной! Ведь ему не предлагают натянуть футболку с какой-нибудь попсой!

Теперь приходилось старательно отводить взгляд от его обнаженной груди, и я чувствовала себя не в своей тарелке.

— Когда выходили на охоту! — Закрыв сундучок, я заперла его на ключ. — Пойдем отсюда, здесь не игрушки хранятся.

Однако оттянуть Грейвса от боеприпасов оказалось не так-то просто.

— Это ведь не настоящая граната?

— Конечно, настоящая. Муляжом гнездо тараканов-мутантов не уничтожить! Так, быстро выметайся отсюда, а то еще поранишься ненароком.

— А тебя папа научил стрелять из всех видов оружия?

— Из многих, но, например, не советовал брать в руки «АК-47».

Я перелистывала записную книжку, пытаюсь разобраться в папиных каракулях. Большинство телефонных номеров имели коды южных штатов, главным образом Калифорнии и Мэна. Черт возьми, ни одного номера по соседству с Дакотой!

Некоторых владельцев телефонов я узнавала по номерам. Вот, например, охотник из Кармела. Он не расставался с доской для серфинга, катаясь на волнах каждый божий день до тех пор, пока однажды не был серьезно ранен в вылазке против вампиров, устроенной совместно с безжалостными наемниками. В книжке нашелся номер отшельницы, которая жила вдали от цивилизации на берегу озера и общалась с укрощенным духом аллигатора. Нашелся и нью-йоркский номер Огаста, который во время попок с отцом ругался исключительно на польском и при хорошем расположении духа мог высечь яркую искру из кончика указательного пальца.

Грейвс тем временем чуть не задохнулся от восхищения:

— У тебя и «АК-47» есть?

И огнемет тоже. Правда, он остался в грузовике.

— Только для чрезвычайных ситуаций. Наконец-то я нашла номер телефона с местным кодом, записанный на клочке бумаги и запрятанный между страничками почти в конце книжки. Один-единственный номер и больше ничего. Ни имени, ни крестика рядом, обозначающего, что в непредвиденных случаях по нему безопасно звонить. Абсолютно никаких опознавательных знаков!

Великолепно! Ау, кто готов лететь в снежное королевство, чтобы облегчить мою участь?! К тому же в первую очередь предстоит объяснить, что случилось с отцом. Или, вернее, рассказать то, что известно мне. А знаю я, к сожалению, совсем немного.

Желудок свело болезненной судорогой, угрожая очередным приступом рвоты. Я одна во всем виновата! Это я не сказала отцу о сове!

— Господи! — прошептала я, не отрывая взгляда от телефонного номера, который был записан на обороте квитанции из оккультной лавки в Майами.

Папа купил тогда обломки прозрачного обсидиана, эффективные в борьбе против чупакабры. Он выслал их Хуану-Раулю де ла Хойя-Смиту в Тихуану.

Тем летом «убийцы коз» разбушевались в окрестностях Тихуаны. Хуан-Рауль сказал, что виной тому жара и особенности острой мексиканской кухни.

После закрытия лавки папа заперся в кабинете с ее несимпатичным владельцем, обезобразившим свою голову многочисленными дредами, а я ходила кругами возле магазинчика, знакомясь с местными достопримечательностями и борясь с нарастающим голодом. Спустя добрых два часа отец появился с бледным, будто окаменевшим лицом. Всю ночь в гостинице он не отрывался от бутылки с виски. Пришлось заказать ужин в номер и смотреть мультфильмы, пока меня наконец не сморил сон.

Интересно, папа раздобыл этот номер тогда в Майами? Безопасно ли звонить по нему? Обычно поставленный крестик возле номера означал «опасности нет», перечеркнутый круг — «звонить только в случае крайней необходимости». А чем чревато полное отсутствие знаков?

Номер писал отец — сомнений нет. Посторонние вряд ли имели доступ к записной книжке, к тому же в написании цифры «9» чувствуется папина рука: он всегда начинал писать ее, не отрываясь, снизу вверх. Важнее другой вопрос: чей это телефон?

Нужно найти телефон-автомат и позвонить по номеру. Все равно он единственный в книжке с кодом Дакоты, хоть и без особых пометок. Прежде отец никогда не забывал пометать безопасные контактные телефоны.

На него совершенно не похоже. С другой стороны, он совсем потерял голову после памятного визита в лавку с гремучими змеями, что бросались с глухим стуком на стекло и пугали ужасным свистом трещоток на хвостах. Пытаясь унять волнение, я выглянула в окно. Снежная метель, словно подсмеиваясь надо мной, жутко посвистывала.

— Дрю? Что с тобой? — неожиданно рядом, как из-под земли, вырос Грейвс.

Глядя в окно, погруженная в невеселые мысли, я даже не заметила, как он подошел.

Бесполезная маета, так бы назвала мои невеселые размышления бабушка. Как она говорила? «Дрю, брось маяться дурью, когда кругом столько работы. Сходи, подои коз и собери яйца в курятнике. Потом вернешься, и я научу тебя пользоваться маятником. Хорошо?»

Слова с отчетливым южным акцентом глухо отозвались в голове, словно проталкиваясь сквозь огромную опухоль. Неплохо бы сейчас воспользоваться маятником, да только толку в нем мало. Маятники и карты таро обычно открывают не правду, а то, что очень хочется услышать. Бабушка объясняла мне, что я должна учиться видеть будущее без помощи подручных средств. Мол, ими пользуются только в том случае, когда нет времени войти в транс и уснуть в надежде на пророческий сон или знамение.

— Все нормально, — наконец ответила я Грейвсу.

Отказавшись от идеи с маятником, переписала номер на другой клочок бумаги и засунула его в карман. Рецепт был главной уликой, и мы пойдем по этому следу. Сам рецепт отправился на прежнее место в записную книжку, а та — в несгораемый сундучок, под замок.

Я оглядела гостиную. Вроде малость прибрались. Выйти в город мы пока не сможем, поскольку дорогу завалило снегом, но и обсуждать вслух собственные проблемы я не собираюсь. Чем бы отвлечь Грейвса и перевести разговор на другую тему? Придумала.

— Знаешь, тебе придется задержаться здесь из-за непогоды.

— Я, честно говоря, и так подумывал остаться. Хочу посмотреть, чем ты еще меня удивишь!

Грейвс забавно поиграл бровями, но ожидаемый эффект помешала произвести упавшая на глаза челка. Он осторожно потер плечо — красно-розовые шрамы уже начинали бледнеть. Скоро они совсем побелеют, и останутся на коже лишь еле заметные отметины в тех местах, где клыки оборотня впились в живую плоть.

— И потом, я ведь пока не могу вернуться в торговый центр. А больше мне некуда идти.

Быстрое заживление плеча настораживало, и сама рана выглядела неправильной, как и все раны, полученные в Истинном мире.

Прости меня.

Вслух я этого не сказала, затолкав рвущееся наружу раскаяние глубоко внутрь, и уставилась в окно. Белые пушистые снежинки в очередной раз поразили своей безупречной красотой.

— Часто здесь бывает такой снегопад?

— Четыре или пять раз за зиму. В школе завтра опять продолжатся занятия, ведь дороги расчистят за ночь. Подумай, может, пойдешь на уроки?

Ага, разбежалась!

Я почесала висок на месте исчезнувшего прыща. Он до сих пор болел где-то глубоко под кожей. Как я ненавижу это ощущение! Кажется, прыщик исчез с концами, но нет — он просто умело замаскировался и, тихонько зудя, готовится к новой атаке.

Стоило осторожно расправить плечи, и спина отозвалась знакомой болью.

— В отличие от некоторых, я не строю грандиозных планов по окончании школы! А ты, собственно, чего так заботишься о моем образовании? Школьным психологом себя возомнил?

— Надо думать о будущем, — серьезным тоном возразил Грейвс, словно читал лекцию в продленке. Откинув черные волосы со лба, он добавил: — Подумай только! Школа ведь не на всю жизнь, иначе я давно бы покончил жизнь самоубийством.

Считай, нас двое — я бы тоже такое не выдержала!

— Не в школе дело! Как только мне исполнится восемнадцать, я автоматически получу права курить и голосовать, не говоря уж о возможности устроиться на приличную работу.

— Будешь сбегать с уроков — не видать тебе приличной работы! Чтобы ее получить, надо играть по правилам: добиться хороших результатов в школе и поступить в колледж. И тогда жизнь не закончится в сорок лет, подкинув вместо богатства полную нищету, а вместо автомобиля — велосипед на парковке, как у моего отчима! — Грейвс напрягся, сузив глаза, ставшие вдруг тускло-зелеными. — Можно я сделаю себе еще один сандвич?

— Ты знаешь, где кухня.

Надо найти грузовик. Потом постараюсь выяснить, кто сделал из отца зомби. И обязательно выясню, кому принадлежит найденный номер телефона.

Левая рука непроизвольно сжалась в кулак и нащупала в кармане клочок бумаги. На данный момент номер телефона — единственная ниточка в этом странном деле.

Я думала, что Грейвс опять начнет приставать ко мне с увещеваниями по поводу школы. Однако он оказался достаточно смышленным и оставил меня наедине с моими мыслями.

В гостиной по-прежнему витал едва уловимый тлетворный запах. А ведь я, сменив мешочек в допотопном пылесосе, тщательно очистила все углы и убрала горстку папиного праха с ковра. Все, что от него осталось. Он заслужил достойное погребение, и я похороню его рядом с мамой.

При воспоминании о маме на душе стало совсем гадко. В груди появилось саднящее чувство, и только усилием воли удалось его подавить. Со старыми ранами так всегда: они ждут любого повода, чтобы напомнить о себе, отозвавшись такой же сильной болью, что и в первый раз, когда, открыв глаза поутру, вы замечаете, что мир не тот, что прежде.

Заклеив скотчем мешочек с прахом отца, я сунула его в несгораемый сундучок, а потом, согнувшись в три погибели над закрытой крышкой, изо всех сил старалась сдержать рвущиеся из груди рыдания... Грейвс в это время гремел посудой на кухне и слушал прогноз погоды по радио, напевая отрывки из разных песенок.

Как хорошо, что у парня отличное настроение! Глядя на него, и мне стало чуть лучше!

Слава богу, метель длилась не целую неделю, а всего три дня. За это время выяснилось, что Грейвс вполне может сойти за приличного повара, да и я на кухне тоже не растеряюсь — уж бабушка позаботилась об этом, будьте покойны! Однако мой приятель-гот оказался на высоте. Он готовил умопомрачительные омлеты и варил вкусный кофе, правда, не очень крепкий, но вполне сносный для гражданского лица.

Грейвс спал на папиной раскладушке, перенесенной в мою спальню, и каждое утро аккуратно ее заправлял. Подозреваю, что он просто красовался передо мной, и только. Но знаете, как приятно проснуться среди ночи и услышать сонное, размеренное дыхание живого человека? Порой мне даже казалось, что я снова ночую с отцом в гостиничном номере. С умиротворенной улыбкой на губах я поворачивалась на другой бок и спокойно засыпала.

К третьему дню от непрерывного сидения дома хотелось лезть на стенку. Кроме того, я все время находилась в состоянии нервного напряжения, которое приходилось снимать в гараже во время тренировок. Я наносила сильные удары по боксерской груше, уклоняясь от воображаемых ответных ударов, до дрожи в ногах ежедневно повторяла упражнения по ката. В гараже стоял невероятный холод, и пот на разгоряченной коже мгновенно превращался в пар. Мышцы болели и ныли, но я давно привыкла справляться с такой болью, понимая, что она является расплатой за пропущенные тренировки.

Упражнения тай-ци помогли восстановить хорошую форму и обрести гармонию с телом. Правильное дыхание и размеренные движения — восход полной луны над гладью озера, одинокое дерево на ветру, тихая дрожь струн на гитаре — прочищали мозги лучше изнурительных колотушек по боксерской груше. К тому же во время тренировок я забывалась, переставая заниматься самоедством. Правда, стоит на минуту остановиться, и вновь оказываешься лицом к лицу с жестокой реальностью. Вот в глубине сознания слышится скрип гаражной двери со сломанной пружиной, и проблемы снова всем скопом обрушиваются на больную голову.

Во время изматывающих тренировок в голове иногда звучал родной голос отца. Лучше, чем мертвая тишина, наполненная мрачными мыслями, верно?

Единственное, к чему я не притрагивалась во время тренировок, так это к папиному силовому тренажеру, одиноко примостившемуся в уголке гаража. Обычно папа покупал дешевые гантели на распродажах, поскольку не было смысла возить их с собой по всему континенту. А вот тренажер путешествовал с нами по трем разным городам, и я бы загрузила его в грузовичок первым делом, случись мне покинуть это богом забытое местечко.

В разгар тренировок иногда рождалась призрачная надежда, что вдруг распахнется дверь и в гараж войдет живой отец. Как ни в чем не бывало поздоровается зычным голосом и предложит подстраховать его в паре силовых упражнений...

Не покидали меня и мысли о грузовике: как он, бедный, перенесет снежную бурю? Найти бы его, загрузить пожитки и умчаться к чертям собачьим из этого городишки. Но больше всего мучил вопрос: кто превратил отца в кровожадного зомби?

Наконец настал день, когда метель утихла и метеорологи пообещали морозную погоду без осадков в течение нескольких дней. Даже разрешили возобновить занятия в школе. Это хорошо, потому что Грейвс просто бесился из-за долгого сидения взаперти. К тому же ему надоело бродить по дому в одежде моего отца, висевшей на нем мешком. Я выстирала его

джинсы, а вместо израсходованной на повязку рубашки привередливый гот милостиво согласился облачиться в мою футболку с танцующими утятами.

Дни напролет во время метели мы смотрели кабельный канал, пока мне не приелись тупые рекламные ролики. Я бы с удовольствием переключила телевизор на канал со старыми добрыми триллерами, но Грейвс уперся рогом и не желал даже слышать об ужастиках. После кошмара, что он пережил, возразить было нечего, поэтому мы смотрели одни мультфильмы.

Утро четвертого дня обещало выдаться морозным и безоблачным, но не успел забрезжить рассвет, как мой сон безжалостно нарушили. Рядом с кроватью в одних трусах стоял Грейвс и грубо тряс меня за плечо холодными липкими пальцами.

— Кто-то стучится в дверь, — прошептал он.

Я вскочила с постели, как заведенная пружина, и мы едва не столкнулись лбами.

— И кто это?!

Судорожно натягивая попавший под руку свитер, я услышала стук в дверь. Негромкий, приглушенный снегом звук, едва ли способный разбудить крепко спящего человека.

Интересно, кому вздумалось навестить нас в столь ранний час?

Я спустилась до середины лестницы, как вдруг стук прекратился. За мной опасливо крался Грейвс. Обернувшись, я бросила на него грозный взгляд и предостерегающе поднесла палец ко рту. Грейвс застыл на месте с полуоткрытым ртом и перестал чесать правый бок.

В тишине раздались еще три отчетливых стука. Меня обдало холодом с ног до головы, по спине забегали противные мурашки, волосы встали дыбом, а душа ушла в пятки, намереваясь, по-видимому, окончательно покинуть брненное тело.

Мне знакомо это состояние. Бабушка отзывалась о нем поэтично, как о «торжестве страха». Папа выражался более прозаично и считал его охотничьим мандражом.

Что за дрянь притаилась по ту сторону двери?

А я еще умудрилась оставить наверху пистолет.

Рот заполнился мерзкой слюной с привкусом ржавчины, от которого свело небо.

Папа как-то говорил, что по выражению лица можно безошибочно угадать, когда у человека наступает мандраж. Должно быть, это правда, и Грейвс служил тому доказательством. Стоит только посмотреть на его побелевшее, несмотря на смуглую кожу, лицо и на раздувающиеся ноздри. Всклопоченные волосы встали дыбом, а сам Грейвс дрожит мелкой дрожью, как описавшийся от страха щенок.

Существо за дверью шевельнулось, а я уловила невидимое движение, вспыхнувшее для внутреннего зрения в виде пульсирующих голубых линий. Неожиданно острая боль электрическим разрядом пронзила голову, застав меня врасплох. Я с хрипом выдохнула из груди воздух.

Бросив быстрый взгляд в проем гостиной, я отказалась от мысли прокрасться внутрь за папиным оружием. Вся гостиная была как на ладони из-за незашторенных окон. А что стоило задернуть шторы перед сном? Теперь из-за собственной неосмотрительности и забывчивости в комнату незамеченной не пробраться. Правда, в моей спальне тоже есть пистолет. Мне бы его прихватить сразу с собой, но, с другой стороны, если за дверью полицейский или другое официальное лицо, меня ждут крупные неприятности.

Ситуация становится все нелепее.

Очередной, почти игривый стук в дверь.

Дверь откройте, дверь откройте скорей!

Переведя срывающееся дыхание, я посмотрела на Грейвса, взглядом указала на спальню наверху и, сложив пальцы пистолетом, многозначительно приподняла бровь.

Он понимающе кивнул. Розовые шрамы на плече даже в полумраке отчетливо выделялись на побледневшей коже, а просторные трусы съехали до середины тощей задницы, которой мне пришлось любоваться, когда Грейвс, повернувшись спиной, бесшумно заскользил вверх по лестнице.

Я пригнулась и продолжила наблюдение за входной дверью, настороженно прислушиваясь к малейшим звукам и движениям. Кем бы ни был ночной гость, он по-прежнему стоит на крыльце, дожидаясь ответа. Это не вызывает сомнений, как и то, что меня зовут Дрю Андерсон. Если вам когда-нибудь доводилось летом замечать в нагретом от асфальта воздухе движение потустороннего создания, решившего навестить обычный мир при свете дня, вы поймете, что я имею в виду.

Перед глазами опять вспыхнули пульсирующие голубые линии — значит, дом сопротивляется проникновению враждебного существа.

Вселяясь в новый дом, я обычно выскальзываю из своей комнаты в первую ночь и обвожу все окна и входные двери тонким прутиком, доставшимся в наследство от бабушки. При этом мысленно воображаю, как моя сила переливается через веточку рябины и заполняет все помещение. Бабушка называла сей обряд «ограждением дома от злых чар», папа втайне от нее окрестил его «индейскими бреднями», но сам никогда не запрещал мне совершать древний ритуал. Бабушкина наука не раз помогала в жизни, да и отец возмущался больше для виду. У меня хватало ума не спорить и помалкивать о том, что папины возражения крайне нелепы, если принять во внимание его собственный стиль работы, основанный на тех же «индейских бреднях».

Мне и раньше приходилось видеть тонкие защитные линии, пробегающие по стенам и окнам голубыми огнями, но в этот раз, препятствуя вторжению в дом, защитные огоньки искрились от напряжения и потрескивали.

Храни нас Господь!

Ступени на крыльце еле слышно скрипнули, и дом, укутанный плотным белым покровом, отозвался множеством утренних звуков. Вчера лужайка перед окнами превратилась в пушистый белоснежный ковер с холмиками в тех местах, где утонули в снегу звенья деревянного частокола.

Входная дверь не шелохнулась. Она стояла закрытая на засовы, ярко вспыхивая голубыми огоньками, которые выдавали присутствие незваного гостя. Вспышки защитных линий можно было видеть, даже не обладая внутренним зрением.

Ладони покрылись холодным потом, во рту пересохло, и появился мерзкий привкус ржавчины вперемешку с гниющей плотью...

«Это не ржавчина, Дрю. Это кровь! — глубокомысленным голосом подсказала интуиция. — Там, за дверью, страшное существо, пахнущее кровью. Оно стоит на крыльце и разглядывает сморщенные пересохшие растения в пластмассовых горшках, которые я не удосужилась спрятать подальше от любопытных глаз, а если выглянуть осторожно в окно, вполне вероятно, что столкнешься лицом к лицу с жуткой, оскаленной пастью».

От двери слышались едва уловимые ухом царапающие звуки. Они напоминали скрежет лишенных плоти, костлявых пальцев зомби о стекло, и мне сразу стало не по себе.

Дверь откройте, дверь откройте поскорей!

Большинству обитателей Истинного мира не дозволено переступать порог дома без

приглашения. Жаль, что зомби к этой категории не относятся. Будем надеяться, ночной гость за дверью не из их числа. В противном случае остается лишь уповать на старый бабушкин способ защиты дома от нечисти!

Уповать? Да полно вам, он точно не войдет! Как там поется в детской песенке?

Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь
Не откроет эту дверь,
Эту дверь, эту дверь!

Я беззвучно пропела песенку, шевеля одними губами. За спиной бесшумно спускался по лестнице Грейвс. Под его весом предательски скрипнула ступенька, и непутевый гот с перепугу застыл на месте как вкопанный.

Ощущение чужого присутствия улетучилось в одно мгновение, словно незваного гостя сдуло ветром. Напоследок донесся то ли радостный смех, то ли полный досады вой. Это уж как кому покажется, в зависимости от настроения и наличия природного оптимизма.

Я присела на ступеньки, чувствуя, как подкашиваются ноги, которые вдруг стали ватными и непослушными, как дне вареные макароны.

Грейвс передал пистолет поверх плеча. Я молча взяла оружие, не в силах сообщить радостную весть, что опасности за дверью больше нет. Мышцы ног дрожали, как после дозы сильнодействующего наркотика.

Что ж, свою порцию страха я получила, он пронзил насквозь все мое существо, темный, как ночь, с привкусом пепла и ржавого железа.

— Чувствуешь, как противно воняет? — шепотом прервал мои размышления Грейвс. — Кто это приходил?

Не знаю, даже думать боюсь. Известно лишь одно: с такими гостями шутки плохи. Хуже и быть не может! Говорить было трудно, так как в горле совсем пересохло.

— Ты тоже почувствовал запах? — наконец выдавила я.

— Да! Он просто отвратительный и напоминает запах ржавого железа!

Ноздри Грейвса раздулись, когда он сделал глубокий вдох, расправив грудную клетку. На шее и плечах заметно напряглись мышцы. Видать, парень порядком струхнул.

— Пахло не ржавчиной, а кровью! — объяснила я. — А ты часом не экстрасенс?

— Я? Нет, конечно. У меня вон и свиданий-то ни разу не было.

Грейвс бросил на меня быстрый взгляд, и глаза его вспыхнули неестественной зеленью, которая еще больше бросалась в глаза на фоне бледной кожи, утратившей здоровую смуглость.

— А этот тип, что стучал в дверь, ушел, да? — наконец спросил Грейвс.

— Ушел. — Господи, хоть бы ноги перестали трястись! — Понятия не имею, кто это был.

А могла бы и догадаться, верно? Запах крови и леденящий ужас говорят лишь об одном обитателе Истинного мира, перед которым пасовал даже папа, избегая встреч с ним лицом к лицу.

Ох, как бы хотелось ошибиться!

Наступило утро, ясное и морозное. Снег отражал тусклые солнечные лучи и соперничал по белизне с облаками в ярко-синем небе.

Я надела папин свитер и огромную зимнюю куртку, натянула джинсы, зашнуровала ботинки и спустилась в гостиную. Я старательно отводила взгляд от сального пятна на ковре, пытаюсь смотреть только на ящик с оружием.

А не выйти ли в город средь бела дня, вооружившись до зубов? Мысль сама по себе хороша, но если меня поймут с пистолетом в кармане, без документов и разумного объяснения причин, заставивших шестнадцатилетнюю девушку бродить по городу с пушкой, последствия легко представить.

Одним словом, мало не покажется!

— А я считаю, что должен остаться с тобой, — продолжил наш прерванный спор Грейвс.

Он стоял, прислонившись к дверному косяку, спрятав руки в карманы.

Я энергично замотала головой, и заплетенная косичка стукнула по плечам. Я предпочитаю заплетать волосы в косу перед серьезным делом, чтобы меньше мешали.

— Папа убил бы меня на месте, надумай я впутать в наши дела профана вроде тебя. — Неприятно разговаривать с Грейвсом в таком тоне, но делать нечего, иначе от парня не отвяжешься. — Пойми, для тебя же лучше забыть все, что ты видел, и вернуться в школу, чтобы продолжить образование.

Раз уж ко мне в дверь стучится подозрительная тварь, а уехать из города без грузовика нельзя. А ты и так уже по уши увяз в моих проблемах.

— Ага, прямо сейчас побегу! Держи карман шире! — Он пожал плечами: тонкие плечи по-птичьи взметнулись вверх и резко опустились. — Ну а что ты собираешься делать?

Я снова устремила задумчивый взгляд на оружейный ящик и подняла с пола рюкзак. От света, отраженного снегом, голые стены в доме казались белее, чем на самом деле, и на этом белом фоне резко выделялись следы от пуль, оставшиеся в стене гостиной. Как раз там, где стоял Грейвс.

— Сделаю один телефонный звонок, и все, — произнесла я спокойным голосом.

— Кому? Охотникам за привидениями?

Так и знала, что рассудительности Грейвса надолго не хватит, и он не удержится от дурацкой подколки!

Я мысленно перебрала все предметы в рюкзаке, проверила, сколько у меня денег, и только потом соизволила ответить:

— Пока не знаю.

— Ты не знаешь человека, которому собираешься звонить? — Одна бровь парня в удивлении поползла вверх, а лоб пересекли морщинки. — Не верю своим ушам!

— Послушай, для меня такие дела не в новинку. обойдусь без сопливых.

Я вдруг поймала за хвост умную мысль и в течение нескольких секунд прокручивала ее в голове, а потом потянулась к оружейному ящику поменьше и, порывшись в нем, выудила складной нож и нажала на кнопку. Послышался громкий щелчок, и смертоносное лезвие выскользнуло на свободу. Я внимательно осмотрела серебряное покрытие.

Нельзя покрывать серебром край лезвия, иначе оно будет постоянно стачиваться во время заточки ножа. Если наложить серебряное покрытие на середину лезвия, балансировка ножа станет неправильной, зато он остановит многих обитателей Истинного мира. К тому же шестнадцатилетней девушке гораздо проще объяснить наличие в кармане армейского

складного ножа, чем пистолета. Если меня задержат с одним ножичком, будьте уверены, я найду способ договориться с полицейскими.

Я нажала на кнопку еще раз и, уперев острие в крышку оружейного ящика, сложила нож, а потом спрятала в карман куртки.

Грейвс только пожал плечами и, наконец, отошел от стенки.

— Я иду с тобой.

— Знаешь что...

Однако договорить я не успела — он помчался наверх, перепрыгивая через две ступеньки. Наверняка за своим плащом.

И что прикажете делать? На плече Грейвса заживает рана от укуса оборотня, а стоит Истинному миру однажды вцепиться в вас острыми клыками, и вернуться к повседневной жизни с семейными обедами в «Макдональдсе» будет очень трудно.

И потом... прислушиваясь к его шагам в спальне, можно обмануть себя и на время поверить, что это ходит папа!

Только совесть не желала успокаиваться, впиваясь в грудь острыми иголками.

Дрю, ты не имеешь права втягивать его в свои дела. Парень уже пострадал по твоей милости. А дальше может быть еще хуже! Не вздумай брать его с собой!

Но я всего лишь девочка-подросток, которая осталась одна-одинешенька на всем белом свете. Мне нужны помощь и поддержка, а Грейвс подходил для этой роли как нельзя лучше.

Конечно, по отношению к Грейвсу это нечестно.

Он достаточно пострадал по моей вине. Наивно думать, что горящая тварь на пару с оборотнем случайно оказались по соседству с торговым центром и решили пропустить по стаканчику молочно-фруктового коктейля на ночь глядя. Не выходит из головы и неожиданный гость, надумавший стучать в дверь перед рассветом. Спасибо бабушкиной магии, которая установила голубую защиту, ставшую заметно ярче, чем прежде, и не пустила нежить в дом.

Правильно ли тащить Грейвса за собой? Конечно, нет. Особенно сейчас, когда он еще не успел оправиться от раны. Да его просто съедят, как беспомощного щенка!

В конце концов, я приняла правильное решение, хотя далось оно с трудом. Перекинув через плечо сумку, надела на голову вязаную шапочку и натянула теплые перчатки. Если не ошибаюсь, на улице чертовски холодно.

Выйдя на крыльцо, я поняла, что насчет погоды не ошиблась. При первом же вдохе морозный воздух обжег легкие так, что я едва не задохнулась. Зимний холод пробирал до костей. Съезжив плечи, я обмотала шею армейским шарфом из грубой шерсти. Зверская погодка! Чувствуешь себя как эскимо на палочке в морозильной камере!

Я не стала закрывать дверь на замок, зная, что педантичный Грейвс обязательно сделает это за меня, и принялась осторожно спускаться по ступеням крыльца. Меня совсем не удивило, что на лужайке перед домом снег так и остался нетронутым. Кто бы ни стучался ночью в дверь, он не оставил после себя следов.

Великолепно!

Снег облепил колени, пока я решительно шла вперед по подъездной дорожке. Жаль, что их не чистят снегоочистительные машины, и хорошо, что по главным дорогам они проехали с самого утра. Идти, конечно, можно, но следует соблюдать осторожность. Вообразите себе смертельный номер: Дрю Андерсон, бесстрашная охотница за привидениями, скользит и спотыкается на обледенелом асфальте! Но лучше уж так, чем сидеть дома, когда от отчаяния хочется грызть стены.

И потом, кто поручится, что однажды ночью гость не вернется после захода солнца и не приведет с собой еще парочку помощников, которых не остановит бабушкина магия?! Нет, надо не упустить последний шанс и попробовать дозвониться до предполагаемого избавителя.

— Дрю! — послышался за спиной голос Грейвса.

Я и ухом не повела, продолжая идти по дороге. Несмотря на протекторы на подошвах ботинок, далеко от дома отойти не удалось. Со стороны, наверное, кажется, что я, как жук, ползу по скользкой дороге.

— Дрю! Подожди!

Иду не останавливаясь. Только бы дойти до перекрестка, а там сверну и окажусь на автобусной остановке. Надеюсь, автобусы по-прежнему ходят по расписанию. Хоть бы к этому времени Грейвсу надоело орать. Может, поймет, наконец, что я не намерена его слушать.

За спиной послышался хруст ледяной корки под быстрыми и на удивление легкими шагами. Додумать я не успела, потому что сзади налетел Грейвс и, схватив за локоть, едва не сшиб на замерзший асфальт. Я уцепилась за его запястье и, крутанув парня вокруг своей оси, обрела шаткое равновесие. Он невероятно резко и быстро отдернул руку.

С недоуменным видом мы смотрели друг на друга. Грейвс часто дышал, открыв рот, из которого вырывались облачка пара. На морозном воздухе щеки покраснелись от бега, а волосы растрепались еще больше, чем обычно.

Только что не стоят дыбом и не сыплют искрами! Впечатляющая картина! Грейвс сильно напоминал кошку с вздыбленной шерстью, которая потерпела фиаско в поединке с воздушным шариком.

— Черт! — наконец-то выговорила я. — Что ты делаешь?

— Я иду с тобой! — объявил он, делая ударение на каждом слове, словно пытался что-то объяснить глупому ребенку. — Ради всего святого, Дрю, не гони меня!

— Смотри, доиграешься — прибьют тебя, дурака. И меня завалят за компанию. Но если уж так хочется, пошли вместе!

Господи, как ему удалось так быстро догнать меня? В голове мелькнула нехорошая мысль, но я отогнала ее в сторону. И без того проблем хватает!

Рывком я высвободила локоть из рук Грейвса. На его лице застыло упрямое выражение.

Ветер дул все сильнее, пробирая до костей. От холода казалось, что даже волосы примерзли к голове, несмотря на многочисленные одежки, которые я напялила на себя, выходя из дома. Они совсем не спасали от холода, не оправдав моих надежд.

— Пойми, я и так влип по уши. — Грейвс стоял, беспомощно опустив руки. — Меня укусило существо, которое не должно реально существовать! И после этого ты просишь меня стать хорошим мальчиком и вернуться домой? Ни за что! Помнишь, я говорил тебе, что в первый раз бесплатно? Так вот, сейчас не первый раз, и теперь придется расплачиваться. Возьми меня с собой, и мы будем в расчете! За тобой долг, слышишь?

— Я тебе ничего не должна! — отрезала я, понимая, что не права.

Если бы я не пряталась в чертовом супермаркете, горячая собака явилась бы за мной домой! Мне просто повезло, что удалось легко расправиться с ней. Грейвс по своей наивности не понимает, что спас мне жизнь, но для меня-то это не секрет!

«Андерсоны всегда платят по счетам, не оставляя долгов, — повторял отец. — Платят без промедления, пока долги не возрастут до небес!»

Ну а ночной гость, стучавшийся в дверь? Он-то знает точно, где я живу!

Он или, может быть, оно.

Желудок скрутило спазмом. А Грейвс молча взирал на меня настороженным взглядом, словно хотел просверлить дырку во лбу. Маленькие кристаллики снега сверкали на волосах, щеки не просто покраснелись, а горели лихорадочным румянцем. Нас обоих трясло от холода.

На Грейвсе даже шарфа не было. Для местного жителя он казался совершенно не подготовленным к холодам.

Не знаю, что делать дальше. В душе я почти согласилась взять его в попутчики, но все-таки еще раз попыталась отговорить от дурацкой затеи.

— Мой папа мертв, — принялась я убеждать Грейвса, удивляясь своему спокойному тону. Будто сообщаю о предстоящем обеде. Слова срывались с губ вместе с белым паром, тут же превращаясь в ледышки, которые с тихим стуком падали на землю. — Прости, что втянула тебя в свои дела. А теперь сделай одолжение, возвращайся домой, пока не поздно.

— Эй, до тебя так и не дошло, что у меня нет родного дома с белым заборчиком и пылающим камином? Мне некуда возвращаться. Я живу сам по себе, как и ты, и уже очень давно. — С тяжелым вздохом Грейвс пожал плечами, выглядя совсем замерзшим и несчастным. — Я запросто мог пройти мимо, когда ты сидела за столом в супермаркете, но не прошел же. Я сам влез не в свое дело и теперь связан по рукам. Так что пойдём, пока я совсем не окоченел! Если, конечно, тебе нечего больше сказать.

Отступив на шаг, я повернулась и пошла вниз по улице. Кто-то из соседей убрал снег с подъездных дорожек к дому, но большинство решило лишний раз не утруждаться. Канавы вдоль тротуаров доверху заполнены тающим снегом, счищенным с дорог снегоочистительными машинами.

Грейвс шел за мной по скрипучему снегу, но я не обращала на него внимания.

«Отлично, Дрю! Какого черта ты тащишь его с собой?! Из-за него ты можешь погибнуть, или он пропадет по твоей милости!» — думала я.

Мы дошли до конца квартала, где Грейвс нагнал меня и пошел рядом. Каюсь, я не отошла в сторону и не убежала. За все время он не произнес ни слова, а мне вдруг очень захотелось, чтобы он поговорил со мной.

Может, разговор поможет отвлечься от страшных, наводящих тоску мыслей.

Кафе, в котором мне не доводилось бывать раньше, оказалось переполненным. Посетители сидели, не снимая теплые зимние куртки и пальто, а от их общего дыхания запотели все витрины. Я молча разглядывала улицу за окном, Грейвс сидел напротив и вертел в руках бумажный стаканчик. Он вольготно вытянул под столом длинные ноги, и время от времени его колено касалось моего, особенно когда я начинала ерзать на стуле.

— Ну вот, — наконец-то произнесла я, когда мне надоело следить за проезжающими за окном кафетерия машинами, и отпила глоток горячего шоколада из своего стаканчика. К сожалению, шоколад успел остыть. — Давай еще раз повторим наш план. Я сейчас пойду вон к тому платному таксофону, закину монетку и наберу номер. Послушаю, кто ответит на звонок, и дальше буду действовать по обстановке. Увидишь, что я повесила трубку, вставай и иди к углу того дома. Там и встретимся. Но если я пойду вдоль дома по той стороне улицы, ни в коем случае не подходи, а садись на тридцать четвертый автобус, езжай домой и жди меня через пару часов. Если я перейду улицу, значит, никакой опасности нет и смело подходи ко мне. Понял?

В ответ Грейвс со страдальческим видом закатил глаза и кивнул головой:

— Понял я, все понял! Играем в Джеймса Бонда, так? Похоже, ты не в первый раз проделываешь подобные трюки. — Он старательно отводил от меня взгляд, пристально вглядываясь в очередь к кассе. Неожиданно Грейвс скривил лицо, будто лизнул кислый лимон. — Ну и воняет же здесь!

С недоуменным видом я пожалала плечами. По мне — ничего особенного: обычная забегаловка с непомерно дорогими сортами кофе, расставленными на полках и хлипких столиках. Перед стойкой толпятся дети, выбирая напитки с нежирными соевыми сливками, без сахара и без пены. Взрослые заказывают кофе с взбитыми сливками, рассчитываются в кассе и выходят из кафе, порой даже не прекращая болтать по сотовому телефону о различных глупостях.

Им и невдомек, что рядом с реальной жизнью существует Истинный мир. Ни один из них ни разу не испытывал страха, от которого стынет в жилах кровь и волосы становятся дыбом.

— Бедняги, они ничего не знают! — произнесла я задумчиво и, отпив еще глоток остывшего шоколадного напитка, осторожно отодвинула от стола свой стул.

Спина по-прежнему ныла, при каждом движении приступы острой боли пробегали по мышцам снизу вверх и обратно.

К кассе подошла упитанная дамочка размером с грузовик, в широкой синей куртке с капюшоном она казалась со спины квадратной. За собой женщина тащила маленького мальчишку лет пяти на вид. Укутанный с ног до головы, бедняжка, судя по всему, собирался прогуляться до Северного полюса. Из носа к верхней губе ползли обильные сопли, и ребенок вытирал их рукавом куртки, которая давно покрылась коркой. С восхищенным видом он разглядывал стенку, пока мамаша разговаривала с уставшей блондинкой за стойкой. Изгиб стены был рассчитан так, чтобы удерживать кофеварки слева от стойки. Восхищенный чудом архитектуры, мальчишка вел по стене рукой в теплой рукавице до тех пор, пока мама не отдернула его назад, вероятно, в глубине души жалея, что на сыне нет строгого ошейника. Маленький бедолага возмущенно ойкнул, но грозная мамаша снова потрянула его, как собака

треплет щенят за загривок. Только в собаке больше доброты и любви к своим щенятам, чем у этой женщины.

Предательский холод сковал все тело и даже внутренности.

— Абсолютно ничего не знают! — с горечью повторила я и пошла к выходу, по пути выбросив стакан с почти нетронутым и совсем остывшим шоколадным напитком в урну.

Морозный воздух окутал горьким привкусом металла. Не иначе скоро опять начнется метель. На тротуаре перед каждым офисом ковром расстилались маленькие гранулы антиобледенителя, похожие на голубую каменную соль. Они скрипели под ногами, как настоящий снег, пока я шла до таксофона. Что телефон работает, знаю точно: по дороге в кафе мне пришло в голову проверить это.

Я поискала в кармане четвертаки и клочок бумаги, на который переписала номер загадочного телефона. Снова мысленно пробежалась по пунктам задуманного плана, чтобы не упустить из виду ни одной детали и предусмотреть все уязвимые места. Хотя и не время думать об этом, но чувствовал ли отец что-либо подобное? Ответственность за себя и за жизнь других людей? Пересохшее горло и готовый в любую минуту взбунтоваться желудок, тревога, острой занозой засевшая в груди и не позволяющая мыслить разумно?

Маленькой девочкой я никогда не сомневалась, что папа умеет делать все. Он тогда появлялся на пороге бабушкиного дома раз в несколько месяцев, иногда весь в синяках, иногда еле волооча ноги. К папиному приезду бабушка пекла пироги и готовила на ужин его любимые блюда. По тому, как она поднималась ранним утром и ставила тесто, я сразу понимала, что приедет отец. Несмотря на то, что в доме отсутствовал телефон, бабушка всегда безошибочно угадывала день, когда на горизонте появится подпрыгивающий на местных ухабах папин грузовичок.

Помню, как на лужайке перед домом, заросшей маргаритками и высокой травой (бабушка не успевала скашивать ее острым мачете, как ни старалась), папа подхватывал меня на руки и кружил, кружил... Я заливисто смеялась и визжала от удовольствия. А чуть погодя папа вел меня в лес и учил стрелять: сначала из пневматической винтовки и одностволки двадцать второго калибра, потом из дробовика и, наконец, из пистолета. Так было в мое двенадцатое лето, за год до смерти бабушки.

Я отмахнулась от грустных воспоминаний и вошла в телефонную будку. Трубка скользила в руках, одетых в перчатки. Правда, в такой адский мороз, пожалуй, никакие микробы не выживут, так что беспокоиться по поводу заражения чужой инфекцией нет смысла. Я сунула в щель монеты, набрала номер и запихала клочок бумаги с телефонным номером обратно в карман.

Дрю, детка, не оставляй никаких следов! Сначала подумай хорошенько, потом действуй!

Сердце учащенно забилося, а к горлу подступил комок, заполняя рот кисловатым предчувствием беды. Я ждала.

Прозвучал длинный гудок вызова. Ну, по крайней мере, телефон не отключен. Два звонка. Три. Четыре.

Наконец-то трубку сняли... но никто не ответил. Вместо ответа сквозь негромкие помехи линии донеслось лишь чье-то тихое дыхание. Превратившись в слух, я отсчитывала секунды. На заднем фоне были слышны неясные звуки, похожие на звуки проезжающих мимо автомобилей.

Одна тысяча один. Одна тысяча два. Одна тысяча три.

Чуть шипящее дыхание, почти срывающееся на негромкий свист — так дышат с открытым ртом.

Одна тысяча шесть. Одна тысяча семь. Одна тысяча восемь.

— Не вешай трубку, малышка! — произнес мужской голос, очень молодой и приятный, но что-то в его словах настораживало.

Может быть, акцент? Или что-то другое?

Меня бросило сначала в жар, потом в холод. Во рту вновь появился слабый привкус искусственных апельсинов с солью.

Одна тысяча девять. Одна тысяча десять.

— Затаилась, мышка? — Последовал короткий неприятный смешок, будто парень на том конце линии глотнул гадкой микстуры. — Отлично! Когда захочешь получить ответы на свои вопросы, найди меня. Угол Берка и Семьдесят второй улицы. Добро пожаловать, малышка!

Одна тысяча четырнадцать. Одна тысяча пятнадцать.

Все! Я повесила трубку, тяжело дыша, отступила на шаг. Мышцы свело от напряжения, еще одна секунда, и я рассыплюсь на части. Господи, да что же это такое?!

Я оглянулась по сторонам. Предупреждающий привкус апельсинов во рту усиливался. Черт! Что еще? Ноги сами услужливо понесли меня от телефонной будки вдоль здания — согласно нашему с Грейвсом плану. Идти было легко, так как под выступами дома попадались заасфальтированные участки совершенно без снега.

Я не стала высматривать Грейвса в толпе и проверять, направляется ли он к автобусной остановке. Парень не промах, не пропадет!

Угол Берка и Семьдесят второй улицы. Нужно срочно найти этот дом. Наверняка на автобусной станции есть карта города. Кстати, и от хвоста с погоней там проще всего избавиться.

Не уверена, что за мной следят, но привкус апельсинов во рту напрасно не появляется. Знаете, иногда обитатели Истинного мира засекают местоположение потенциальной жертвы по телефону. Как говорил папа: «Детка, для телепатов это пара пустяков!» Не зря же мы с отцом придумали собственную систему обозначения безопасных и сомнительных телефонных номеров.

Ну а мне лучше убраться отсюда подальше, чтобы сбить с толку незнакомца, ответившего на звонок. Все-таки номер не отмечен крестиком, как безопасный. Да и не мог говоривший точно знать, что звонила именно я. По крайней мере, будем надеяться, что он начнет гадать, давал ли отец его номер телефона другому охотнику или был ли у него помощник. А вот кто я такая, он не знает!

Будто ты много знаешь, Дрю? Вдруг ты совершаешь непоправимую ошибку?

Ну, кое-что я теперь знала. Например, знала, где устроили ловушку для маленькой глупой девочки. А в любой ловушке, как ни крути, всегда найдется незаметная лазейка, через которую можно вырваться на свободу и выведать, кто устроил всю заварушку.

Конечно, если я проявлю верх осторожности и если не отвернется удача!

Эх, боюсь, что осторожность и удача в этом деле мне не помощники! Я еще совсем ребенок, а здесь нужна уверенная рука взрослого. Черт побери, если некое чудовище превратило в ходячий труп сильного, умного и опытного отца, по силам ли мне с ним тягаться?!

Но я осталась совсем одна и не знаю, что делать дальше?

Беги из города! Выберишься скорее из этого ада!

Ага, уже бегу! Куда я денусь без машины в такую пургу? Так недолго попасть в чьи-то руки или лапы. Нет, бегство — не выход из положения.

Я погрузилась в мысли, потихоньку ускоряя шаг и по-прежнему придерживаясь выбранной стороны улицы. Над головой голубело пронзительное морозное небо, в котором одинокие темно-свинцовые облака казались порождением дьявола, которое охотится за вечностью.

Оглядываться на Грейвса и проверять, выполнил ли он свою часть плана, не стану. Некоторое время ему придется полагаться только на самого себя. Я вернусь домой, когда почувствую себя в полной безопасности.

Вернее, выясню, что не приведу с собой хвост в виде очередной нечисти.

Через две улицы я вышла к автобусной остановке, где внимательно изучила карту центральной части города и нашла пересечение улиц Берка с Семьдесят второй на самой границе с городскими окраинами. В те края ездит только один-единственный автобус. Кинув взгляд на подозрительные облака в небе, я провела пальцем по маршруту в поисках возможных путей для бегства. И не нашла ни одного.

Вот где меня выручил бы грузовичок!

Ну, давай же, Дрю! Нужен план! Напряги мозги и придумай хоть что-нибудь!

Жаль, что расположение улиц такое неудачное. Будь оно немного другим, можно было убедиться, что за мной нет слежки, и вернуться домой, а потом продумать план дальнейших действий...

Неожиданно вспышка острой боли безжалостно сдавила виски. Я только успела судорожно глотнуть ртом прохладный воздух, вздрагивая всем телом, как внезапно появившаяся боль быстро исчезла, оставив после себя тихий звон в ушах. Такой звон обычно возникает, если провести рукой по бокалу с вином. И так же неожиданно вокруг меня установилась гробовая тишина.

С ошарашенным видом я стала оглядываться по сторонам.

Время остановилось, и весь мир замер. В одно мгновение автобусы остановились на полпути, а пар, выдыхаемый прохожими, застыл вязким облаком. Казалось, стоит протянуть руку, и увязнешь в его плотной массе. Какой-то мужчина в длинном черном пальто легким щелчком стряхивал пепел с сигареты, да так и не закончил это занятие, а от сигареты тянулась вверх тонкая неподвижная струйка дыма. Создавалось впечатление, что невидимая рука поставила время на паузу, а мне забыли об этом сообщить.

Над одним из автобусов мелькнуло белое оперение птицы. Я присмотрелась внимательней.

Там, на крыше автобуса, распушила свои перышки белоснежная бабушкина сова, которая подмигивала мне желтыми бусинками глаз. Она кивала головой, будто спрашивая: «Что случилось, хозяйка?»

Я шагнула вперед, но не тут-то было. Движения давались с трудом, будто невесомый воздух вокруг меня превратился в густой сироп. Приходилось идти очень медленно, преодолевая сопротивление плотного воздуха. Три шага, четыре — все ближе и ближе к автобусу с гостеприимно распахнутыми дверьми. Уже виден неподвижный водитель с микрофоном у рта и закрытыми глазами, застигнутый паузой во время мигания.

Внезапно тишина вокруг меня взорвалась, как воздушный шар, и вновь заполнили шум двигателей, голоса прохожих, тихое завывание ветра. В ошеломлении я замерла, не сводя

взгляда с водителя автобуса, а тот как раз договорил свое объявление в микрофон и перевел взгляд на меня.

— Ну что, садишься, малышка? — обратился он ко мне.

Раскрасневшимися щеками и белой длиннющей бородой водитель напоминал старого доброго Санта-Клауса. Пожалуй, только шарф на шее с изображением американского флага и распухшие суставы пальцев выбивались из общей рождественской картины. А сам водитель жизнерадостностью и доброжелательностью внушал такое доверие пассажирам, что вряд ли они пожелают видеть кого-нибудь другого за рулем многотонной махины.

Я вошла в автобус с громко бьющимся от волнения сердцем, предъявила проездной и заняла место неподалеку от выхода. Как показала практика, далеко от водительского места садиться не стоит — можно стать жертвой обколотого психа или карманника. Однако и близко к водителю садиться на сей раз не хочется. Вдруг он заметит, что со мной творится неладное: например, накатит на меня очередная волна дурноты и вытошнит прямо в салоне.

А самочувствие сейчас такое, что и до рвоты недалеко.

С трудом удалось восстановить учащенное дыхание. Несмотря на то, что под курткой и шапкой с меня тек градом пот, зубы по-прежнему выбивали дробь, а по коже бегала орда мурашек. Я скрестила на груди дрожащие руки, внушая, что нисколько себя не жалею. Наконец автобус заурчал и сдвинулся с места. Интересно, сова еще сидит на крыше? И видят ли ее прохожие?

Так и с ума сойти недолго, Дрю!

С другой стороны, меня охватило необычное умиротворение. Бабушка всегда советовала прислушиваться к внутреннему голосу. И если сейчас меня ведет ее сова, стоит ли ломать голову по поводу правильности принятого решения?! Нет, нужно лишь следовать за ней. Как часто раньше приходилось доказывать отцу, что интуиция вовсе не является последствием детских страхов или плодом богатого воображения. Ведь он сам часто повторял, что инстинкты ни разу не подвели меня при выслеживании нежити, которую отец не видел. Ведь обычного человеческого зрения для этого недостаточно... Мне кажется, ни один из взрослых людей не верит в интуицию, даже зная наперед, что за углом скрываются ужасные чудовища.

Странно, но до сегодняшнего дня время не останавливало своего бега и мир не застывал вокруг меня в одном мгновении. И сова никогда не являлась мне при свете дня, оставаясь ночной гостьей из пограничного мира между явью и сном.

Меня передернуло с ног до головы.

Береженого Бог бережет, Дрю! Полученный свыше знак не означает, что тебя ждут впереди сплошь приятные сюрпризы!

Именно так отреагировал бы на появление совы папа. Бабушка скорей всего кивнула бы в ответ, молча соглашаясь с ним, и ее седые брови взметнулись бы вверх, давал понять, что я в сотый раз озвучиваю очевидные факты, которые нет нужды повторять.

Я отогнала нахлынувшую тоску по дому и родным, остро чувствуя свое одиночество. Вкус цитрусов во рту стал понемногу слабеть, особенно когда автобус завернул за угол, скрипя колесами по обсыпанной песком дороге. В глазах кололо от набежавших слез, но я неотрывно смотрела в окно в ожидании следующих событий.

Два часа спустя небо наполовину затянуло свинцовыми тучами, из которых на землю посыпалась мелкая снежная крупа. Во рту опять появился стойкий вкус соленых цитрусов, будто я прогуливаюсь вдоль апельсиновой аллеи. Снова в ушах прозвенел тот самый звон —

словно ударили в гонг и его звук еще не замер. Неожиданно для себя я просигналила водителю об остановке, дернув за шнур. Добавлю, что рука сама потянулась вперед и схватила шнур.

Так всегда происходит, когда следуешь внутреннему голосу. А еще никогда не знаешь, что случится в следующий момент.

— Смотри, не замерзни! — с улыбкой напутствовал меня водитель, когда я проходила мимо.

Он говорил то же самое почти каждому мало-мальски симпатичному пассажиру, покидающему салон автобуса.

Я натянула шапку на глаза и осторожно ступила на ледяную дорогу, надеясь от всей души, что не поскользнусь и не отобью задницу.

Слава богу, обошлось.

Я облегченно вздохнула и огляделась по сторонам. Автобусная остановка с пластиковой крышей была испещрена граффити, а вокруг под темным низким небом громоздились товарные склады и хранилища. Лучи заходящего солнца с трудом пробивались сквозь кучевые облака, скупо освещая кружившие в морозном воздухе снежинки. Стремительно надвигались сумерки, приближался тоскливый вечер. Здесь, на севере, всегда очень рано темнеет зимой.

Поразительно рано и слишком быстро.

Я оглянулась и решила сплюнуть, чтобы хоть как-то избавиться от вкуса апельсинов во рту. Ветер подвывал, швыряя горстями снежную крупу в стены автобусной остановки. Бабушкина сова — белое пятно на фоне темнеющего неба — бесшумно планировала на мягких пушистых крыльях.

Знаете, меня посчитали бы сумасшедшей, вздумай я рассказать хоть малую толику своих сегодняшних злоключений. Вот ответьте, что здесь может делать сова?

Тем не менее я поспешила за ней. Под ногами затрещал покрывшийся ледяной коркой снег, не выдерживая тяжести тела. Тротуары в трющобах не чистят, поэтому пришлось перелезть через сугробы, увязая по колено в снегу. Чтобы перейти дорогу, пришлось преодолеть огромные заносы грязно-серого снега, насыпанные снегоочистительными машинами. На пути опять встретилась высокая, почти по пояс, гора перемешанного с песком снега, а за ней вход в темный узкий переулок, куда бесшумно и уверенно, словно бильярдный шар в лузу, скользнула сова. Переулок окружали заброшенные склады, на одном из которых сохранилась вывеска, довольно потрепанная и залепленная снегом, предлагающая услуги по заготовке мяса от компании «Солнечный свет».

Переулок не занесло снегом только благодаря деревянным перекрытиям и всякой рухляди, наваленной у входа. Прекрасное место для засады, не находите? Особенно в темное время суток, а до наступления сумерек остаются считанные секунды.

Описав круг над моей головой, сова долетела до поворота и скрылась из глаз.

Великолепно! Вот мы и дошли до поворота, ведущего в неизвестность. Будь со мной отец, он давно отослал бы меня в начало переулка, а сам двинулся вперед небольшими перебежками от укрытия к укрытию. Я же иду как на прогулке по бульвару — по самому центру, ни от кого не таясь!

Промозглый ветер со свистом ударял ледяные крупы о ровную поверхность деревянных перекрытий. Там снег таял, и капельки воды скатывались вниз, в темный холодный переулок.

Я сунула правую руку в карман, нащупывая прохладную рукоять складного ножа. Онемевшие на морозе пальцы тут же перестали ныть.

Поворот был завален грудями хлама, за которыми я и притаилась. Потом осторожно высунула голову, изучая открывавшийся из-за угла вид. По крайней мере, там было светлее.

Похоже, опасности нет. Я взглянула вверх — совы не видно. Привкус цитрусов во рту исчез, оставив после себя неприятный холодок, а еще появилось странное чувство, будто за мной следят.

Я скользнула за угол и двинулась вдоль по переулку. Мусора стало меньше, но выглядел он довольно мрачно. Взять, например, стопку отсыревших газет, лежащих на непонятном предмете, похожем по внешнему виду на человеческие останки. Меня передернуло от страха и отвращения, однако при более тщательном осмотре предмет оказался полусгнившим сломанным диваном.

Мусорные контейнеры, видимо, давно не вывозились и стояли заполненные под самые крышки. Мороз разукрасил их металлические стенки букетом загадочных цветов, но от этого они привлекательнее не стали. Я вздрогнула при мысли о том, что контейнеры скрывают в своих недрах, и поспешила пройти мимо. Тем более что в конце переулочка забрезжил свет.

Жмурясь после темного переулочка, я вышла на заброшенную площадку, на дальнем краю которой вытянулся покосившийся забор с кое-где отсутствующими звеньями. Такое ощущение, что я его уже где-то видела. А на противоположной стороне...

Я резко развернулась вокруг своей оси, оглядывая открывшуюся взгляду местность. Так и есть! Вон два знакомых, приткнувшихся друг к другу здания с пустыми глазницами разбитых окон, уставившихся в зимнее небо! Я просто нарисовала их в другом ракурсе. А вот и кривой забор! Не веря глазам, я ахнула от неожиданности громче, чем следовало.

За покосившимся забором стоял припаркованный грузовичок. Наш «форд»! Правда, он оказался погребенным под глубоким снежным покровом, но мне ли не узнать родной автомобиль?! К тому же кое-где из-под снега пробивалась синяя обшивка цвета летнего неба — самого приятного цвета в мире!

— Черт побери! — взволнованно прошептала я.

Угрюмые склады за спиной словно припали к земле. Казалось, в следующее мгновение они поднимутся, расправят покатые крыши и, хромая, отправятся принимать горячую ванну.

Я делаю два робких шага вперед, увязая по колено в снегу. Завывающий ветер, воспользовавшись моментом, тотчас ударяет в спину снежной картечью. Ног под собой не чувствую, так как джинсы ниже коленей промокли и прилипли к телу. Еще шаг, и нога спотыкается о какой-то предмет, скрытый в толще снега. Я лечу головой вперед, и ладони погружаются в холодный снег. Хорошо, что там не оказалось ничего острого.

Ну, ты, Дрю, и молодец!

Я поднялась на ноги и отряхнулась, как собака, от облепившей меня снежной крошки. Хотела выругаться, но не успела: ослепительная вспышка боли пронзила голову, а потом выстрелила в шею и пробежала вниз по ноющей спине. Я издала нечленораздельный звук и, согнувшись, схватилась руками за живот. Ледяной холод обжег лицо.

Сознание с трудом прояснилось, и после некоторых усилий удалось взять себя в руки, хотя из глаз текли горячие слезы. Поднявшись на ноги, я удивилась, что с неба струится яркий свет.

«Иди к грузовику, — спокойно, но настойчиво произнес папин голос. — Иди сейчас же к грузовику! Беги, Дрю, беги же!»

Возражать я не стала и, недолго думая, поплелась вперед, шатаясь на ходу. Ноги от холода совсем онемели, и ускорить шаг не получалось. Однако, как оказалось, я явно недооценила свои возможности и, когда за спиной раздалось глухое рычание, стрелой полетела вперед. В морозном воздухе что-то хлопало, словно развевающийся на ветру флаг, вверх поднимались клубы снега, и ветер свистел в ушах. Я бежала не оглядываясь.

— Ложись!

Отчаянный крик разрезал тишину, и рефлексы сработали, как хорошо отлаженный автомат. Нельзя медлить ни секунды, если слышишь такой приказ!

Я растянулась на снегу и чуть не оглохла от раздавшегося в следующее мгновение грохота.

Дьявол, кто стреляет? Барахтаясь в снегу, я перевернулась на спину, и мир снова на мгновение застыл. Снежинки беспомощно зависли в воздухе, последние лучи заходящего солнца замерли на небе, а надо мной завис в прыжке оборотень с разинутой пастью, из которой до самого заостренного мохнатого уха тянулась тонкая струйка слюны. Глаза разъяренного вервольфа горят, словно угли, а вот белая полоса вдоль заостренной морды кажется очень знакомой. Я отчетливо вижу каждый волосок на косматой шкуре, как и остатки разорванных во время превращения брезентовых брюк, теперь сиротливо болтающихся на узких бедрах. Колени задних лап вывернуты в другую сторону, как у волков, а сам оборотень вытянулся во весь рост во время прыжка. Злобная пасть ощерена в жутком оскале. Не случись остановки времени, разорвал бы меня на кусочки.

Прошла целая вечность, а оборотень по-прежнему неподвижно висел надо мной. Борясь с собственным весом, я пыталась отползти в сторону или хотя бы выдавить из себя застрявший в горле крик, но вдруг мир снова пришел в движение, словно раскололся лед на реке во время ледохода. Что-то ударило оборотня в бок, и он, перекувыркнувшись в воздухе, приземлился с удивительной грацией, взметнув в небо веер снега, а потом заскользил по белоснежной глади.

— Вставай! — снова прокричал тот же голос.

Он звучал не в моем сознании и отнюдь не был похож на папин, но я привыкла выполнять приказы без лишних вопросов — вскочила на ноги, мимоходом обнаружив, что потеряла шапку, и бросилась к заветному «форду».

Спину сковала боль, но я чудесным образом подпрыгнула и умудрилась повиснуть на заборе, который слегка прогнулся под моим весом. Обутые в ботинки ноги скребли по гладкому дереву, пытаюсь найти опору, пальцы судорожно цеплялись за край, и тут снова раздался оглушительный грохот. Определенно, это выстрелы, однако я не стала задерживаться, чтобы убедиться в своей правоте. Страх, подогреваемый хлынувшим в кровь адреналином, одним рывком перебросил не желавшее слушаться тело через забор. Я летела вниз добрых футов пять и, наверное, врезалась в землю еще на один, неудачно приземлившись и чуть не откусив себе кончик языка.

До грузовика оставалось совсем немного, но это расстояние показалось мне самым длинным в жизни. На последних метрах я поскользнулась на льду и пролетела бы мимо двери с водительской стороны, если бы вовремя не ухватила за боковое зеркало. Добежала, вернее, докатилась — вот и славно! Быстро оглянулась, чтобы оценить ситуацию.

Незнакомец припал к земле, крепко прижав ружье к широкому плечу, и целился в меченого оборотня. Мелькнули темные волосы, убранные в аккуратную прическу, и в следующее мгновение снова заговорил дробовик. Взвывшего от боли волка отшвырнуло

выстрелом в снег, который сразу стал алым от крови.

В ту же секунду меня осенила мысль:

«Оружие! Надо достать оружие из грузовика! Где ключи?!»

Я лихорадочно порылась в кармане и вытащила ключи, заодно извлекая на божий свет несколько клочков бумаги и обертку от жевательной резинки. Пальцы дрожали и не слушались. Черт, замок наверняка замерз! Помоги мне Господь!

Ключ послушно вошел в замочную скважину. Я повернула его, и — Господь услышал мои молитвы! — раздался щелчок открывающегося серебряного язычка в дверном механизме замка. Вынув ключи из замка и бросив их на водительское место, я нырнула под сиденье за плоским стальным ящиком.

Ящик предназначен для экстремальных ситуаций. В нем хранятся пистолет, запасные обоймы и пара других «игрушек», которые пригодятся, если случится что-либо непредвиденное. Папа запрещал мне прикасаться к ящику, но разве сейчас за моей спиной не разворачивается вышедшая из-под контроля ситуация?!

Вот опять донеслось злобное рычание, и вырвавшиеся из клыкастой пасти звуки странным образом сложились в слова. Станным — потому что пасть оборотня не приспособлена к человеческой речи. Тем не менее слова звучали почти по-человечески, отчего становилось еще страшнее. Только представьте себе огромную говорящую собаку!

— Да-ва-й, краса-вчик! По-ка-жи, на что ты спосо-бен!

Собака выговаривала слова медленно, с растяжкой, будто властвует над временем. Жаль, не видно этой твари в засыпанное снегом лобовое стекло.

Я открыла ящик и облегченно вздохнула, обнаружив там пистолет «глок» последней модели, а к нему три полные обоймы. Я вставила одну из них в пистолет и дослала патрон в патронник, злясь на непослушные пальцы. Потом выскочила из «форда» и нырнула под водительскую дверку, опустив оружие дулом вниз.

Теперь, когда страх не ослеплял, я заметила в заборе лазейку с острыми краями. Что ж, вполне сгодится, чтобы пролезть девчонке-подростку!

Глазам открылась давешняя площадка, только теперь вся вытопанная. Трава торчала острыми шипами из-под расшвырянного снега. И как успели столько наследить всего за несколько секунд, что я провела в грузовике?

Противники двигались по кругу друг против друга. Незнакомый юноша выглядел не старше меня и ступал по снегу легко, с грациозной плавностью, будто шел по ровной земле. Оборотень прихрамывал, но двигался мягко, оберегая левый бок и время от времени издавая грозный рык, который пробирал до костей и как гвоздем царапал мозг. Светлая метка на остроухой морде была белее снега.

— Я стою у тебя за спиной, — предупредила я своего спасителя, стараясь, чтобы из-за пересохшего горла голос не сорвался на предательский писк.

Взгляд угольно-черных глаз оборотня метнулся в мою сторону, но тут же вновь сосредоточился на незнакомце. Тот специально сделал шаг в сторону, отвлекая внимание зверя на себя.

— Убирайся отсюда, да поскорее! — отозвался юноша, и я не поверила своим ушам.

Или, вернее, глазам.

Незнакомец не оставлял следов на снегу! Абсолютно никаких следов на белоснежном покрове!

— У меня пистолет, — выдавила я с трудом и прицелилась в оборотня, как только

парень сошел с линии огня. С каждым шагом круг, по которому они передвигались, сужался. — Кроме того, у меня к тебе есть несколько вопросов.

Я прицелилась, как учил меня когда-то папа, и положила палец на спусковой крючок.

Снова пошел снег — похоже, скоро начнется метель. Тучи над головой превратились из багряных в свинцово-черные, а солнце почти совсем скрылось за горизонтом.

Вервольф опять зарычал, щеря клыкастую пасть. Горячая кровь капала из раны, окрашивая снег в красный цвет.

От страха ладони в вязаных перчатках, намокших от растаявшего снега, мгновенно покрылись испариной.

Спокойно, Дрю! Не направляй пистолет на того, кого не собираешься убивать!

Оборотень перевел взгляд с незнакомца на меня, и в его глазах мелькнула безумная ярость. Он попятился на два шага, тряхнул узкомордой головой, зарычал, а потом резко развернулся и бросился от нас прочь.

Грянули выстрелы из пистолета и дробовика. Обезумевший от боли зверь взвыл от собственного бессилия. Я целилась в спину и нисколько не сомневалась, что ни разу не промахнулась. А вот от дробовика в бою с нежитью толку маловато. Раненый волк из последних сил заскочил в окно ближайшего склада, и только ветер эхом повторил его яростный рев.

Взметнувшийся в воздух снег не успел улечься, а я уже направила пистолет на незнакомца. Прерывистое дыхание отзывалось болью в грудной клетке.

Он опустил дробовик и искоса посмотрел на меня. Глаза у парня оказались голубыми, почти такими же, как у меня, только более холодного оттенка. Цвета безоблачного зимнего неба. Я только и успела разглядеть глаза, когда солнце совсем ушло за горизонт и на землю опустились сумерки, в которых тускло светились городские огни. Впрочем, в полумраке профиль молодого человека не казался таким резким.

— Кто ты такой, черт побери? — Я надсадно кашлянула, но пистолет не дрогнул в руке. По шее за воротник стекал тоненькой струйкой пот, а на лицо упали непослушные локоны, выбившиеся из косички. — Почему ты мне дал тот адрес и посоветовал ехать через весь город?

И откуда у отца появился твой номер телефона?

Незнакомец хранил молчание, склонив голову, словно прислушивался к завываниям ветра. Секунд через пятнадцать он, наконец, ответил:

— Нам лучше уйти отсюда. — Вновь между словами следует странная пауза. — Это его старое убежище, и он может в любую минуту здесь снова появиться. А рано или поздно сюда прискачут и его зверушки.

Что значит «нам лучше», парень? И чьи это зверушки прискачут? Вот уж никогда не слышала, чтобы оборотень превратился в чью-то зверушку?

— Кто ты такой? — Я разглядела тень, падающую от его фигуры, и на душе немного полегчало.

Однако по-прежнему вызывали тревогу его следы, вернее отсутствие оных на снегу. Господи, что же это творится?

Тем временем меня удостоили очередным взглядом исподлобья и долгожданным ответом:

— Меня зовут Рейнард, Кристоф Рейнард к вашим услугам. Рад знакомству и надеюсь, юная леди, вы умеете водить автомобиль?

Я стала пятиться назад, прощупывая ногой каждый шаг. Ботинки с хрустом проламывали ледяную корку до самой земли.

— Конечно, я умею водить. У меня и разрешение есть, и права.

Точнее, два набора поддельных документов с правами на случай, если надо выглядеть старше, чем я есть на самом деле.

— Тогда, возможно, вам стоит убедиться, что эта штука заведется? — Он стоял неподвижно и не сводил взгляда с дыры в стене, в которой скрылся меченый оборотень. Да он, кажется, даже не запыхался, только уголки рта скривились в ироничную усмешку. — Видите ли, из-за мороза аккумуляторы могут разрядиться.

Так сказал бы папа, будь он жив.

— Кто ты такой? — повторила я в очередной раз свой вопрос.

— Я уже имел честь представиться. — Видимо, решив, что оборотень больше не представляет угрозы, Кристоф отвернулся от склада и опустил дробовик. — Вероятно, серебряные пули отравят Пепла раньше, чем он доберется до своих и наябедничает на нас, но особо не рассчитывайте на подобное везение. Все-таки вам следует завести грузовик, Дрю.

Я подпрыгнула от неожиданности. Какого черта?

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Парень лишь слегка кивнул головой, будто мой невольный вырвавшийся вопрос только подтвердил его догадку. Я мысленно обругала себя. Отлично, Дрю! Попала в расставленные сети самой известной ловушки с сотворения мира!

— Мне многое известно о тебе.

Он действительно выглядел человеком хорошо осведомленным.

А снег все падал и падал, снежинки уже стали величиной с монетку и покорно кружились в водоворотах усиливающегося ветра.

— Знаю, что ты должна ходить в школу, — продолжил тем временем Кристоф. — Знаю, что ты осталась совсем одна и что очень напутана. Если застрелишь меня сейчас, вопросов без ответов станет еще больше. Поэтому езжай-ка пока домой.

Нет, я так легко не сдамся, не надейтесь.

Или отец по забывчивости (а такое даже представить невозможно!) не отметил безопасный контактный номер условленным крестиком, или стоит надавить на парня и выведать, что ему еще известно. Если Кристоф растворится сейчас во мраке, вероятно, наши дороги больше не пересекутся, хоть сотню раз названивай ему по найденному номеру.

— Что ты сделал с моим отцом?

От напряжения руки дрожат, но по-прежнему не выпускают пистолета.

— С твоим отцом? — Кристоф смерил меня горящим взглядом голубых глаз.

Тут мое внимание привлек его не по погоде выбранный наряд: простая черная толстовка с длинными рукавами и обыкновенные джинсы. Снежинки падали на непокрытую голову, тая на темных волосах и длинных ресницах. Громоздкие ботинки залеплены снегом, несмотря на то, что юноша, словно бестелесный дух, стоит на ледяном насте. Слева — белая полоса, наверное, он кувыркнулся или упал на снег левым боком.

— Я предупреждал твоего отца, чтобы он в одиночку не ввязывался в это дело. Ему сильно повезло, что удалось подобраться так близко. А знаешь, что я ему говорил? Езжай домой, закрой покрепче двери и оставь ночь для нас!

У меня чуть челюсть не отвисла от удивления. Глаза у Кристофа действительно

светились, будто беспросветную темноту пронзили два лучика фосфоресцирующих огней. А когда он широко улыбнулся, показывая зубы по цвету белее снега, уже ровным слоем скрывшего поле недавней битвы, моему потрясенному взору открылись клыки. Такие часто продаются в наборах для Хеллоуина, но те, что я увидела во рту у Кристофа, вовсе не выглядели игрушечными! Верхние и нижние клыки были явно настоящими и очень длинными, а передние резцы имели чуть измененную форму, наверное, для того, чтобы легче было хватать жертву, разрывать ей шею и пить горячую кровь!

— Вот черт! — прошептала я, потеряв от страха голос, и отпрянула назад. Вас никогда не посещало чувство, что мышцы буквально отрываются от костей?! Именно такой ужас испытывала сейчас я, едва слышно лепеча: — Ты... ты... один из них...

— Я Курос! Дампир! — произнес Кристоф и гордо вскинул подбородок, будто называл знатный титул или почетное звание. На волосах, словно напомаженных бриолином, мерцали всполохи загадочного света. Потом парень снисходительно добавил: — Ты беззащитна перед его мощью. Уезжай отсюда!

Беззащитна, черт возьми! Я нервно сглотнула слюну, отдающую горьким металлом. Он настоящий вампир! Дрю, вали отсюда, пока не поздно!

Но я упорствовала:

— Расскажи, что случилось с отцом!

Я не сводила с Кристофа глаз, хотя очень хотелось рассмотреть здания за его спиной. Где-то в этих складах тянется длинный бетонный коридор, который я видела во сне, и там, за стальной дверью, наверное, скрывается нечто или некто, виновное в смерти отца.

Но так ли мне хочется встретиться с ним лицом к лицу?!

Кристоф улыбнулся еще шире, выставляя напоказ хищные клыки, — так в момент опасности оскалывают пасть звери.

— Поговорим в другой раз, — предложил он. — Скоро мы снова встретимся. А теперь езжай домой, дитя, и запири покрепче дверь.

Вдруг раздался громкий звук рвущейся бумаги, и Кристоф просто исчез, а снег вокруг взметнулся в воздух фонтаном ледяных комьев. Я испуганно закричала и выстрелила в странный сгусток непонятого происхождения, летящий в воздухе в моем направлении. Он пролетел так близко, что едва не коснулся щеки и выбившихся из прически кудряшек, и, прежде чем упасть на снег, отозвался зловещим смешком. В лицо пахло жарким дыханием и запахом печеных яблок.

Я потеряла непонятое существо из виду, кинувшись к арочному входу или выходу с площадки. Наверное, тут была когда-то подъездная дорога к складам, ныне скрывшаяся под снегом. Слюна во рту стала кислой, с привкусом горьких апельсинов, разъедающим язык. Я с трудом сглотнула ее, понимая, что нужно немедленно выбираться из этой дыры.

Но уходить, не найдя жуткого коридора, привидевшегося во сне, не хотелось. Вдруг там остались другие вещи отца?!. Правда, сейчас не слишком подходящее время для поисков.

Я пробежала мимо грузовика к тому месту, куда улетело неведомое существо. В воздухе ощутимо пахло яблоками с корицей, но промозглый зимний ветер одним порывом развеял запах. В нескольких футах от заднего бампера грузовика ноги утонули в снегу и неожиданно наткнулись на гравий. И еще один добрый знак! На белом снегу алым веером блестели капельки крови.

Я попала в цель! Что бы это ни было!

А теперь самая пора смываться из этого ада!

Дорога домой стала очередным испытанием. Со скоростью пять-десять миль в час я пробивалась сквозь бушующую метель. Грузовик лязгал цепями, буксуя на льду и увязая в каше из подтаявшего снега и грязи. Снежинки кружились белыми хлопьями в свете фар грузовика, ложась тонким скользким слоем на дорогу. Все тело была дрожь, и я никак не могла согреться, несмотря на обогреватель, включенный на полную мощность.

На подъездную дорогу, ведущую к дому, грузовик свернул только в девять вечера, и я, сделав невероятный «полицейский» разворот, умудрилась удачно припарковать машину. Думаю, мой трюк не смог бы повторить даже самый заядлый лихач.

В доме во всех окнах горел свет, его теплое золотистое сияние пробивалось сквозь тонкие занавески. Не успела я дойти до крыльца, как зубы вновь застучали от холода.

Шторы в гостиной были плотно задернуты, но за ними угадывалось какое-то движение. Я искренне надеялась, что это Грейвс, однако рука сама потянулась в карман и инстинктивно сжала рукоятку складного ножа. На секунду я задержалась на крыльце, рассматривая входную дверь, перед которой за день до меня стоял ночной гость. От этой мысли по спине пробежал холодок. Почему-то казалось, что воспоминание принадлежит вовсе не мне, а незнакомому пришельцу из иного мира, живущему совсем в другом измерении.

Щелкнули засовы, и у меня перед носом распахнулась дверь.

— Боже правый! — воскликнул Грейвс. — Где тебя носило? Чья это машина? Объясни, что стряслось?

Облегченно вздохнув, я выпустила из руки рукоять ножа. И вдруг при виде Грейвса меня охватила такая неопишуемая радость, что даже стало не по себе. Ведь он вернулся и ждал именно меня! Значит, дом больше не будет холодным, заброшенным и таким одиноким! К тому же Грейвс прав: никто в супермаркете его за руку не тянул и не заставлял меня опекать. А он не только опекал, но искренне заботился и волновался обо мне.

Кстати, поводов для волнений было предостаточно. Сейчас, например, я наверняка похожа на выходца с того света или обитателя преисподней, что, в общем, одно и то же.

Под ногами скрипнуло крыльцо. Я молча подняла глаза на Грейвса, тщетно пытаюсь справиться с обжигающей резью в глазах. В конце концов, она прорвалась наружу бурным потоком слез.

— Вот черт! — выругался Грейвс и выскочил, как был, в одних носках на мокрое крыльцо, схватил меня за руку и затащил в долгожданное тепло.

Пока он закрывал дверь и возился с замками, я в изнеможении прислонилась к стене и закрыла глаза.

— Нам надо поговорить, — с трудом выдавила я.

— Неужели? Ну наконец-то. — Слова Грейвса могли бы показаться оскорбительными, вложи он в них больше сарказма и ехидства, а так они прозвучали обыденно и вполне безобидно. — Что, черт возьми, случилось?

— Это папин грузовик. — Лихорадочная дрожь теперь накатывала волнами. — Я нашла его. А еще я н-нашла парня, который отвечал по телефону. Ему что-то известно.

Грейвса, казалось, новости не слишком впечатлили, его скорее тревожил мой внешний вид:

— Ну, первым делом надо переодеться. Смотри, с тебя ручьем течет вода и портит ковер.

Господи, ведь Грейвс ничего не знает. Как мне рассказать о меченом оборотне и незнакомом парне, который стоит на снегу, словно на ровной танцевальной площадке, не оставляя следов? Об этом не поведаешь в двух словах даже тому, кому случалось переступить темные границы Истинного мира!

Как объяснить Грейвсу, что в незнакомом юноше на самом деле от человека осталось гораздо меньше, чем в оборотне, который покусал его, искромсав клыками все плечо. Этот юноша вовсе не безусый подросток, он наверняка старше любого человека, живущего на земле. И вполне вероятно, именно он и превратил моего отца в зомби, а теперь на очереди я! Если, конечно, мне не удастся придумать очередной сногсшибательный план!

Только зачем ему понадобилось превращать отца в зомби? Вообще-то вампиры не единственные твари, способные превращать людей в ходячие, вечно голодные трупы. Постоянно натыкаешься на зомби, поднятых колдовством вуду или черной магией. Существует множество способов, позволяющих поднять окоченевший труп и подчинить своей воле.

Вампиры любят поиграть со своими жертвами, и превращение людей в зомбированные игрушки — одна из их излюбленных шуточек.

Вампиры разделяются на кланы, но для охотников они навсегда останутся кровососами, носферату и «проклятыми бессмертными ублюдками». Вампиры, пожалуй, единственные из обитателей Истинного мира, которые в случае опасности забывают о межклановых распрях и личных симпатиях, объединяясь в сплоченные ряды, чтобы вместе разделаться с врагами. Ходят слухи, что в поисках вампирских гнезд иногда наравне с людьми участвуют оборотни. Вампиры и оборотни враждуют с незапамятных времен, и никто не знает истинных причин их взаимной ненависти.

Но почему оборотень, горящая тварь и вампир затеяли охоту на отца и на меня?

Головоломка, которую я безуспешно пыталась решить уже на протяжении нескольких часов, не давала покоя. Теперь, когда я не сидела за рулем и не было нужды сосредоточивать внимание на дороге, я безуспешно билась над этим вопросом. Зачем отцу понадобился телефонный номер вампира? На кого или что охотился папа? На этот раз он ни словом не обмолвился о предстоящей цели охоты, а ведь обычно просил помочь в поисках информации или места обитания нежити.

Если папа охотился за вампиром и просто хотел обезопасить меня, то почему не предупредил о грозящей опасности и не оставил надежный контактный номер? Зачем он взял меня с собой в этот городишко, ни словом не обмолвившись о цели приезда?

Я молча стояла, разглядывая коробки, сваленные в гостиной. В доме пахло чем-то красным, кажется, помидорами и пряностями. Обеспокоенный моим молчанием Грейвс неловко обнял меня за плечи:

— Послушай, я тут приготовил спагетти. Перед этим, правда, заезжал в торговый центр и забрал кое-что из своих вещичек. Дрю, может, сначала приведешь себя в порядок и переоденешься в сухое? А потом расскажешь, что приключилось. Ты, наверное, совсем заледенела от холода.

Да, я вся заледенела, и вечерний мороз за окном тут ни при чем.

Меня трясло от внутреннего холода, пробирающего до костей. Окоченевшее тело и непрекращающийся шум в голове — лучше не придумаешь! Хотя нет, оказывается,

придумать можно еще и не то. К гулу в голове прибавились возникшие после сегодняшней встречи вопросы, которые не давали покоя с того момента, как я завела грузовик.

Еще раз подумай, Дрю! Будь внимательней!

Кровососы способны зомбировать людей. И я это знаю. Как правило, первый вопрос, возникающий при встрече с зомби, прежде всего касается способа, с помощью которого его вернули к жизни. Было ли это колдовство вуду, или причина кроется в неправильном погребении? Толи вампиры, толи кто-то другой оживляет трупы, шаркающие по темным улицам?

Если дело только в захоронении за оградой освященного кладбища, проблема решается легко и быстро. Если мертвецов оживила черная магия, следует искать колдуна. Наверняка это он подчинил трупы своей воле, заставил ходить и убивать людей.

Если разлагающихся мертвецов поднимает из могил вампир, решивший превратить в зомби убитых им людей, считайте, что вы уже на том свете. Правда, еще может помочь шальное везение и группа поддержки. У меня не было ни того, ни другого.

— Дрю, слышишь? — потряс за плечо Грейвс, возвращая меня в реальный мир. Он озабоченно заглянул мне в лицо, нахмурил брови и добавил: — Дрю, у тебя такой вид, будто ты повстречала привидение. — Тут он сообразил, что ляпнул глупость, и смущенно усмехнулся. — Наверное, так и есть, правда?

Даже не представляешь, как ты близок к истине, парень! Наконец-то я нашла силы ответить:

— Ага, ты абсолютно прав. — Пришлось собрать последние силы и отойти от него на пару шагов. Наткнувшись на подвернувшуюся под ноги коробку, я скривилась от боли. — Пойду переоденусь. Знаешь, я бы сейчас с удовольствием поела спагетти.

— Вообще-то это скорее рагу, — пожал плечами Грейвс. — Бросил на сковородку все, что нашел в доме. Нагреть тарелочку?

Овощное рагу, на совесть сдобренное чесноком, было любимым блюдом отца. Бедное сердечко сжалось в груди от боли.

— Пожалуйста.

Желудок устал урчать, несмотря на то, что часами обходился без еды. За это время он привык к всевозможным перипетиям и превратился в неприступную цитадель.

Лицо Грейвса прояснилось. Он отпустил мою руку и робко улыбнулся:

— Отлично! Я так за тебя волновался.

А знаешь, я тоже. Также волнуюсь за себя. Я ведь теперь все равно превратилась в живой труп. Мне не справиться в одиночку с вампиром. Он поиграет со мной, а потом... Вот она, суровая правда жизни!

— Я тоже, — глухо произнесла я вслух.

Я доплелась по коридору до лестницы и поднялась в спальню, там, с трудом сбросив с себя промокшую одежду, через силу натянула сухие джинсы с футболкой. Каждое движение вызывало приступ острой боли в спине, пострадавшей в очередной раз. Ссадина на голове от удара о край фонтана ныла, ребра в груди ломило. Пришлось изрядно поворочаться в кровати, чтобы найти удобную позу и избавиться от мучительной боли.

Я лежала неподвижно, пытаюсь продлить миг блаженства как можно дольше, и слушала фальшивое пение Грейвса, доносившееся с кухни. Прежде чем уснуть, я успела-таки плотнее укутаться в одеяла и пожалеть по поводу несостоявшегося ужина и недооцененных усилий Грейвса.

Потом меня сморил тяжелый сон.

Я редко вижу сны о маме.

А если вижу, то обычно один и тот же.

Над детской кроваткой склоняется мама, ее лицо круглее луны, а сиянием сравнится только с солнцем (может, так кажется, потому что я еще совсем маленькая). От маминых волос пахнет цветочным шампунем, гладкие блестящие локоны волной падают на грудь, где мерцает серебряный медальон на цепочке.

В красивых темных глазах, как и на всей левой половине лица, залегла тревожная тень. Будто в ясный погожий денек внезапно начался ливень и солнечный свет в окне вдруг потускнел.

— Дрю, — произносит она ласковым, но настойчивым тоном. — Просыпайся, милая.

Я тру ладошками глаза и зеваю.

— Мамочка?

Мой голос звучит глухо. Иногда это голос двухлетнего ребенка, а иногда девочки постарше, но всегда удивленный, тихий и сонный.

— Вставай, Дрю, — говорит мама и, протянув руки, поднимает меня с негромким оханьем, будто не веря, что ее дочь так выросла.

Я уже большая девочка, и меня не надо носить на руках, но так хочется спать, что я не спорю, а лишь погружаюсь в тепло маминых объятий, прислушиваясь к учащенному ритму ее сердца.

— Я люблю тебя, солнышко, — шепчет она, касаясь губами моих волос.

Мама окутывает меня запахом свежее испеченного печенья и тонким ароматом духов.

В этом месте сон развеивается. Я слышу чьи-то шаги или, вернее, биение пульса. Сначала тихое, но потом все громче, и с каждым новым ударом ритм учащается.

— Я так люблю тебя, детка, — повторяет мама.

— Мамочка... — Я склоняю голову ей на плечо.

Она несет подросшую дочь на руках. Когда мама ссаживает меня на пол, чтобы открыть дверь, я не протестую.

Мы спустились вниз в чулан. Я не помню, откуда мне это известно. Мама останавливается перед непонятным квадратным отверстием в полу, где уже в одеялах и на подушке с родительской постели лежат несколько моих мягких игрушек. Меня снова сжимают в крепких объятиях, а потом усаживают в подпол, и тут впервые накатывает беспокойство.

— Мамочка?

— Мы поиграем в прятки, Дрю, солнышко. Ты спрячешься здесь и подождешь, пока отец не вернется домой с работы.

На обычную игру не похоже. Раньше я пряталась от папы в чулане, чтобы напугать его, но не среди ночи и не в тесной дыре в полу, о существовании которой я даже не подозревала. Никогда!

— Мамочка, не хочу так играть, — лепечу я, пытаясь выбраться из подпола.

— Дрю! — Мама больно хватает меня за руку, но потом ослабляет хватку. — Солнышко мое, нам нужно сыграть в эту особенную новую игру. Спрячешься здесь в чулане, и, когда папа придет домой, он обязательно найдет тебя. А теперь ложись и будь хорошей девочкой!

Я не хочу прятаться в чулане и хнычу: «Не буду, не буду!»

Но я послушный ребенок, поэтому устало сворачиваюсь калачиком на дне темного теплого подпола. А тень на мамином лице становится глубже, только мерцают во тьме глаза, и почему-то вместо карих они приобретают цвет голубого летнего неба и больше не смеются. Мама заботливо укрывает меня одеялом и улыбается одними губами, пока я в изнеможении не закрываю глаза. Сон еще не сморил меня. Сквозь дремоту я слышу, как она закрывает люк подпола, и вокруг становится совсем темно. Однако в подполе пахнет мамой, и потом я так устала. Издалека до меня доносится далекий, еле слышный звук — это закрывается на замок дверь в чулан.

Перед тем как сон улетучивается, я слышу мерзкий, пробирающий до костей зловещий хохот, будто кто-то подсмеивается надо мной и пытается говорить, набив рот острыми лезвиями. Чувствую, что мама рядом, но ее охватывает отчаяние. Вот-вот случится что-то непоправимое.

Занятия начались через два дня после описанных событий, а накануне Грейвсу удалось таки уговорить меня пойти в школу. Он уже исчерпал все доводы, когда после очередной перебранки я неожиданно сдалась.

Да какая разница, черт побери? Я все равно не жилец, и остается только ждать следующей встречи с голубоглазым юношей. Господи, мне только шестнадцать лет! Во дворе стоит отцовский грузовик, но если я сбегу из города, то погибну на одной из автострад. Увижу ночью в зеркале заднего вида зловещую тень, а может, из-за снежных заносов автомобиль вылетит в кювет, где мне и разорвут горло.

Это всего лишь вопрос времени.

Так почему не послушаться уговоров Грейвса и не отправиться за компанию с ним в школу?

По крайней мере, выберусь из дома, а то надоело слоняться без дела в четырех стенах. Осточертело нервно вздрагивать всякий раз, когда взгляд останавливается на пятне, оставшемся на ковре в гостиной от разложившегося зомби, и огрызаться, когда Грейвс уговаривает меня поесть. Я сделала лишь одно стоящее дело, когда отнесла в грузовик специальный обогреватель для автомобилей. Так что теперь двигатель не замерзнет, даже если гаражная дверь плохо закрывается и не защищает от морозов. Все остальное время я бродила по дому с безумными глазами и пялилась на самые обычные предметы, будто видела их впервые в жизни.

На ночь я устраивалась в гостиной и поднимала шторы. Опершись спиной об стену, наблюдала за заснеженной пустошью, в которую превратилась лужайка перед домом. Скоро я начинала клевать носом, но старалась всячески себя расшевелить, чтобы не уснуть. Проведя за подобными занятиями первую ночь, я решила, что пистолет лучше не держать в руках, а положить рядом. Утром ко мне опять пристал Грейвс со своими уговорами о школе, наверное, считая, что от сидения дома у меня помутилось в голове. Я грубо его оборвала, попросив заткнуться и не лезть с дурацкими советами.

Не хватало духу признаться, что он живет под одной крышей с человеком, на которого положил глаз вампир. Да и зачем Грейвсу знать о моих проблемах? Я даже пыталась отправить его обратно в торговый центр, хоть куда-нибудь — лишь бы подальше от меня. Рядом со мной теперь небезопасно, однако Грейвс с завидным упрямством игнорировал все недвусмысленные намеки. И что прикажете делать? Побить его, что ли? Это можно, только жаль зря расходовать силы.

От смертельной усталости я валилась с ног, а в школе, в светлое время суток, когда меня окружают люди и опасность не так велика, я надеялась хоть немного поспать.

Впрочем, у миссис Блетчли имелись иные планы на мой счет:

— Вы с нами, мисс Андерсон?

Я задумчиво взглянула на школьную доску. А ведь вопрос действительно резонный! Была ли я с ними? Нет, и, похоже, уже никогда не окажусь в одной компании с нормальными людьми. В классе, пожалуй, найдется парочка ребят, обладающих «даром», как говорила бабушка. Возможно, найдутся ученики, которые хоть раз столкнулись с чем-то необъяснимым из области фантастики, но наверняка они все забыли, как только...

— Мисс Андерсон?

Блетчли ликовала. Глаза учительницы хищно бегали под линзами очков, а пальцы в предвкушении грядущего развлечения яростно теребили край голубого жакета с вывязанными розами.

Перед глазами мелькнули наполовину изъеденное лицо отца и торчащие кости на полусгнивших пальцах рук. Алая кровь на снегу и ноги в громоздких ботинках, легко стоящих на ледяном насте и не продавливающих его. Хищный оскал меченого оборотня и шипение, следовавшее после приземления горячей твари в фонтан, мерзкий запах серы в воздухе...

— Нет, — наконец-то ответила я. — Наверное, я от вас далеко, Блетч.

Сидящий передо мной Грейвс как-то сразу съежился на стуле, видимо, желая превратиться в невидимку. Я даже расслышала, как он прошептал: «Черт бы тебя побрал!» — и мысленно с ним согласилась. Но я слишком устала, чтобы спорить с Блетч. Все тело ноет, как после побоев, а глаза зудят, будто кто-то сыпанул в них горсть песка.

Ошеломленный шепот пробежал по классу. Блетчли собралась с силами и открыла рот для обвинительной речи, но я уже проснулась. Сон улетучился мгновенно, не так, как на первых двух уроках, когда я, склонив голову над партой, отключилась от окружающего мира.

— Собственно говоря, — продолжила я ровным голосом, — сама удивляюсь, почему здесь сижу и слушаю ваши бредни? Ведь совершенно ясно, что вы ненавидите подростков. Для вас настоящая жизнь начинается в двадцать один год, когда можно купить сигарет и пива, не нарушая закона. Я в курсе, что вы нас просто боитесь.

— Мисс Андерсон... — начала Блетч, но я уже не могла остановиться, и слова вылетали изо рта, несмотря на тоненький голосок, звучащий в голове и настоятельно советующий оставить собственное мнение при себе, пусть оно и верное.

Мне всегда казалось, что взрослые прислушиваются к голосу здравого смысла. Интересно, останавливался ли отец на полуслове, пытаюсь скрыть от меня свои настоящие мысли? Что он мне не досказал?

Я снова открыла рот, еще не зная, что скажу противной Блетч:

— Может, вы полагали, что учить детей — плевое дело! Дали вам класс беззащитных сопляков, над которыми вы теперь с наслаждением издеваетесь. — Я схватила сумку, потянула ее к ногам и чуть не перевернула парту. При этом хорошо приложила бедром о край парты. Что ж, значит, к имеющимся ушибам и ссадинам добавится еще один синяк. Очень скоро меня навестит юноша-вампиры, и я уже ничего не почувствую. Так что можно выложить Блетч всю правду: — Каждый год приходят новые ученики, и вы всех их безжалостно третируете. Потому что у вас есть власть, так?

— Сидеть! — гневно выдохнула она.

На щеках выступили белые пятна, будто их напечатали чернилами, которыми делают отметки на руках людей, заплативших за вход в клуб.

Садиться я не собиралась, и, кажется, Блетч тоже это поняла, однако от своих намерений не отказалась.

— У учителей вся власть, а нас никто не слышит. Мы ведь всего лишь дети. Кто станет нас слушать?!

Я перекинула через голову лямку сумки. Она сегодня была тяжелее, чем обычно, из-за спрятанного в ней оружия. С обеспокоенным видом Грейвс заерзал на стуле, его волосы всколыхнулись, а плащ зашуршал.

Блетч, кипя от злости, снова открыла рот, чтобы заставить меня замолчать и сесть на

место. Если сейчас уступить, бунт подавят в самом зародыше. Именно на это и рассчитывают строгие учителя. Они давят на учеников своим взрослым авторитетом, не допуская протестов и возражений.

Ярость в груди полыхала, словно костер, в который подбросили дров, и языки пламени приобретали очертания остро заточенного смертоносного клинка. Вот так всегда и бывает: для взрослых главный аргумент — зрелый возраст, и приходится бедным подросткам сидеть и молчать в тряпочку, потому что до совершеннолетия и до настоящей, взрослой жизни еще далеко! Вас могут подобрать или уронить, как игрушку, забыть или вообще бросить...

— Не дождетесь! — закричала я, не давая Блетчли вымолвить ни слова. — Вот увидите, все дети, которых вы когда-то запугали, обязательно вернуться, чтобы сказать, как они вас ненавидят, и тогда, надеюсь, вы захлебнетесь в своем собственном яде.

Я не сразу поняла, что кричу во весь голос, пока не услышала свое срывающееся на всхлипы дыхание. Все бы посмеялись над моей выходкой, если бы вдруг Блетч не сделалось плохо. Глаза вылезли из орбит, тело изогнулось. Одной рукой она уцепилась за край парты, а другой схватилась за горло, из которого вырвался глухой каркающий звук.

Первой закричала маленькая брюнетка в среднем ряду. Кажется, ее зовут Хизер, она часто разгуливает на переменах в форме группы поддержки. Не понимаю, зачем она притащилась на занятия по снежным сугробам. Сейчас прелестное личико Хизер перекоилось от испуга, и она завизжала так, что с успехом могла бы заглушить паровозный гудок. От пронзительного визга Хизер ребята за партами вздрогнули, и брюнет-качок с бычьей шеей тоже начал ей вторить, но как-то по-девчоночьи тонко, что совсем не соответствовало его мужественной внешности.

Я закрыла рот и взглянула на учительницу. Блетчли сложились пополам, как тряпичная кукла, и упала на колени. Ее лицо приобрело синюшный оттенок, правда, глаза больше не вылезали из орбит и вернулись в нормальное состояние. Вокруг кричали перепуганные ученики, а у меня в затылке вдруг зазвенел еле слышный тревожный сигнал.

Я перевела взгляд на белую школьную доску, которая держалась всего на паре болтов и тряслась мелкой дрожью, ударяясь о стену. В следующее мгновение она со страшным грохотом рухнула на пол, а посередине пробежала длинная зигзагообразная трещина.

Из меня будто выпустили рвущийся наружу пар, одним движением открыв вентиль, и сразу наступило сладкое чувство облегчения.

Блетчли по-прежнему ловила воздух ртом, упав на бок, но лицо понемногу приобретало естественный цвет. В заднем ряду у кого-то началась рвота. Вдруг голова резко склонилась набок, будто мне отвесили звонкую оплеуху, даже щека заныла. Воздух загустел и наполнился электричеством, став горячим и влажным, как перед надвигающейся летней грозой.

В классе поднялся переполох, ребята испуганно повскакивали со своих мест, кто-то истерично кричал, и только Грейвс по-прежнему сидел неподвижно за партой. Его глаза горели зеленым пламенем, а серебряная сережка в ухе мерцала, словно ночная звезда в небе. В изумлении парень приоткрыл рот, будто ему только что в голову пришла замечательная идея, и он старательно обдумывает ее, забыв про все на свете.

Я повернулась к классу спиной и, еле передвигая дрожащие, словно после пятимильной пробежки, ноги, направилась к двери. Поднявшийся переполох усилил новый пронзительный звук — это раздался школьный звонок, раньше положенного времени возвестивший о конце урока. Странное совпадение, не находите?

Зубы стиснулись сами собой, и, жалко всхлипнув, я вышла из класса.

Я успела отойти от школы на четыре квартала и шла, не замедляя шага, когда в мою куртку неожиданно вцепился Грейвс, попутно прихватив несколько прядей волос, и дернул назад. От резкого рывка я бы обязательно упала, не придержи он меня, но поскольку времени на перегруппировку не было, мы оба неуклюже завалились в кучу грязного снега, которую сгребли со всей улицы. Ни шапки, ни шарфа на мне не было, и холодный снег обжигал ладони, пока я пыталась подняться на ноги и справиться с запутавшейся лямкой сумки. А рядом барахтался Грейвс, изрытая тихие ругательства, из которых я лишь слышала: «...какого черта ты сделала это?»

— Знаешь, — обратился он ко мне, выбираясь из слежавшейся кучи снега, словно неваляшка, — с тобой не соскучишься! Сначала кусает оборотень, потом меня бьют, привязывают к кровати и водят по всему городу, как Джеймса Бонда, а теперь из-за тебя чуть не задохнулась идиотка-училка! Ничего не скажешь, умеешь ты придать нашей скучной жизни яркие краски!

Что я могла ему возразить? С одной стороны, учительницу и пальцем не тронули, с другой — это не имеет значения. Ведь я желала ей всяческих неприятностей, а значит, навела порчу. Так это называла бабушка, добавляя, что имеющие «дар» должны держать в узде свои желания! Я хорошо снимаю сглазы и порчу, но сама наводить их на людей не пробовала, потому, что бабушка не хотела и слышать об этом. Тем не менее, она частенько говаривала: «Не умеешь сглазить, не сумеешь и вылечить». Обычно это происходило, когда к нам в очередной раз наведывались представители окружной налоговой полиции с претензиями по налогу на имущество.

«Порча — это крайнее средство, Дрю! Не забывай об этом, девочка моя!» — неизменно добавляла она.

Бабушка не зря считала, что «крайнее средство» может принести как пользу, так и вред, балансируя на тонкой грани, и в качестве примера приводила действие слабительных препаратов. «Если принимать правильную дозу, пройдут запоры, а если переборщить, можно спустить в унитаз все внутренности, вплоть до мозгов! Слушай и мотай на ус, детка!»

Я очень хотела спросить у бабушки, как происходит процесс перемещения мозгов по пищеварительному тракту, но в последний момент оробела.

Грейвс тем временем склонился надо мной, схватил за куртку и резким рывком поставил на ноги, чуть не вырвав кусок ткани.

— Лучше расскажи, наконец, что происходит! Или клянусь Богом, я такое... — Он в недоумении взглянул на меня. — Э, да ты никак плачешь!

Если под «плачешь» он подразумевал «ревешь, как корова», то не ошибся бы. Я вытерла рукавом нос, раздраженно фыркнула в ответ и... опять заревела. Слезы ручьями катились по лицу.

— Пошел к черту! — оттолкнула я Грейвса. — Ты все усложняешь, а мне это не нужно! Я без пяти минут труп, черт возьми! Как ты этого не понимаешь? Я уже покойница!

Он стряхнул грязный снег, застрявший в волосах, и с философским видом заметил:

— Не обольщайся. Среди трупов таких зануд и рев не встречается. Давай, покойница, шевелись. Надо идти. Для Блетч вызвали «скорую». Тебе наверняка не захочется смотреть, как ее откачивают.

Какого черта ты ко мне привязался?

Я готова была снова разреветься от обиды, но тут вдали послышался вой сирены,

который привел меня в чувство лучше, чем ушат ледяной воды, вылитый на голову. Я, наконец, пришла в себя и поняла, что стою посреди улицы, вывалявшись в грязном снегу, и размазываю по щекам слезы. Уверена, что на ногах у меня разные носки. Все тело ноет от многочисленных синяков и ссадин, в спину будто всадили кол, а голова со слипшимися волосенками не мыта уже два дня. Я вдруг почувствовала себя убогой замарашкой. А разве разумно с моей стороны таскать в сумке револьвер? Тяжелая игрушка совсем оттянула плечо.

Я вела себя как последняя идиотка, и осознание этого факта вывело меня из ступора, в котором прошли последние дни.

Я поковыляла рядом с Грейвсом, пытаюсь выровнять дыхание, но потерпела неудачу. Ноги подкосились, а улица вдруг стала расплываться перед глазами, поэтому я не возражала, когда Грейвс подхватил меня под локоть и повел по тротуару.

— Ну почему мне не везет на подружек? — воздел он глаза к небесам. — Наконец-то встретил девушку, которая мне понравилась, а она оказалась чокнутой! Ох, горе мне, горе!

— Подружка?

Я задыхнулась от негодования. Ах, Дрю, ты сегодня даже зубы не почистила. Какая непростительная небрежность с твоей стороны. Разве можно нарушать правила гигиены и не умываться по утрам? Вот появится угревая сыпь на коже, и тогда добро пожаловать в Город Прыщей, выросший на лице мисс Андерсон.

Правда, в данный момент это не имеет большого значения, потому, что щеки горят огнем и никаких прыщей не видно.

Грейвс исподтишка бросил на меня робкий взгляд. На по-детски наивной физиономии уже просматривались черты взрослого мужчины, в которого он превратится через несколько лет. Высокие скулы будут более выразительными, и станет мой приятель одним из красавцев-метисов, по которым сходят с ума девушки. Кстати, кожа у него чистая и красивая — любая девчонка позавидует! — только слегка покраснелась от мороза.

— Что, здорово, да? — спросил будущий красавец.

Глазам не верю, неужели он покраснел? Впрочем, и мои щеки разрумянились не от холода, жар перекинулся на шею. Грейвс не сводил с меня выжидательного взгляда, а я не могла отвернуться.

Господи, да когда закончится это безумие?!

Я вытерла нос рукавом, жалея, что под рукой нет бумажных носовых платков.

— Я не... — начала я и осеклась, договаривая про себя: «...не встречаюсь с мальчишками. У меня не будет времени на эти пустяки, даже если ты самый классный парень из всех, что я встретила в жизни. И...»

Грейвс с жалким видом привычно пожал плечами. Алая краска, точно не имеющая ничего общего с морозной погодой, залила его щеки и шею. Оказывается, мы с Грейвсом оба легко смущаемся.

— Я пошутил, Дрю! Господи, да не бери в голову! Идем дальше! — с горечью в голосе произнес он.

Грейвс по-прежнему вел меня за руку, и, надо сказать, я не особо сопротивлялась. Тем не менее...

— Вот, сорвали уроки в школе! Подпортишь мне средние баллы, Дрю! — рассмеялся гот.

— Я думала, ты в любом случае намерен получить аттестат, — произнесла я

онемевшими от холода губами.

У меня и руки совсем отмерзли, и я спрятала их в карманы. Вой сирен становился все громче и громче.

— Я хочу поступить в колледж и получить стипендию, чтобы не бедствовать в будущем. Так что средние баллы тоже имеют значение, — принялся терпеливо объяснять Грейвс. Будто разговаривает со слабоумным ребенком. — С другой стороны, я хорошо учился весь год, так что могу пару дней пропустить без ущерба для оценок! А теперь не желаешь рассказать, что происходит? Наверное, ты боишься впутать глупого мальчишку в заварушку, в которую попала сама. Но вспомни, я все равно в игре! Поэтому можно узнать, с чем мы имеем дело, а?

Я посмотрела под ноги. Лицо по-прежнему горело, острые иголки покалывали открытую морозу кожу. На тротуаре протоптаны дорожки до самого асфальта, а остальной снег растаял от рассыпанных шариков антиобледенителя, каменной соли и песка. Асфальт, правда, обледенел, но ходить по нему можно. Зимний денек выдался замечательный, даже облаков над головой не было: они сгрудились только у далекого горизонта. Единственной проблемой стал усилившийся мороз, пробиравшийся под одежду и щипавший за бока.

— То пятно в гостиной, оно размером с лежащее тело, — добавил Грейвс и отпустил мой локоть. Я по инерции продолжала идти рядом, не имея сил остановиться. — А твой отец... Я ведь не дурак, Дрю.

Видно, что не дурак.

— Ты все равно не поверишь, — пробормотала я сбивчиво, как ребенок, пойманный после наступления комендантского часа.

Грейвс даже не оглянулся на меня. Ссутулив плечи, он свернул за угол, я — за ним, и тут с оглушительным воем сирен проехала машина скорой помощи. Мы прошли целый квартал, когда звуки сирены резко смолкли и можно было продолжить начатый разговор.

Грейвс снова окинул меня быстрым взглядом. Пылающий румянец сошел со щек, а в глазах появился дерзкий вызов:

— Не поверю, говоришь? А ты попробуй, расскажи правду! — Он делает два шага вперед, еще сильнее сутулясь. — Я вижу ее во сне. Ту тварь, что меня укусила.

А ведь я еще не рассказала ему о новой встрече с меченым оборотнем. Захочет ли он слушать о нем?

— Это нормально. Что-то типа последствий посттравматического стресса или как его там.

Я судорожно сглотнула, наконец справившись со слезами и соплями. После плача обычно проясняется голова и в кровь поступают вещества, заставляющие ощущать некоторое головокружение.

— Слушай, это нормально, что я чувствую запахи людей? Обострился нюх, понимаешь? Могу даже сказать, что они ели на обед. Или нормально видеть в темноте, как днем? А двигаться быстрее, чем положено обычному человеку? Будто превратили меня в супермена из боевика! Так, черт возьми, разве это нормально?

Я остановилась, уставившись на Грейвса в немом удивлении. Он продолжал идти вперед, но, пройдя несколько шагов, затормозил и оглянулся:

— Давай догоняй! Холодно стоять!

— Ты действительно... — Вот что происходит, если не застрелить инфицированного оборотнем вовремя. Папа без лишних сомнений убил бы его. Да, но Грейвс не превращался в

большую лохматую собачку! — Ты ведь не менял ипостась! Значит, сверхъестественные способности не должны проявляться!

— Ты говорила, я теперь в безопасности.

— Но я честно так и думала!

Мои щеки теперь стали холодными, мороз не щадя щипал за пересохшую от слез кожу. Я задрожала. Стоит только начать, и уже не остановлюсь. Безостановочная дрожь набегала ледяными волнами.

— Кстати, куда мы идем?

— Не-е, постой, — покачал он головой, взъерошив темные волосы. Большую часть снега сгребли в сугробы, часть растаяла, растекаясь ручейками, и на фоне грязно-серого дня с жалкими остатками снега Грейвс выделялся черной кляксой, едва ли его можно не заметить. — Теперь твоя очередь говорить правду. Что с тобой произошло? Ты стала какой-то странной, еще когда оставила меня одного в кафе. Так что много вспоминать не придется.

— Я... — в волнении я задержала дыхание, потом резко выдохнула и решила рассказать все как было. Что он станет делать, посмеется надо мной? — Я видела кое-кого. У меня есть... помощник... Во всяком случае, я нашла папин грузовик, когда последовала за этим помощником. Он, вернее она, иногда мне подсказывает будущее. Там, возле грузовика, была та тварь, которая укусила тебя. — Черт, я почти ничего не знаю о последствиях укусов. Это плохо! Нужно тщательнее проштудировать книжки и найти все сведения об оборотнях. — А потом появился кровосос.

— Тварь, ранившая меня? — Лицо Грейвса скривилось от жуткого воспоминания, будто он проглотил горькую пилюлю. — И кровосос в придачу?

Ну и как мне объяснить?

— Ну, знаешь, вампир. Как мы только их не называем: и носферату, и бессмертные, и кровососы...

— Так ты охотница на вампиров? Класс! Нет, действительно? Или вас по-другому называют?

Он был скорее удивлен, чем неприятно поражен.

— Называют охотниками, и не только на вампиров. — Грейвс на удивление спокойно реагирует на мои слова. — Ну, и на другую нежить, которая представляет опасность для людей. Мой папа был охотником, а я ему помогала. Кто-то убил его и превратил в зомби. Возможно, тот самый кровосос — они поднимать трупы умеют. В любом случае вампир отпугнул оборотня и приказал мне возвращаться домой. Он собирается убить меня, я точно знаю!

— Зачем? Не разумнее ему было убить тебя сразу при первой встрече? Я не к тому, что хочу от тебя быстрее избавиться! Ну, ты понимаешь! — Грейвс нетерпеливо перепрыгивал с ноги на ногу, словно птичка. — Слушай, пойдём дальше! У тебя губы посинели!

— Черт с ними, с губами!

Впрочем, действительно мороз крепчал, и до меня вдруг дошло, что теплого свитера под курткой нет. И как только я умудрилась выйти утром из дома в таком виде? Я бы отдала сейчас все на свете за возможность оказаться под горячим душем!

— Вампиры любят поиграть с жертвами напоследок. Наверное, от вековой скуки.

— Все равно какая-то бессмыслица получается, — повторил Грейвс.

У тебя никогда кошки не было, что ли?

— Как будто все остальное имеет смысл!

— А почему нет? — Он выудил пачку сигарет из кармана, предложил мне и нахмурился, когда я покачала головой. — Смотри, целыми днями по телику крутят байки о ведьмах, оборотнях, вампирах и другой напасти. Как частенько повторяет мой отчим, нет дыма без огня!

Упоминание об отчине стало первым сведением, которое Грейвс сообщил о своей семье. Мы просто жили под одной крышей, вот и все, ничего личного. Дома вокруг провожали нас закрытыми на засовы дверями, зашторенными окнами и пустынными лужайками.

— Ну, с байками по телевизору даже не сравнивай! Раз и навсегда заруби себе это на носу! Иметь дело с нежитью очень опасно, это грязная работа, от которой отдает пакостным душком...

Грейвс вытащил сигарету, прикурил ее и положил пачку обратно в карман, выдыхая белое облако дыма.

— То же самое можно сказать о сексе, наркотиках и тому подобном. Так что будем делать дальше? Командуй, ты ж знаток в потусторонних делах.

Я не знаток, а всего лишь подросток!

— Я не... в том смысле... обычно все планировал отец, — сообщила я, запинаясь, словно боялась признаться в собственной никчемности.

— Ну а что бы он предпринял на твоём месте?

Черный плащ хлопал Грейвса по ногам, а он все курил и, морщась, выдыхал кольца табачного дыма. Гот недовольно сморщил нос:

— Фу! И сигареты теперь противно курить!

— Почему тогда не бросишь?

Папа быстро бы разобрался, что к чему. Сначала вернулся бы к складам, чтобы найти место «битвы» и услышать мою версию произошедшего. Потом мы с ним прошли бы по местным оккультным лавкам и барам, где знают о существовании Истинного мира. Отец разведал бы, что это за птица Кристоф и где он спит — если бы только удалось добыть такую информацию. Забаррикадировал бы дом или переехал в другой.

Другой дом в аренду мне не снять — только если очень постараться, но это займет много времени. В приличную гостиницу не заселишься из-за дорогих номеров и порой не в меру любопытного персонала. В недорогой ночлежке за молчание придется тоже раскошелиться и при этом опасаться недвусмысленного внимания всяких подозрительных личностей.

Идти некуда — остаюсь дома! Тогда можно заговорить от нежити все окна и двери, как учила бабушка. Правда, заговор не остановит зомби, но я ведь теперь не одна, верно?

Кроме того, у меня есть оружие. Даже гранаты!

Превосходно, Дрю! Хочешь взлететь на воздух со своим новым другом? Папа предупреждал, чтобы ты никогда не «баловалась» с гранатами!

Но отца-то теперь нет, а я осталась одна. Впрочем, есть еще Грейвс.

Его опять передернуло и скривило от очередной затяжки.

— Курю по привычке. Вот такой я заядлый курильщик, понятно? Давай вернемся к предыдущей теме разговора. Так что сделал бы твой папа?

Значит, он мало того, что поверил и не испугался, так еще и решил остаться. Вероятно, это не самое лучшее решение, ведь его запросто могут убить. С другой стороны, я почувствовала облегчение.

Честно? Я страшно обрадовалась тому, что Грейвс останется рядом.

— Папа провел бы разведку при свете дня. — Слова вылетали по одному, вперемешку с прерывистым дыханием, а я дрожала все больше и больше. — В том месте, где я нашла грузовик. Он бы вернулся туда и выследил, куда удрал меченый оборотень. До самого логова, если б смог.

— Меченый оборотень? — спросил он, но тут же помахал рукой с дымящейся сигаретой, прежде чем я успела открыть рот для ответа. — Нет, не надо мне рассказывать о нем. У меня возник другой вопрос, поинтереснее. Это твоих рук дело? Ты что-то сделала с Блетч?

Я подавила в себе желание соврать и с сокрушенным видом призналась:

— Наверное, все-таки я. То, что ты видел, действие порчи. Раньше я не умела ее наводить.

Открывшиеся способности начинали меня откровенно нервировать. Откуда только что берется?! Я ведь никогда не была способна на подобное.

С другой стороны, до сегодняшнего дня я никогда не испытывала такой злости и отчаяния. Каждый новый день приносит теперь не самые приятные сюрпризы. Наверное, «дар» становится сильнее.

— Почему ты решила, что виновата? — Грейвс внимательно глядел под ноги, а те послушно несли его по тротуару. Вот он остановился и жестом показал, чтобы я обошла скользкий участок улицы, где вдвоем было не пройти. — Лично мне показалось, — продолжил он свою мысль, — что у нее случился сердечный приступ после того, как ее в лицо назвали тираном.

— Я ее назвала тираном? Что-то не помню этого, — призналась я, обходя ледяной тротуар стороной.

Отраженные от снега солнечные лучи рентгеном пронизывали голову, и тут внезапно дал о себе знать пустой желудок. Оказывается, кушать я тоже забывала.

— Это было здорово, Дрю! Ты сказала именно то, что годами думали о ней все ребята.

— Рада, что доставила тебе удовольствие.

Черт возьми, я навела самую настоящую порчу! Вот бы бабушка рассердилась! А папа с одного взгляда все понял бы, стоило мне переступить порог дома, и прочел бы очередную нотацию об ответственном отношении к своим способностям. Эх, сумка-то тяжеловата. Как бы так ляжку разместить, чтобы не врезалась в плечо?

За спиной послышался довольный смешок Грейвса:

— Меня распирало от желания встать и заплодировать, но тут все как заорут!

Тут на мои плечи опустился черный плащ. Я от удивления отпрянула от Грейвса на пару шагов, чуть не упав в сугроб грязного снега на краю тротуара. Опять.

— Ты с ума сошел? В такой холод!

Он привычным движением пожал хрупкими плечами в потрепанном красном свитере, выдавшем лучшие времена. Грейвс притащил домой кучу своих шмоток и теперь щеголял в них, что несказанно утешало.

— Я привык к холодам, леди из Флориды. Поэтому просто скажи «спасибо» и пошли дальше. Договорились?

Я скривилась, вспомнив, что сама сказала ему про Флориду.

— Ты сумасшедший, ей-богу!

Плащ был теплый. Я просунула руки в длинные рукава и закуталась поуютнее. По бедру

хлопала тяжелая сумка. Как только дойдем до дома, обязательно вытащу из нее пистолет. Скорей домой!

— Давай пойдём домой. Пообедаем и начнём составлять план!

— Хорошее предложение!

Некоторое время мы шли молча, и только лед хрустел под ногами, словно чьи-то тонкие косточки. Я вдыхала запахи плаща, а пах он здоровым подростком, дезодорантом, тестостероном, сигаретным дымом и слабым ароматом жареного мяса. Щеки опять закололо, и я перевела взгляд на свои ноги, двигавшиеся независимо от моего желания, как пара маленьких солдат, а потом согнулась, чтобы перевести дух. Забавно, но обычно никто не задумывается над тем, что значит прочувствовать чужие запахи и какая возникает после этого близость. Пусть Грейвс не мой папа, но он рядом со мной.

Я прикусила губу, потом позвала его:

— Грейвс!

— Что? — отозвался он с опаской. Неудивительно!

Я бы тоже проявляла осторожность с сумасшедшей девчонкой, околдовавшей глупую училку истории и навешавшей лапши о вампирах с оборотнями!

— Спасибо тебе!

В плаще было действительно тепло. Понятно, почему Грейвс ходит в нем не снимая. Холод больше не чувствовался, а из головы улетучилось муторное состояние, которое бывает после долгого плача. Меня вдруг обуяло непреодолимое желание немедленно приступить к действиям.

— Пожалуйста, Дрю. Первый раз бесплатно! — ответил Грейвс.

Даже стоя к Грейвсу спиной, согретой солнечными лучами и плащом, я чувствовала, как он широко и радостно улыбается.

Грузовик по-прежнему стоял припаркованный во дворе дома. Как только мы переступили порог, сразу раздался пронзительный звонок телефона. Грейвс направился включать обогреватель, а я подошла к телефону и хотела снять трубку, но звонки, как по мановению волшебной палочки, внезапно прекратились.

— Наверное, звонили из школы, чтобы сделать тебе выговор.

За последнее время скопилось множество звонков, на которые никто не отвечал, но при мысли о том, единственном, по спине пробежала дрожь.

— Господи, да ты прямо как мой папа!

Я выскользнула из плаща, по краям которого висели кусочки обледеневшего снега. Ничего удивительного, ведь это высоченному Грейвсу плащ в самый раз, а на мне он волочится по снегу. Кстати, сняв плащ, я обнаружила, что блузка пропиталась едва уловимым запахом сигарет и мужского дезодоранта.

— Какой у вас извращенный ум, мисс Андерсон! — съехидничал Грейвс, возвращая обогреватель к жизни.

Я прошла мимо него в гостиную и сразу направилась к оружейному ящику.

Вынув пистолет из сумки, почувствовала, как лоб покрылся холодной испариной. Черт возьми, о чем я думала, когда выходила из дома?! Пистолет мало того, что заряжен, так еще и патрон загнан в патронник. Слава богу, хоть не снят с предохранителя. Хорошо, что в провинциальных школах нет нужды проходить через металлоискатель. Тем не менее, тащить пушку в школу крайне неразумно!

Папа называл такое поведение «заячьим»: охотник глупеет на глазах, когда его преследует чувство страха при столкновении с жутковатыми выходцами нереального Истинного мира. Наверное, с медицинской точки зрения правильнее назвать это явление военным, а еще лучше паранормальным неврозом, учитывая специфический характер противника.

Я хотела разобрать пистолет и положить его обратно в коробку, как вдруг вскинула голову от внезапно охватившей меня тревоги. В следующее мгновение раздался звонок в дверь. Я резко дернулась в сторону, чувствуя, как легкие заполняются запахом ржавчины, а слюна во рту приобретает резкий вкус восковых апельсинов.

Черт! Тут до меня дошла абсурдность ситуации: за окном ярко сияет солнце и солнечные лучи отражаются от снега, слепя глаза.

Вампиры не шляются по улицам среди бела дня. Значит, на пороге другой неожиданный гость!

Но кто он?

По двери постучали легкой барабанной дробью. Внутреннее чутье сразу определило присутствие потустороннего существа. Голубые защитные линии еще не вспыхнули, но я «чувствовала», как тонкие ниточки начинают накаляться и вот-вот вспыхнут голубыми огоньками.

Стоит неожиданному гостю сделать пару шагов в сторону, и он получит прекрасную возможность полюбоваться моей персоной в огромном незанавешенном окне. Я так и застыла, склонившись над оружейным ящиком, пальцы примерзли к рукояти пистолета, а мышцы ног свело внезапной судорогой.

Божже, прошу тебя! Только не сейчас!

Нам не дано права выбирать, кому и когда приходиться. Имей мы такой выбор, жизнь была бы намного проще, но и гораздо скучнее, согласны?

На пороге гостиной появился Грейвс. Глаза парня испуганно округлились, а лицо исказилось от ужаса, и я вполне разделяла его настроение. Щеки Грейвса опять стали белее снега, несмотря на смуглую от природы кожу, хотя для метиса он достаточно светлокожий.

— Что будем делать? — произнес он одними губами.

Я и не пыталась скрыть, что снаружи на крыльце нас ожидает неприятный сюрприз. Бросила быстрый взгляд в окно, на заснеженную пустошь, что начиналась у дома. Господи, придется защитить Грейвса, ведь он еще ничего не умеет! Махнула ему, приказывая скрыться из вида, медленно опустилась на пол и тихонько поползла по ковру, не выпуская из руки пистолета. Несколько раз проверила на ходу предохранитель, стараясь не направлять ствол на свою глупую голову.

Опять легкая дробь по входной двери. Я чувствовала дыхание нежданного гостя, а его нетерпение передалось мне и мурашками забегало по спине. От ползания по выцветшему ковру неприятные ощущения усилились. От ковра исходил еле заметный запах разложившегося зомби — тошнить от него не тошнило, но находиться рядом так близко тоже не хотелось.

Я спряталась за коробками возле телевизора. Обзор отсюда плохой, но, по крайней мере, виден уголок крыльца и тот, кто на нем стоит.

В моем укрытии скопилось много пыли, в носу сразу засвербело, в горле защекотало, и возникло острое желание чихнуть, а на глаза навернулись слезы.

Дрю, у тебя будет только один выстрел! Не промахнись!

Я стала подниматься на колени, когда снова раздался стук в дверь.

Я осторожно приподнялась, выглядывая поверх коробок с запасной одеждой и одеялами.

Угол обзора действительно никуда не годный, но сквозь стекло видны очертания движущейся фигуры. Возможно, нежданный гость переступает с ноги на ногу. Разумеется, если предположить, что у него всего две ноги.

Но обычно вся нежить является только ночью. Что-то здесь неправильно, вернее, все неправильно! Я осторожно подняла пистолет, собираясь с духом. Жаль, что голова теперь не защищена и торчит над коробками. Очень-очень жаль!

— Дрю... — еле слышным шепотом позвал меня Грейвс.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В этот момент отчетливо послышался странный мягкий звук и за ним щелчок.

Черт, а это что?

Фигура за окном пошевелилась.

— Дрю... — опять прошептал Грейвс, словно в школе на занятиях хочет передать записку или попросить списать.

Нет, только не списать! Он, наверное, и слова такого не знает!

— Замолчи! — прошептала я как можно тише.

Попробовать стрелять через стену? Пожалуй, так угол выстрела будет прямее. Черт!

— Дверь, — снова зашептал Грейвс. — Замки открываются.

Черт! Я поднялась на ноги и перепрыгнула через коробки. Это был замечательный прыжок! Сама не услышала, как мокрые ботинки коснулись пола с другой стороны. И

бросилась в коридор мимо Грейвса, отпихнув его в сторону.

Вот и входная дверь, замки открыты! Ручка крутится вроде медленно и в то же время на удивление быстро — мне не успеть ее остановить! Тогда я просто щелкаю предохранителем и поднимаю пистолет, направляя его на открывающуюся дверь, через которую в коридор врывается волна морозного воздуха.

Голубые вспышки защитных линий не замедляет шаги незваного гостя.

Сильные пальцы голубоглазого юноши перехватывают мое запястье, и пистолет выскальзывает из рук. Он с грохотом падает на пол, слава богу, не выстрелив.

Что может сказать отец, оставляющий вам пятьдесят долларов и записку с напоминанием об упражнениях по ката? Конечно, следующее: когда плохой парень врывается в дом и пытается схватить тебя, стукни его изо всех сил кулаком по лицу, чтоб он отшатнулся и из породистого носа ручьем хлынула кровь!

Красная кровь, а не черная с молочными переливами, как у вампиров! В голове что-то щелкнуло при воспоминании о каплях, разбрызганных на снегу в ту памятную ночь у складов. Они тоже были красные!

Вампирская кровь, потому что в ней нет гемоглобина. Вот из-за него-то вампиры и пьют человеческую. Я не обратила внимания на разницу в цвете из-за усталости, пережитого страха и нежелания рассуждать разумно!

Теперь слишком поздно.

Что за дьявол?

У голубоглазого парня, отброшенного ударом назад, волосы уже были вовсе не темные и прилизанные, а светло-каштановые и даже пушистые. Я встала в боевую стойку — одна нога впереди слегка полусогнута, на другую сделан упор — и сильно ударила, целясь в пах. И чуть не попала в цель, но неожиданный гость заблокировал удар ребром ладони, продемонстрировав нечеловеческую силу, и попал мне по колену. Воздух наполнился запахами яблочного пирога и опалил лицо.

Пронзительно закричал Грейвс. Голубоглазый пронесся мимо меня, но и я не дремала. Папа всегда повторял, что удар в пах хорош для выведения противника из боя, но молодой девушке лучше иметь в своем запасе еще пару приемов: не в пах, так еще кое-куда!

Поскольку половые органы мужчины издревле стали центром его сущности, он часто забывает, что женские таковым не являются.

Сжатый кулак нацелился прищельцу в кадык и нанес удар со стремительной скоростью. Потом в ход пойдет открытая ладонь, которой надо попасть по носу и вбить сломанную переносицу в мозги. Если б только получилось двигаться быстрее!

«Давай, Дрю! Бей! Сильнее! Сильнее!» — кричал отцовский голос в голове, но тут стал совершенно не до него.

За спиной неожиданно раздался оглушительный рев, и мимо меня стремительно проскочило нечто длинное и тощее. Оно пронеслось размытым, нечетким пятном, быстрее, чем полагалось человеку, да и любому зверю, и сшибло Голубоглазого, отбросив его футов на шесть и пригвоздив к притолоке. А потом клубок из сцепившихся и схватке тел вывалился через дверь на крыльцо и исчез из виду.

Что за?.. Я не поняла, что произошло, но уже неслась сломя голову к двери, забыв прихватить пистолет. Снаружи стоял невообразимый шум: звериное рычание смешалось с презрительным смехом и звуками тяжелых ударов, которые сотрясали стены дома. В том, что смех принадлежит мужчине, сомнений не возникало.

Рычал Грейвс... Обросший шерстью и двигающийся со скоростью выпущенной из ствола пули!

Он не должен превратиться в оборотня! Расстояние до двери, казалось, растянулось на мили, и когда я все же до нее добежала, сплетенный клубок тел скатился с крыльца на лужайку. Послышался отвратительный хруст, и в воздух веером взметнулись комья снега.

— Остановитесь! — закричала я что есть мочи, но они ни малейшего внимания не обратили на мои вопли.

За пеленой разлетавшегося в стороны снега было не разглядеть, что творится на лужайке. Кажется, Голубоглазый схватил Грейвса — или то, в кого тот превратился, — за загривок и раскручивал по кругу, намереваясь отшвырнуть в сугроб.

Я спустилась с крыльца на три ступеньки и, словно героиня боевика, вытянув руки вперед, прыгнула в гущу драки. Дыхание перехватило, а плечо пронзила острая боль, но мне все-таки удалось навалиться на Голубоглазого и сбить его с ног. Мы упали в снег, сплетясь в клубок. Я изловчилась, пнула нежданного гостя в живот и только потом разобрала, что он кричит.

— Идиоты, я пришел, чтобы помочь вам!

Я откатилась в сторону — снег обжег разгоряченную кожу — и вскочила на ноги как раз в тот момент, когда Грейвс вновь ринулся в бой. Время словно замедлило бег, рука с нечеловеческой проворностью рванула вперед и ухватила за пряди растрепанных волнистых волос. Грейвс не весь покрылся шерстью, и все же обратился в полузверя с нечеловеческим огнем в сверкающих зеленых глазах и пышущим обжигающим жаром телом.

Резкий рывок остановил Грейвса, а я про себя удивилась, что двигаюсь с такой невероятной скоростью и сумела остановить на ходу почти превратившегося в оборотня Грейвса. Как ни странно, мне это каким-то чудесным образом удалось. Мир снова обрел равновесие, и сквозь пелену тумана до сознания наконец-то дошла простая мысль, что парень истекает красной человеческой кровью.

Так, отставить панику, Дрю! Давай соберись и возьми ситуацию под контроль!

Потревоженное плечо напомнило о себе острой болью, но я не разжимала рук. Ноги Грейвса — или лапы? — отчаянно засучили в воздухе. Он взвизгнул, как собака из детского мультфильма, которую в стремительном рывке внезапно тормозит слишком короткая цепь. Я застонала от боли, а пальцы от напряжения свело судорогой. Вставшие дыбом жесткие волнистые волосы Грейвса выскользнули из рук, и мой приятель плашмя шлепнулся на землю.

— И где только ты раздобыла эту собачку? — ворчливо поинтересовался Голубоглазый.

Его лицо на глазах превращалось в кровавую маску, правая половина которой уже отекала и почернела после моего первого удара. Кстати, парень опять оделся не по погоде. Сегодня на нем черный пуловер с V-образным вырезом — легкий, не толще листа бумаги, — джинсы и черные кроссовки, залепленные снегом. До меня снова донесся аромат печеных яблок с корицей. Может, кто-то из соседей печет пироги с ароматной начинкой?

Солнечные лучи играли золотистыми бликами на каштановых волосах недавнего противника. Казалось, он только что вышел из элитного парикмахерского салона. Идиллию портили оскаленные зубы — абсолютно человеческие и без вампирских клыков! — которые тот показал, отвечая на рычание Грейвса. Грозные, перекатывающиеся в глотке звуки наполнили воздух. Грейвс рычал, как огромная собака, а в голосе Голубоглазого слышался скрежет металла.

— Постоите минутку! — остановила я их.

Грейвс попытался усесться на задние лапы, продолжая грозно рычать низким утробным голосом, заставляя мои зубы стучать от страха. Желая себя обезопасить, я осторожно положила руку ему на голову. Пожалуй, остановить не остановлю, если он опять надумает рвануть в бой, но попытка не пытка.

— Грейвс? Пожалуйста, посиди тихонько секундочку.

— Он тебя не понимает, — объяснил Голубоглазый. — В нем сидит зверь.

— Да пошел ты! — членораздельно прорычал Грейвс.

Как я обрадовалась, услышав его речь! Дело в том, что оборотни не умеют говорить. В смысле, в зверином обличье не умеют. Вон даже меченому вервольфу удавалось лишь имитировать странные звуки, похожие на слова. Помните, я рассказывала? Как только оборотни меняют ипостась, их пасти сразу становятся непригодными для воспроизведения человеческой речи.

Способность говорить в обличии зверя — хороший знак! И это значит, что перед нами не оборотень! Но ведь именно оборотень укусил Грейвса, правда, укус не вызвал превращения в волка в течение двенадцати часов, да к тому же инфицированный по счастливой случайности оказался девственником, верно?

Следовательно, Грейвс должен был остаться человеком, но теперь выясняется, что у него проявились неординарные способности. Как не хватает полноценных знаний о природе превращения в оборотней! Вот и приходится довольствоваться крохами, которые мы с отцом старательно выуживали из старинных книг в кожаных переплетах, передаваемых от охотника к охотнику или спрятанных под прилавками настоящих оккультных лавок. Их ни за что не извлекут на свет божий, пока охотник не докажет чистоту своих намерений и помыслов.

Теперь-то ясно, что следовало проводить больше времени за чтением серьезных книг, а не валять дурака и предаваться хандре.

— Да погодите вы! Угомонитесь на секунду. — Я лихорадочно роюсь в памяти и показываю свободной рукой на Голубоглазого. — Ведь ты — Кристоф, верно?

Расставив руки в стороны, он отвешивает изящный поклон, и тут я чувствую, как подкашиваются колени. Да, клыков сейчас нет, а припорошенные снегом волосы стоят торчком, но Голубоглазый по-прежнему стоит на вершине обледенелого сугроба, невесомый, словно перышко. Мозг не желает мириться с тем, что видят глаза. Я снова и снова пытаюсь понять, что происходит, а Голубоглазый все стоит в потоке яркого солнечного света. Приходится признать, что он не вампир, а совсем иное существо.

Но ты же видела клыки, Дрю!

— Черт возьми, да кто ты такой?!

Жаль, что я выбросила пистолет, хотя, если подумать, эта мысль оказалась одной из самых удачных, что посетили меня в последние два дня. И что бы я стала делать, окажись в руках оружие? Открыла бы стрельбу среди бела дня? Отличный способ завести знакомство. Порыв ветра снова принес аромат яблок, и я почувствовала, как рот наполняется слюной.

— Я, крошка, мог бы задать тебе тот же вопрос. — Рот Голубоглазого растянулся в широкой улыбке, которая показалась мне идиотской ухмылкой умалишенного. — Почему не призналась, кто ты есть на самом деле?

— Тебе известно мое имя.

Я с трудом преодолевала желание погладить Грейвса по голове. Ради бога, посиди

тихонечко, дай мне его расспросить.

— Имя не раскрывает твоей сути, — возразил Кристоф и откинул назад голову, словно обращаясь к небесам, таким же голубым и холодным, как его глаза.

Вот тебе на! Поди тут разберись!

Он снова перевел взгляд на меня и слегка пожал плечами:

— Может, продолжим разговор? Разумеется, если сможешь удержать от подвигов свою собачонку.

Грейвс напрягся всем телом, но сидел не шевелясь и только тихо рычал. Потом медленно поднялся во весь рост.

— Кто он такой, Дрю? От этого типа противно воняет. Слава богу, Грейвс не утратил самообладания и говорил относительно спокойно.

— Посмотрите-ка на него. Чья б корова мычала. — Кристоф скрестил на груди руки. Его облепленная снегом фигура должна была вызвать смех, но почему-то смеяться не хотелось. — Я дампир из рода Куросов и честно в этом признался в прошлый раз. Охочусь за ночными тварями. А вот вы, мисс Андерсон, выдаете себя не за ту, кем являетесь на самом деле. Почему сразу не сказала правду?

— Ты убил моего отца, — возмутилась я, но голос звучал как-то неуверенно. — И после этого хочешь, чтобы я раскрыла все карты?

— Я и не думал убивать твоего драгоценного папашу. Просто припугнул. Но его было не остановить. Такой упертый. У него зуб на Сергея. — По лицу Кристофа пробежала тень, и он болезненно поморщился. Я с удивлением за ним наблюдала. — Впрочем, как у всех нас.

— Сергей? — Это имя ледяной сосулькой пронзило мозг, и тут я поняла, что мы все стоим на снегу и страшно замерзли. — Кто такой Сергей?

Кристоф уставился на меня, будто в жизни не слышал более глупого вопроса, а потом согнулся вдвое и странно засопел. К своему удивлению, я поняла, что он смеется.

Знаете, мне казалось, я успела привыкнуть к любым странностям, но здесь приходится иметь дело с чем-то совсем непонятным. Я схватила Грейвса за свитер и оттащила назад. Он не стал сопротивляться и только уронил на грудь голову, как напроказивший мальчишка.

— Мне совсем не жарко, — тихо сказал он и закашлялся.

— Ничего удивительного, — процедила я сквозь стиснутые зубы. — Думаю, нам нужно кое-что почитать. — Поворачиваться спиной к веселящемуся Кристофу не хотелось, поэтому пришлось пятиться назад, высоко поднимая ноги, чтобы не увязнуть в снегу. Двор выглядел так, словно здесь пронесся ураган. Слава богу, в середине дня дома у соседей никого нет.

Я чуть не упала на ступеньках крыльца, а Грейвс ухватился за перила, и мы зашатались, будто пьяные. Шаг за шагом мы поднимались вверх. Грейвс повис на мне, и его тело становилось все тяжелее. Казалось, жизненные силы вытекают из него, как вода из разбитой чашки. Весельчак Кристоф перестал смеяться и с интересом наблюдал за нами.

— Полагаю, зайти в дом меня не пригласят, — широко осклабился он, обнажая крепкие белоснежные зубы.

Но не клыки же. Во всяком случае, в данный момент.

— Нет, — решительно заявляю я и пихаю Грейвса кулаком в бок на случай, если ему понравится предложение Кристофа и он надумает об этом сказать вслух.

— Знаешь, ведь я вовсе не вампир. — Кристоф бесшумно двигался вперед, не оставляя следов на снегу. И как это ему удастся? — И могу переступить порог твоего дома без приглашения.

Именно так ты и сделал, проник в дом, не обращая внимания на защитную магию.

— Спорим, ты говоришь так всем девушкам, — помимо воли произнесли губы, хотя я не собиралась говорить ничего подобного.

Грейвс тихо хихикнул. Продолжая пятиться назад, я подняла его на крыльцо. Создавалось впечатление, что Кристоф гонит нас, как овец, и это чувство вызывало раздражение. Голубоглазый с ухмылкой следил за нашими действиями. Он не торопился. Казалось, впереди у Кристофа целая вечность, и время плавно катится, скользя по снегу, как пролитое масло.

— Скоро он уснет, — сообщил Кристоф. — Ведь это было его первое превращение, верно? Когда и как сильно его укусили?

Я выдохнула облачко пара. Грейвс бессильно повис на моем плече. Трудно поверить, что совсем недавно он носился не хуже немецкой овчарки.

— Здесь я задаю вопросы, Крис, а ты на них отвечаешь. Скажи, черт возьми, кто ты на самом деле? И если отца убил не ты, то кто?

— Да ты, вижу, меня совсем не слушаешь. Я — дампир. Нас называют полукровками, но вообще-то в нас течет чуть больше одной шестнадцатой крови вампиров. Мы появляемся на свет в результате союза между женщиной и носферату. Уж об этом-то тебе известно.

После слов Кристофа внутри все сжалось. Вот это да!

— Очень мало. — Главным образом, из плохих фильмов.

— Ничего себе! Вы что, с луны свалились, мисс Дрю? — Он легко, словно балетный танцовщик, взлетел по ступеням, едва касаясь их ногами, напоминая грацией большую кошку. — Полагаю, о себе ты тоже не все знаешь.

Из головы не выходила мысль о яблочном пироге. Бабушка всегда подавала его с ломтиком сыра, как любил папа.

— Мне прекрасно известно, кто я такая. Я замерзла, умираю от голода и лопаюсь от злости. Благодарю за заботу.

Я машинально протянула руку к дверной ручке, намереваясь захлопнуть дверь перед носом у Кристофа, оставив его на веранде, но вдруг засомневалась.

Пять минут назад от двери оказалось мало толка. Тем не менее, ухмылка на разбитом до крови лице Кристофа вызывала большие опасения.

Я оперлась о перила. Пистолет валяется на полу, слишком далеко, чтобы быстро закрыть дверь ногой и дотянуться до него.

— Если замыслил зло, вход в мой дом закрыт, — вырвалось из пересохшего горла.

Грейвс повис на мне всей тяжестью. Да уж, выбрал удачный момент! Теперь, вместо того чтобы проворно лягнуть ногой, я вот-вот рухну на пол вместе с ним. Спину пронзила острая боль, да и плечам досталось по полной программе.

Кристоф переступил через порог, захлопнул дверь и подхватил Грейвса под руку, одним изящным движением взвалив на себя всю тяжесть обмякшего тела. В этот момент он напоминал Джина Келли, когда тот кружится в танце с набитой песком куклой.

— Куда его отнести?

— Наверх. — Я подняла с пола пистолет. — И не делай резких движений.

Кристоф сверкнул уцелевшим голубым глазом. Кровь на лице уже начала подсыхать. Обогреватель в доме работал на полную мощность. Господи, в этом месяце указанная в счете сумма достигнет заоблачных высот.

— Если бы я желал вашей смерти, то бросил бы на съедение волкам. Сейчас как раз их

время.

Не сомневаюсь, так оно и есть.

— Оставлю пистолет на всякий случай. А собственно, что ты здесь делаешь?

— Собирался нанести тебе визит, дорогуша. Уж раз ты у нас такая занятная штучка.

Язык в очередной раз опередил мысли.

— Знаешь, совсем недавно меня один парень уже так назвал. Тебе следует проявить больше изобретательности.

Молодец, Дрю.

— Ненавижу, когда мне подражают. — Кристоф легко поднимал Грейвса вверх по лестнице, как будто тот ничего не весил. — Если тебе интересно, он скоро очухается. Поспит пару часов и проснется, голодный как волк и совершенно сбитый с толку. Надеюсь, в этом доме есть мясо.

Интересно, сойдут за мясо болонские колбаски?

— Ладно, продолжим разговор. Так ты охотник?

Я плелась за Кристофом и жалела, что не вижу лица Грейвса. Если я не схожу с ума, что вполне вероятно, парень пахнет как только что вынутый из печи пирог. Удивительно приятный запах, от которого еще больше захотелось есть.

— Помимо прочего. — Кристоф поднялся по лестнице, фыркнули понес Грейвса в мою комнату. — Ого, удобно устроились! Бьюсь об заклад, он здесь спит.

Он бросил парня на кровать и накрыл армейским одеялом, колючим, но теплым. Кроме того, его не испортит снег, который тает на одежде Грейвса.

Во сне лицо Грейвса не казалось таким настороженным, и сросшиеся брови не бросались в глаза. Он спал с полуоткрытым ртом, как младенец. Я навела пистолет на Кристофа.

— А теперь медленно отойди от него.

Кристоф развел руки в стороны, и на залитом кровью лице отразилось раздражение.

— Сколько раз нужно повторять, что я не собираюсь причинить вам зло? Ты — заблудившееся в лесу дитя, а кто этот парень? Твой домашний питомец?

Удивительно, но его слова привели меня в ярость. Будь у меня шерсть, она встала бы дыбом.

— Он — мой друг, а вот ты — нет. Думаю, нам нужно поговорить.

— Согласен. — Кристоф ссутулил плечи, будто от усталости. — Есть у тебя салфетки? Хочу стереть с лица кровь.

Просьба показалась вполне разумной.

— Они внизу, на кухне, — откликнулась я, не сводя с него дула пистолета.

В конце концов, однажды мне удалось его ранить, и, кроме того, в этом доме я застрелила зомби. Вполне вероятно, голубоглазый умник, благоухающий яблочным пирогом, станет следующим.

Без крови на лице, при дневном свете, в глаза бросался не только породистый нос Кристофа. Он потрясающий красавец. Мокрый пуловер плотно облегал торс, подчеркивая все достоинства статной фигуры. Парень силен как бык! Пожалуй, на колене, которое наткнулось на его блокирующий удар, появится внушительного размера синяк.

Я держала Кристофа под прицелом, зайдя за кухонный столик, пока он вытирал салфеткой кровь с расквашенного лица и разбитых пальцев. На мой вкус, у него чересчур острый подбородок, но скулы очерчены очень красиво.

— Не стоит все время держать меня на мушке, — заметил он, стоя спиной и любуясь в окно на внутренний дворик.

А вот про фанерно-одеяльное нагромождение на разбитой задней двери он и слова ни сказал! Любопытно, чувствует ли Кристоф запах зомби?

— Лучше выкладывай все начистоту! — в третий раз потребовала я, пока он смывал кровь с рук. — Я не желаю возиться с тобой целый день.

— День, дорогая моя, еще в твоём распоряжении, а вот ночь, боюсь, не вся! — Он повернулся ко мне лицом и оперся на стол. Художественный беспорядок волос несколько не портил идеальную причёску. Голубые глаза мерцали, как огоньки, а изысканно очерченные губы чуть вздрагивали, будто их владелец отведал какую-то гадость. — Ты ждешь гостей?

Что?!

— Нет. — Как только уберешься к чертям собачьим, сразу пройду по всему дому и обновлю защитные заклинания от неожиданных гостей! — И вопросы здесь задаю пока я, а не ты, или забыл? Почему бы тебе не начать рассказ с того, как ты познакомился с моим отцом? И объясни толком, кто ты такой.

Кристоф примирительно пожал плечами, а обогреватель в этот момент резко щелкнул, выключаясь. У меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло!

— Я — вампир и охочусь на носферату. Людям-охотникам про нас известно немного. По крайней мере, любители точно не подозревают о нашем существовании, — ухмыльнулся он, а мне что-то совсем не нравилась его самоуверенность. — Из-за твоего папаши мои труды пропали зря. Теперь придется все начинать заново. Я почти подготовил для Сергея славную ловушку, оставалось завершить последние приготовления. Тут является твой папенька со своей вендеттой, лезет некстати в самое пекло, и весь мой план летит к черту! Говоришь, твой папа мертв? Так я и думал, когда увидел, что они схватили его.

— Ты видел? Как это произошло? И что это за Сергей такой?

У меня не получалось произнести имя так же четко, как у Кристофа, словно оно из иного языка. От самого имени голову снова пронзила острая боль, а дом испуганно закрипел, как живой.

С юношеской непосредственностью Кристоф картинно закатил глаза:

— Сергей — один из Первородных! Самый старший и жестокий вампир. Именно за этим носферату Дуайт Андерсон охотился последние двенадцать лет.

Тупой болью отозвалось в сердце имя отца, произнесенное устами голубоглазого красавца. А само предположение... казалось бредовым.

Чтобы отец охотился за вампирами? Неправда! Он часто повторял, что с ними лучше не связываться ни за какие сокровища на свете.

— Папа охотился за другой нежитью. — Сердце опять болезненно сжалось, словно его прокололи острым стилетом. — Не думаю, чтобы он гонялся за вампирами.

Но... возможно, я ошибаюсь. Был, кажется, на нашем пути городок на севере Майами, и там отцу пришлось туговато. А где, кстати, пропал отец, когда я целый месяц жила у Огаста? Внезапно меня осенила замечательная мысль по поводу дальнейших действий, и вдруг Кристоф сказал такое, что я сразу обо всем забыла:

— Твой отец был всего лишь одаренным любителем, а вот мама достойна звания настоящего охотника. — Кристоф не отрывал от меня внимательного взгляда, словно хотел увидеть мою реакцию на его слова. Проникающие в окно лучи зимнего солнца осветили резкие черты лица, узор черного пуловера и отразились бликами в глазах. — Что ты о ней помнишь?

Мы поиграем в прятки, Дрю.

От волнения в горле пересохло, и я сделала судорожный глоток, чтобы избавиться от спазма. Аромат корицы и острых специй только отвлекал, особенно если учесть, что в доме по-прежнему витал слабый, но стойкий запах зомби.

— Немного. Мне исполнилось всего лишь пять, когда она умерла.

— Ее убили, когда тебе было пять лет. — Он скрестил руки на груди и, увидев на моем лице безграничное удивление, спросил: — Ты об этом не знала?

Ладони от волнения покрылись испариной, а сердце было готово выскочить из груди. Откуда, черт возьми, тебе известны такие сведения о моей семье?

— Тебе-то откуда знать, — сказала я вслух. — Ты ведь не старше меня!

Мое заявление явно позабавило его. По крайней мере, на лице с острым подбородком появилось подобие улыбки.

— У меня свои методы работы, мисс Дрю. И вам придется смириться с моим присутствием, поскольку я стану вашим ангелом-хранителем на короткое время. Скажи, ты действительно не подозреваешь, кем являешься на самом деле?

В груди поднималась неудержимая злость, не имеющая под собой никаких оснований. Да кем себя возомнил этот несносный мальчишка?! Ведь предупреждала же, что вопросы здесь задаю я, так почему создается стойкое ощущение, что допрашивают меня?!

— Что? Станешь ангелом-хранителем? Ну, спасибо! — Я постаралась вложить в свои слова как можно больше сарказма. — Говорила же, я голодная, до смерти устала и злая как черт! Так что никак не соображу, на что ты намекаешь.

— Ты знаешь, что означает «светоча»? Конечно, нет. — Рука Кристофа сжалась в кулак, сминая окровавленную салфетку. Фаланги пальцев побелели от ярости, но, как ни странно, лицо сохраняло благодушное выражение. — Честное слово, многое отдал бы, чтобы узнать, как отец собирался управлять тобой после совершеннолетия. Или как ему удалось скрывать твое существование на протяжении стольких лет. Впрочем, если я догадался, кто ты на самом деле, есть вероятность, что об этом узнают и остальные. Тогда они либо схватят тебя... либо убьют. В любом случае, не дадут долго бродить по свету. А Сергею в плен лучше живой не попадаться!

Ого! Уже угрозы пошли? Я собрала остатки напускной невозмутимости, которой обычно приходилось прикрываться в барах Истинного мира, и дерзко заявила:

— Неужели меня убьют только потому, что я что-то знаю об Истинном мире?! И только-то? — Боже, я просто с ног валюсь! Скорее бы поесть и принять горячий, согревающий душ, чтобы наконец избавиться от пробегающего по телу озноба, который не

предвещает ничего хорошего. — По-моему, тебе пора валить отсюда.

Мне очень хотелось спокойно посидеть и все обдумать. Возможно, Кристоф проигнорирует мой недвусмысленный намек, но...

Вот именно: но! Самое ужасное слово, какое только существует в любом языке — короткое и емкое! Я его ненавижу до глубины души! Оно означает, что дела пойдут наперекосяк, а неприятности достигнут невероятных размеров.

А куда уж больше?

— Послушай меня внимательно, Дрю. Твоя жизнь в опасности! Все, что с тобой происходило, — цветочки по сравнению с тем, что ожидает впереди. Пойми, все знают, что твой отец мертв. Однако Сергей не отступится, пока не сотрет с лица земли последнего Андерсона. Понимаешь, они уже начали подозревать, что кто-то остался в живых и что у твоей мамы была большая тайна, которую она берегла пуще жизни! — Бледные пальцы по-прежнему с яростью сжимали окровавленную салфетку, а сам Кристоф устремил пристальный, немигающий взгляд на что-то поверх моего плеча. Я не выдержала и оглянулась, пытаюсь разглядеть то, что привлекло его внимание. — А ты носишься повсюду со своим лупгару и добрых советов слушать не желаешь!

Лупгару — это еще одно название оборотней. Я запомнила его, чтобы потом разыскать о нем какие-нибудь сведения, хотя не думаю, что сейчас время копаться в книгах.

— Ну ладно. Значит, это вампир Сергей убил моего отца?

В голове началось невообразимое гудение, сквозь которое с трудом пробивались слова. Несколько дней назад я слышала похожий гул в ушах, когда проснулась утром и обнаружила, что мир сошел с ума, превратив мою жизнь в настоящий кошмар. Этот гул навсегда останется связанным с еще одним коротким словом, которое я ненавижу, — «смерть»!

Кристоф тем временем ответил:

— Не уверен, что глагол «убил» правильно передает смысл случившегося. Сергею нравится мучить свои жертвы, прежде чем отправить их в загробную жизнь. Похоже, твой отец умер не сразу, насколько нам известно.

По мимолетной тени, пробежавшей на утонченном лице, и по едва заметному движению изящно очерченных губ я вдруг поняла, что он сам с трудом верит в высказанное предположение.

Значит, ты тоже ничего не знаешь. Ты, как и я, лишь строишь догадки. Какое облегчение, что вернулась способность мыслить логично! Я моргнула раз, потом второй, пытаюсь сложить в голове кусочки мозаики, и сухо поинтересовалась:

— Какого черта тогда ты здесь делаешь?

— Я представляю здесь тех, кто считает тебя представляющим ценность уникалом. Теперь я твой новый ангел-хранитель. Ты что, не рада?

На его лице засияла широкая приветливая улыбка, которую вполне можно было бы назвать очаровательной, не будь она застывшей, словно на маскарадной маске для Хеллоуина.

Ангел, как же! Ждите! Я от радости чуть с ума не сошла!

— Считают уникалом? Каким именно, если не секрет?

— У дампилов всегда рождаются мальчики и очень редко девочки, да и то в результате союза с человеческими женщинами. Рожденных девочек называют светочами. Иногда у светочей появляется потомство: их сыновья имеют сильный дар, но дочери еще сильнее. Беда лишь в том, что они рождаются еще реже, но именно им выпала честь сохранять

чистоту крови. — Кристоф сделал эффектную паузу, гордо вскинул голову и глубоко вдохнул. Интересно, он тоже чувствует запах яблочных пирогов? — Мои возможности велики и заключаются в силе крови. Но если направить твой дар в нужное русло, ты, Дрю, станешь настоящей грозой носферату. Ты сможешь на расстоянии убивать их одним дыханием. Это произойдет, как только ты войдешь в силу!

Конечно, я разве спорю! Потом накину плащ, трико и полечу, как какой-нибудь супермен, на луну!

— Так, стоп! Черт возьми, погоди-ка минуточку! Ты хочешь сказать, что во мне течет кровь вампира? — Я возмущенно потрясла головой, разметая волосы по плечам. — Давай-давай! Рассказывай сказки!

Моя мама это моя мама, и она никогда не была вампиром, черт тебя побери! Мне это точно известно!

— Ты лучше меня знаешь, что многие сказки оказываются правдой, — произнес он, медленно обводя кухню внимательным взглядом. Небесно-голубые глаза изучали каждый уголок с чувством собственника. — Могу я попросить стакан воды? Знаешь, кувырканье в снегу с твоим новым лупгару было таким утомительным и отняло много сил.

Что? Только стакан воды? Дружище, не криви душой, я видела твои клыки!

Удерживая его на мушке, я указала в сторону буфета свободной рукой:

— Стаканы там. Откуда мне знать, что ты именно тот, за кого себя выдаешь?

И то, что ты рассказываешь, действительно правда? Вот в чем загвоздка! Все может оказаться бессовестной ложью.

Почему тогда я продолжаю слушать вампирские бредни?

Кристоф пожал плечами и стал терпеливо объяснять:

— Я не боюсь солнечного света — это раз. Ты подстрелила меня той ночью у складов — кстати, было очень больно — и видела, что кровь у меня красная, в чем убедилась в очередной раз десять минут назад. Это два. Я могу распознать запахи твои и твоего зверюшки, спящего наверху. И что самое важное — я спас тебе жизнь. Ну что, достаточно этих примеров, или нужны еще доказательства? — Двигаясь совершенно бесшумно, он вынул стакан из слегка скрипнувшего шкафа. — Пойми, я вас обоих мог уложить на лопатки при желании. Вы просто дети по сравнению со мной.

Эй, я — не обычная дилетантка и занимаюсь охотой всю жизнь!

Правда, интересно было бы узнать, как ему удастся вытворять некоторые штуки. Например, ходить по снегу, не оставляя следов. Вот бы мне так научиться!

А что, если все бредни про дампинов окажутся чистой правдой? Я покопалась в памяти, но не вспомнила ничего стоящего. Ничего, кроме пары фильмов. Вы только не думайте, что фильмы всегда врут, но более точного и содержательного источника, нежели книги, вряд ли удастся найти.

Что в действительности случилось с мамой? Я поспешила отогнать мысль подальше, в глубины сознания. Не хочется даже думать о ее смерти!

И вообще, не хочу сушить мозги над непосильной головоломкой. Слишком много всего произошло — сразу не разберешься!

Выходит, Кристоф знает об Истинном мире больше меня. Кроме того, его номер оказался в записной книжке отца — правда, без пометок о надежности абонента. Тем не менее, я с ним связалась, и, что самое удивительное, он действительно может оказаться полезным.

Мне ужасно не нравился ход собственных мыслей. Совсем не хотелось думать и о бесполезности Грейвса, хотя следует признать, он очень старался.

Так чего же мне надо? Стоит ли соглашаться, чтобы Кристоф вертелся под ногами?

А есть ли у меня выбор? Да, я держу дампира на мушке, но в душе понимаю, что пистолет остается в моих руках только потому, что Кристоф ничего не имеет против. И один вопрос не давал покоя. Если он обладает таким замечательным обонянием и может отличить мой запах от запаха Грейвса, то наверняка почуял тяжелый дух тления, оставшийся после зомби. Почему же красавчик ни словом о нем не упомянул?

Гул в голове усилился, но он заглушал звуки, которые я действительно боялась услышать: стук в окошко, тихое потрескивание пламени на широкой огненной спине и утробное рычание меченого оборотня! Не слишком ли много «впечатлений» для одной девочки-подростка?!

Что бы ни намеревался делать Кристоф, я в его власти. И потом, не сама ли я еще сегодня утром собиралась принять смерть от его руки?

— Ну и что ты решила? — спросил Кристоф, будто читая мои мысли. Он произносил слова с расстановкой, отчего создавалось впечатление, что он говорит с неким странным, не типичным ни для одного из штатов акцентом. Положа руку на сердце, скажу, я исколесила почти всю страну, но определить его не могла. — Дрю, — продолжил он, — тебе придется кому-то довериться.

Что я решила? Доверять можно только Грейвсу, хоть он чуть не свел меня с ума диким рычанием и прыжками. А вот ты, Кристоф, выдумываешь небылицы про маму.

Зачем он ее сюда припел? Папа ни с кем о ней ни словом не обмолвился, даже в разговорах с Огастом. Он никогда не упоминал о ней. Так откуда дампиру известны подробности ее смерти?!

Да, вот еще что: я не смогу доверять тебе, Голубоглазый, пока не узнаю причины столь страстного желания помочь мне.

И все же, признаюсь, его присутствие решало многие проблемы. Кристоф профессионал в своем деле. Он сразился с меченым оборотнем и прогнал его прочь. Но самое главное, дамфир может позаботиться и о себе, и о других. На душе гораздо спокойнее, если рядом находится более опытный союзник.

Разве не о таком спасителе я мечтала? И вот он сидит на кухне, источая соблазнительный аромат яблочных пирогов, и смотрит на меня честными глазами, что придает ему еще более импозантный вид. Синяк на разбитом лице больше не расплывается в стороны, и под ним просматриваются красивые черты породистого лица. К счастью, красота Кристофа не имела ничего общего ни с тупыми физиономиями накачанных мужланов, ни со слащавой приторностью, которая безошибочно свидетельствует, что девушки этого парня совсем не интересуют.

Нет, его лицо было достойно кисти художника и восхищало гармоничностью и пропорциональностью черт. Правда, подбородок слишком острый, да легкая тень во взгляде выдает пережитый опыт. Будто он знает больше, чем говорит.

Дрю, не забывай, что внешность обманчива! Нельзя судить по ней о человеке, и дамфире, скорее всего, тоже.

Гудение в голове прекратилось, и я с облегчением вздохнула.

— Хорошо, я согласна, — поставив пистолет на предохранитель, я отложила его в сторону. — Что ты предлагаешь?

— Вот и молодец! — улыбнулся Кристоф, и на сей раз его улыбка была живой и искренней. Даже исчез застывший во взгляде холод. Теперь он выглядел как нормальный симпатичный парень, несмотря на побитую физиономию и засохшую кровь на волосах. — Первым делом, мисс Дрю, надо обследовать ваш арсенал, а потом я принесу кое-что из своего оружия. Ближе к вечеру мы снова проведем обряд наложения защитных заклятий на дом. Возможно, у нас будут гости сегодня ночью.

— Мне это не нравится, — прошептал Грейвс.

В общем, он спокойно воспринял новость о предстоящем сотрудничестве с Кристофом. Мой приятель протянул руку к жестяной коробке в виде коровки и погладил ее пальцем по круглому животу, правда, тут же отдернул, как только я многозначительно приподняла бровь.

Я закрыла крышку посудомоечной машины и включила ее. Кудрявые волосы почти высохли и стали завиваться в тугие колечки. После горячего душа и приготовленного из скудных запасов обеда я наконец-то почувствовала себя человеком.

— И я не в восторге. Но он знает гораздо больше нашего и может рассказать много интересного о твоих необычных способностях.

Я поймала себя на том, что отвечаю Грейвсу тоже шепотом, будто Кристоф не ушел, чтобы «принести пару полезных штучек, пока не стемнело».

— А я-то думал, ты сама все знаешь.

Грейвс взял в руки пустую коробку из-под пиццы. Я заказала ее, как только расчистили дороги, так как мы подъели все запасы, что были в доме. Теперь на очереди — крупы! Хоть бы завтра прекратился снегопад, тогда я сразу пойду за покупками в супермаркет.

Грейвс согревал дом своим присутствием, и временами казалось, что вернулся папа. Только не по-настоящему. Отец не стал бы пялиться в телевизор и устроил бы мне очередной экзамен, а Грейвс только ходит за мной хвостом, каждый раз нервно вздрагивая при любом шуме или скрипе.

— Мне многое известно, но Кристоф знает куда больше. — Я увидела груды забытых тарелок и, заткнув раковину пробкой, потянулась за моющим средством для посуды. — Что-то ты спокойно воспринял превращение. Не заболел случаем?

Его лицо сразу оживилось.

— Слушай, это было так замечательно. Я чувствовал все запахи и, казалось, двигался с обычной скоростью, а вот мир вокруг почему-то еле шевелился. — Грейвс отложил пустую коробку в сторону и открыл следующую, в которой еще оставалось две порции пиццы с колбасками и сыром. — Господи! Таким голодным я еще ни разу не был!

— Как закончишь с пиццей, приступай к хлопьям. — В раковине, заполняемой водой, моющее средство образовало белую пену. Бросив украдкой взгляд на Грейвса, я снова в смущении уставилась на пену. — Грейвс, ты меня слышишь? Спасибо тебе огромное!

Он, не жуя, проглотил кусок пиццы и переспросил:

— За что? — И опять откусил гигантский кусок.

Волосы спутались, глаза горят. А ему идет необычный светло-зеленый цвет глаз!

— За все! То есть я хотела сказать, что... ты, наверное, жалеешь, что впутался в мои дела.

Эх, не нужно было угощать меня чизбургером и прятать в своем тайнике, ходить вокруг и уговаривать идти в школу. Не нужно было становиться таким... надежным другом.

— Вот еще! — пожал он плечами и усмехнулся. Кусочек сыра повис в уголке рта, а потом Грейвс быстро слизнул его языком. — Я, как и ты, почти сирота. Так что мы с тобой в одной лодке!

Ага, и, похоже, она вот-вот пойдет ко дну!

Я поплескала пальцем в мыльной воде.

— Что случилось с твоими родителями?

Он положил недоеденный кусок пиццы обратно в коробку и с грустью произнес:

— Я им стал не нужен. Сколько себя помню, кочевал из одной приемной семьи в другую — не жизнь, а настоящий ад. Конечно, чудил так, что никто со мной справиться не мог. Чуть не загремел в колонию для малолетних преступников, а потом подумал: я же не законченный дурак — сам о себе позабочусь. Правда, пришлось немного приврать, чтобы меня отправили в другую семью. Для себя я решил, что добьюсь всего, когда стану взрослым, и никогда не дам себя в обиду. Никогда! — Он сузил глаза и с напускным равнодушием пожал плечами, словно за произнесенными словами не прятались боль, печаль и одиночество. — Мне повезло: я во многом преуспел, например, веду себя так, словно за меня несут ответственность взрослые. Как мне это знакомо!

«На стойке лежат пятьдесят долларов, Дрю. И не забывай об упражнениях по ката!»

Да, но ведь папа любил меня, и вопрос, нужна я ему или нет, никогда не возникал. Он бы никогда не бросил меня, отказавшись от родительских прав, ведь так? Папа каждый раз возвращался за мной.

А я каждую минуту волновалась за него. Волновалась всегда! В последний раз мои опасения подтвердились — папа так и не вернулся, по крайней мере, живой!

— Чем мы займемся, пока здесь не появился наш красавчик? — спросил Грейвс, наблюдая, как я кладу три тарелки в раковину и они скрываются под пеной.

Слово «мы» в его устах звучало так естественно, что я и правда забыла о своем одиночестве.

— Во-первых, вымоем посуду, а потом я научу тебя накладывать защитные заклинания на дом... — Я встретила его панический взгляд и едва не рассмеялась. — Не бойся! Для этого потребуется только богатое воображение. Вот увидишь, мы обойдем весь дом до прихода Кристофа. Вообще-то перед уходом он помог наложить защитные заклятия, но дополнительный обряд не помешает. И потом, тебе не повредит узнать, как оградить дом от нежити. Вот бабушка советовала обновлять заклинания каждые два дня, чтобы они не теряли силу.

Воспоминания о бабушке отозвались болью в сердце, конечно, не так, как память об отце, но, как ни крути, боль остается болью.

Перед глазами возник образ мамы, и мысли в голове отчаянно забились, словно пойманная в кошачьи лапы мышь. Чепуха! Ну какая из мамы вампирша? А из меня? Это просто невозможно! Я всю жизнь запросто разгуливаю среди бела дня, как любой нормальный человек!

И Кристоф тоже. Бог мой, он тоже бродит в дневное время суток!

— А потом что будем делать? — прервал мои грустные размышления Грейвс, хватаясь за полотенце.

Я ополоснула первую тарелку и протянула приятелю. Как здорово, что он всегда рядом и готов прийти на помощь! Даже если идет речь о вытирании тарелок! Папа бы никогда до такого не додумался.

— Потом мы пролистаем пару книжек и проверим, был ли Кристоф искренним, когда рассказывал свои байки.

Особенно о лунгару!

— Отлично! — Не поднимая головы, он сотый раз старательно вытирал тарелку, а потом робко спросил: — Дрю, можно задать один вопрос?

С показным равнодушием Грейвс открыл шкафчик и аккуратно водрузил тарелку на полку.

— Задавай, чего там.

Пальцы машинально выводят круги на мыльной пене. Если не заострять внимание на некоторых моментах, сказанное Кристофом вовсе не является бессмысленной болтовней. Вот и дар с каждым днем становится все сильнее. Бабушка предупреждала о такой возможности, но толком сама не представляла, как он в итоге проявится. Что касается меня, я никогда прежде не задумывалась об источнике сверхъестественных способностей.

К горлу подкатил комок. Нет, это не имеет ничего общего с отвращением и совсем не похоже на страх. Пока трудно разобраться в своих чувствах. Как там Кристоф сказал? Светоча? Из рода вампиров? Он что, серьезно верит в эти бредни?

Что ж, разберемся! Любопытно, но как только передо мной замаячила вполне определенная цель, все чувства сразу обострились, как и прежде. Вернее, как прежде уже не будет никогда, особенно после потери отца. Однако это лучше, чем просто плыть по течению. Поверьте, намного лучше!

Можно сказать, все идет хорошо.

— Я хоть остался человеком? — вернул меня в реальность робкий голос Грейвса.

Он забрал у меня очередную вымытую тарелку и с завидным усердием принялся вытирать ее полотенцем. Даже румянец на щеках выступил.

А сама я кто, человек или?..

Однако вслух произнесла как можно уверенней:

— Да, конечно!

— Я сомневаюсь в этом. Слушай, у меня тогда возникло непреодолимое желание убить Кристофа! — недовольно передернул плечами Грейвс.

Не только у тебя, приятель!

Как хотелось признаться Грейвсу, что я полностью разделяю его чувства.

— Неудивительно! Если Кристоф именно тот, за кого себя выдает, вы, ребята, навеки останетесь лютыми врагами. Оборотни на дух не переносят вампиров, им ненавистен даже их запах.

Кажется, начатый разговор разжег любопытство гота.

— Что, между ними идет великая война?

— Не совсем война. Они просто... как качки и ботаники. Или как львы и гиены. Живут бок о бок, но происходят из разных племен и никогда не рождаются в браках. Всегда на страже своих границ и интересов. — Я перевела дух. — Оборотни скорее помогут соседнему клану и даже любому, кто им не по душе, лишь бы уничтожить вампиров. А те иногда нападают на отбившегося от стаи оборотня, невзирая на принадлежность к клану. Кстати, и оборотни и вампиры живут кланами, которые исчисляются сотнями. Они могут переходить из клана в клан, но кровососы никогда не объединятся, чтобы пойти войной на оборотней, и те не охотятся на них, пока вампиры не перейдут им дорожку. Между ними существует своего рода соглашение: каждый клан живет сам по себе.

Я передала Грейвсу мокрый стакан, удивляясь сама себе. Надо же, оказывается, я знаю больше, чем думала. Как приятно!

— Понятно, — кивнул Грейвс и, протерев стакан с излишним усердием, поставил его в шкаф. — А защитные заклинания? Это, наверное, какое-то колдовство?

Что ты знаешь о колдовстве, мальчик?

— Нет, больше напоминает магию народного целительства. Моя бабушка заговаривала зубную боль и снимала порчу, когда мы жили в захолустье на западе страны. Она была знахаркой, но могла бы называться и ведьмой. Когда бросаются такими словами, люди начинают нервничать и испытывать страх.

А потом — ведьм ловят и сжигают! Даже в нашей старой доброй Америке, как в том городке, где...

— Это точно! Так что нужно делать, чтобы наложить заклятие?

Таким увлеченным Грейвса я в школе ни разу не видела, да и сам он чудесным образом преобразился. Лицо стало тоньше и взрослее, четко обозначились черты взрослого мужчины. Может быть, из-за света, проникающего в кухонное окно? Ведь и Кристоф казался красивым, стоя напротив окна.

Прости меня, Господи, за то, что назвала бабушкину науку обыкновенным целительством. Хотя она наверняка бы ответила Грейвсу так: «Горсть черной магии и щепотка белой — как ни назови, а главное, чтобы свершилось колдовство!» — и уж точно просверлила бы его глазами-бусинками, перед взглядом которых не устоял бы даже выдавший виды взрослый человек.

Бабушку в глаза ведьмой не называли, но бояться боялись, а просить помощи приходили лишь с наступлением сумерек или среди ночи. Платили куриными яйцами или шпиком из молодого поросенка, травами или тканями, из которых бабушка шила платья или лоскутные одеяла. Потом лоскутные пуховые одеяла распродавались, и всегда похорошей цене. Особенно после слухов о том, что одеяла, сшитые старшей Андерсон, защищают хижины от молний и помогают легче переносить роды.

Ее колдовство казалось мне чем-то обыденным, неотъемлемой частью нашей жизни, пока бабушка не отправила меня в местную школу в долине. А когда она умерла и за мной приехал отец, я узнала, что не все люди плюют на тень смертельно обидевшего их человека, моют полы водой с отваром тысячелистника и представляют, какими непроглядно черными и жуткими бывают ночи.

— Дрю? — опять прервал мои размышления обеспокоенный голос Грейвса.

Придя в себя, я вздрогнула от неожиданности и домыла наконец-то кастрюлю из-под спагетти, валявшуюся грязной несколько дней. Ну вот, теперь везде блеск и красота!

— Для заклинаний нам понадобится соленая вода. Мне от бабушки досталась рябиновая ветка, а еще у нас есть связка белых свечей. Что-нибудь да подействует!

Книги о потустороннем мире пахнут вековой пылью, ветхой бумагой и старой кожей. За каждую из них можно выручить целое состояние. Чего только стоит Аберфорт со своим бессмертным творением «Призраки ночи, или Кто живет за гранью»! А «Демониада» Бельт-Норсена и «Энциклопедия тьмы» Преттона! Я молчу о жутком, но мастерски написанном «Собрании правдивых сказок» Койлфера. Сколько раз перечитывала, столько раз тряслась от страха, потому что, надо отдать должное, Патон Койлфер умеет нагнать страху! Правда, папа рассказывал, что он плохо кончил, наткнувшись на древнее африканское проклятие с масками, одна из которых принадлежала известному в определенных кругах сэру Эдвину Колину Уилсону.^[5]

Уж поверьте, неподготовленный человек, прочтя «Собрание сказок», долго будет видеть кошмары по ночам.

В нашей библиотеке имелись и другие книги, но для начала и этих вполне достаточно. Правда, после нескольких секунд раздумий я добавила к стопке еще одно украшение книжной коллекции — Хэйли Йолден, «Ars Lurica»^[6] в кожаном переплете с потрепанными страницами.

Грейвс варил кофе — наверняка опять сэкономит, и кофе получится слабый! — а я разложила книги в гостиной и начала просматривать оглавление. Забавно, но в самых полезных книгах, по закону подлости, отсутствует алфавитный указатель, и приходится искать нужную информацию методом тыка, а в этом ничего забавного нет. Не слишком приятно рыться в пыльных фолиантах под аккомпанемент собственного чихания или, что еще хуже, второпях, под перекрестным огнем. Однако самое противное занятие — просматривать микрофиши!^[7] От просмотров древних газет на фишридере страшно устаешь и начинаешь чувствовать себя таким же допотопным, как просматриваемые материалы. Добавьте к этому жуткую головную боль, будто ретивый конь огрел копытом по черепу.

Я просмотрела список, в котором перечислялись разные слова: «джампир», «дампирус», «дамфир», пока, наконец, не наткнулась на интересующего меня «дампира», а потом обнаружила, что все они имеют одно значение. Потом пришлось полистать другие книги, и скажу вам, положив руку на сердце, Койлфер оказался интересней и полезней всех остальных!

Койлфер отдавал предпочтение слову «дампир», как произносил Кристоф, и определял его как убийцу вампиров, рожденного в браке вампира с женщиной. Некоторые дампиры испытывают жажду крови, а у большинства, по слухам, имеются определенные проблемы с костями. Чаще всего рождаются близнецы, но при этом одни мальчики. Про девочек не упоминается, словно их вообще не существует. Кстати, в Истинном мире у темных существ тоже появляются на свет почти одни мальчишки.

В основном, как гласит большинство балканских легенд, дампиры рождаются без костей. Выживший и достигший совершеннолетия дампир охотится на вампиров или упырей — кровососов!

Вампиры испытывают непреодолимое влечение к человеческим женщинам и часто вступают с ними в союз. В результате подобного брака рождаются дампиры. Стоит в родословную затесаться хотя бы одному вампиру, любой потомок будет называться

дампиром через многие и многие поколения.

Половинка, четверть, да и любая, пусть самая малая часть вампирской крови наделяет дампира отменными талантами охотника на вампиров. Им без лишних споров отдают в уплату за услугу все, что они запросят, будь то скот, одежда и даже женщины!

Да-да, не удивляйтесь! Феминисток в Истинном мире днем с огнем не сыскать!

Дампиры живут долго, можно сказать, вечно, если, конечно, их не выследят вампиры, а они их выслеживают и истребляют. Многие папаши-вампиры уничтожают свое потомство сразу после рождения. Из мести.

Я откинулась на спинку стула и задумалась на секунду-другую. Ничего себе! Какой ужас!

— Кофе готов! — сообщил Грейвс и остановился в дверях, с тревогой поглядывая на меня. — Что с тобой?

Теперь поиграем в прятки, Дрю.

Я встряхнула головой, отменяя прочь горькие воспоминания, и успокоила Грейвса:

— Да тут сплошные ужасы!

— Я так и знал. Ну, а наш красавчик говорит правду? — поинтересовался он, передавая мне кружку с коровой, подобранную в тон к любимой маминой коробке из-под печенья, тоже в виде веселой коровушки.

— Еще не выяснила, — ответила я, придвигая к Грейвсу книги Аберфорта и Преттона. — Поищи какую-нибудь информацию о лупгару, только не вырони закладки из отмеченных мной страниц, хорошо? Кстати, полистай и вот эту книгу под названием «Ars Lurica».

— Лупгару? — Он посмотрел на листок бумаги, на котором я написала слово. — Ладно, поищем.

— Тебе, наверное, легко заниматься подобными исследованиями и поисками. — Я подула на кофе, отпила глоточек и была приятно удивлена. А кофе-то на вкус ничего, намного лучше жидкого пойла, которым Грейвс угощал раньше!

— Ну, это мало похоже на математику. — Он вытянул руку, разглядывая ее с беспокойным интересом. Напряженные сухожилия проступают сквозь смуглую кожу, пальцы прямые, с обгрызенными ногтями, кисть руки обветрена, но не так сильно, как при первой встрече. — А большинство из описаний идет вразрез с физикой. Например, согласно закону сохранения энергии, существование некоторых форм почти невозможно.

— Не знаю, что там физика отвергает. Лично я верю только собственным глазам. — Я сделала очередной глоток, и сразу закружилась голова, которая вдруг стала невесомой и пустой. Кофемана из меня не получится!

— Твоя правда. Это вечная проблема всех теорий: реальный мир каждый раз ломает на практике их стройную систему! — Он уселся удобней, убрав волосы с лица. — Тебя такая практика не удручает?

— Имеешь в виду, что ей следовало бы оставаться теорией? — спросила я, немного подумав.

Однако Грейвс сразу понял, что я хочу сказать.

— Да, точно! Какая пакость! Можно сказать и так!

— Но ведь остальной мир мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся. Пожары в тропических лесах, серийные убийцы, пробки на дорогах. Жизнь отвратительная

шпука, с какой стороны ни посмотри, Грейвс. — Я перевела взгляд на книгу Койлфера. Превращение родного отца в зомби точно подпадает под самые отвратительные моменты жизни. Может, призовое место не займет, но наверняка войдет в первую десятку. — Неприятности украшают жизнь, как сахарная глазурь!

— Хороша глазурь! — хмыкнул Грейвс и приступил к изучению оглавления. — Ого! — не сдержался он от удивленного возгласа.

— Вот именно! — Я перевела дух, глотнула еще кофе и продолжила чтение.

Дампиры используют множество способов для уничтожения вампиров, самым известным из которых является популярное в народе средство в виде кола из боярышника...

День выдался на редкость удачным. Правда, к четырем часам дня я выпила столько кофе, что меня трясло, как в лихорадке. Наконец я, вздохнув, закрыла последнюю книгу. Теперь мы подготовились к бою, во всяком случае, узнали много полезного и интересного из нашей маленькой библиотечки.

— Значит, сомнений почти не остается? — Грейвс произнес слово «почти» таким тоном, будто оно имело иностранное происхождение. — Я не покроюсь с головы до ног шерстью, как та зверюга, что встретила нам на пути?

— Нет! Если верить книгам, лупгару не превращаются до конца в волков и сохраняют способность говорить и думать, как обычные люди. Прими поздравления, самое страшное теперь позади, и ты будешь только испытывать тягу к сырому мясу, которое придется регулярно употреблять в пищу, чтобы поддержать иммунную систему.

— Отлично, — скривился Грейвс, и, глядя на его кислую физиономию, я невольно рассмеялась. — Прямо сегодня перехожу на мясную диету. А ты нашла что-нибудь о девочке... дампире?

Он словно пробовал незнакомое слово на вкус, тщательно выговаривая каждый слог, а потом допил остатки остывшего кофе.

Я посмотрела в окно и увидела последствия сражения на лужайке. На снегу виднелись проплешины с пожухлой травой в тех местах, где Кристоф и Грейвс, сцепившись в клубок, катались по земле. Небо угрожало разразиться очередным снегопадом ближе к сумеркам, да и синоптики не сообщают ничего утешительного.

Разбитое крыльцо перекошилось, и на снегу виднелись разлетевшиеся во все стороны щепки. Да, ребята повеселились на славу!

— О дампиршах никаких сведений нет.

О матери я предпочла не упоминать, это семейное дело! Пусть Кристоф катится подальше со своими грязными намеками! Я уверена, что дар мне передан от бабушки по линии Андерсонов.

Правда, вспомнить о маминой семье ничего не удалось. Может потому, что эту тему умышленно не затрагивали? Я не знаю даже мамину девичью фамилию. Надо бы посмотреть свидетельство о браке, которое, скорее всего, хранится в папином сундучке с документами.

Меня мучило тревожное любопытство и ни на минуту не оставляло беспокойство. Возникало ощущение, что из-под ног выбили почву, и я, с перекошенным от страха лицом, болтаюсь на тонкой веревочке над бездонной пропастью.

Надвигались сумерки, и вечер окрасился синими тенями, убивающими солнечный свет. Лихорадочная дрожь после выпитой кружки крепкого кофе перешла в нервное истощение,

из-за которого никак не удавалось заснуть. Руки и ноги отяжелели, поврежденное плечо снова заныло. Пожалуй, надо выпить таблетку, чтобы избавиться от боли.

— Хочешь перекусить? — спросил Грейвс, и я, отвлекаясь от бессмысленного разглядывания лужайки, вдруг ощутила зверский голод.

Если выбирать, идти в супермаркет за едой или продолжить поиски полезной информации, лучше предпочесть второй вариант, как более разумный. Чтобы иметь возможность поесть, надо в первую очередь остаться в живых, так что отложим поход в магазин до завтрашнего дня.

Кстати, пора задуматься о том, где достать денег на расходы. И...

Внезапно мои размышления прервал стук в дверь. Легкое, как бы насмешливое постукивание застигло нас врасплох.

Я подпрыгнула от неожиданности, не сдержав испуганного возгласа, а Грейвс нервно вздрогнул и уронил пустую кружку из-под кофе на пол. Дверь стала медленно открываться. Не дожидаясь появления гостей, я нырнула за пистолетом, но правая нога от долгого сидения затекла и не позволила подняться. Пришлось катиться по полу. Больно стукнувшись спиной об оружейный ящик, я щелкнула предохранителем.

Тело сразу вспомнило отточенные долгими тренировками движения, и даже Грейвс догадался припасть к полу, переводя взгляд округлившихся от страха зеленых глаз с меня на входную дверь. Воздух вокруг него замерцал слабым сиянием.

— Не пугайтесь, птенчики! — послышался в коридоре голос Кристофа. — Я и отсюда чувствую запах адреналина у вас в крови. Помогите лучше занести вещи в дом. Надеюсь, найдется еще одна порция кофе для гостя?

Удивленный Грейвс непонимающе посмотрел на меня. Мы не заметили, как Кристоф подошел к дому, хотя почти минуту назад я, не отрываясь, разглядывала лужайку и подъездную дорогу. Он что, материализовался из воздуха?! И это несмотря на ранний вечер, когда еще не полностью стемнело?

Вот тебе еще один мерзкий сюрприз! Я поставила пистолет на предохранитель и выдохнула. Черт! Неужели я затаила дыхание, готовясь к бою? Ох, как бы меня отругал папа! Задерживать дыхание в момент перестрелки нельзя — легко потеряешь сознание или утратишь способность разумно мыслить из-за кислородного голодания головного мозга. А сколько раз случалось, что в разгар боя охотники падали без сознания, попадая в лапы врагу именно из-за неправильного дыхания.

Я по-прежнему лежала на полу, вытянувшись во весь рост и чувствуя, как холод проникает в коридор и в гостиную. Внезапно меня с головой накрыла волна одиночества.

— Ну же, зайчишки-трусишки, — весело окликнул нас Кристоф, наверное, как обычно, усмехаясь. — Выходите посмотреть, что вам принес добрый Санта-Клаус!

О чем он там болтает, черт возьми? Грейвс поднялся и ужом выскользнул в коридор, чтобы не оставаться на линии огня! Умный мальчик!

— А вот и ты! — Послышался шорох бумажных пакетов. — Помоги донести вещи. Я тут по пути забежал в магазин, а то в воздухе снова пахнет приближающимся снегопадом, и, похоже, сильным.

— Почему мы тебя не заметили? — поинтересовался у Кристофа Грейвс.

Я сглотнула подступивший к горлу комок и, аккуратно положив пистолет на крышку оружейного ящика, поднялась на дрожащие ноги. Затекшую ногу сразу закололо, словно в нее вонзилась сотня малюсеньких вилочек.

— Я очень проворный! — Кристоф так и сиял от счастья! — Давай подходи, выючное животное. Возьми пару пакетов. А где наша княжна, то бишь принцесса?

— Дрю допивает кофе, — сообщил Грейвс с нескрываемым сарказмом и спустя секунду появился в проеме двери, нагруженный пакетами из магазина. Из одного пакета торчали хвостики какой-то зелени. — Мы занимались изучением книг.

— Ой, какие молодцы! Тренируете память, маленькие послушные детки? А как радуется ваш ангел-хранитель! — С хлопком закрылась входная дверь, и опять донесся шорох пакетов. — Чем еще занимались?

Грейвс обиженно промолчал, пронося пакеты мимо лестницы на кухню, а я выглянула в коридор и увидела Кристофа в новом пуловере — на этот раз голубого цвета с белыми полосами на рукавах, от которых плечи казались еще шире. Джинсы были прежними, только уже сухие и чистые. В волосах опять играли светлые всполохи, а в глазах горели веселые смешинки.

Запах свежее испеченных яблочных пирогов заполнил коридор. Голова закружилась, и меня опять захлестнула волна отчаяния!

— Я принес кое-какое оружие, но лучше помоги донести вот это.

Он показал на шесть пакетов, стоявших возле ног. За спиной болтался рюкзак, грудь пересекал широкий кожаный ремень, а из-за плеча торчало дуло дробовика.

— Ты вошел в магазин с оружием?

Я скрестила руки, чтобы унять резь в заскулившем от голода желудке.

— Люди видят только то, что желают, Дрю. — В драматическом жесте он развел в стороны руки и усмехнулся белозубой улыбкой, которая осветила своим сиянием полумрак коридора. — Ты сама об этом знаешь. Я тут купил консервированные супы, хлеб и всякие запасы еды, а то у вас на кухне ничего не осталось. А что потребуешь взамен?

— Что я тебе должна? — спросила я, не двигаясь с места.

— Ничего! Абсолютно ничего. — Улыбка стала еще шире, если такое только возможно. — Можно войти?

Неужели я так жалко выгляжу, что все знакомые мальчишки покупают мне еду?

Я равнодушно повела плечами:

— Вряд ли тебя остановит отказ. Кстати, в книгах ни слова не сказано о девочках-дампирах.

— Книги! — протянул он с сомнением. — В книгах, которые собрал твой отец, ни слова не говорится о тайнах, хранимых родом дампиров!

Как мне не нравился тон, которым Кристоф говорил об отце! Но я сдержала злость, шагнула вперед и, подняв три пакета, повернулась к нахалу спиной.

— Дрю!

Он произнес мое имя с неприкрытым вызовом, а из голоса улетучилась веселость.

Я оглянулась через плечо. В дверях по-прежнему стоял юноша лет семнадцати, с сияющими глазами и выглядывающим из-за плеча дробовиком.

Господи! Дети ходят с ружьями! У меня в гостиной целый арсенал — хоть восстание устраивай, а этот парнишка гуляет повсюду, не таясь, с дробовиком. Грейвс сам по себе стал грозным оружием, стоит ему рассердиться и дать волю звериным инстинктам. Куда же подевались взрослые, которые должны за всем этим следить?!

Неужели все умерли, как и папа?

От подобных мыслей становилось не по себе.

— Что? — отозвалась я на оклик Кристофа.

После короткой паузы он устало повел плечами:

— Ничего. Надеюсь, принес все, что может пригодиться в хозяйстве.

Я тоже надеюсь. Но, если честно, не имею ни малейшего понятия, что мне нужно в данный момент. Впрочем, дробовик — вещь, безусловно, полезная.

— Спасибо, что закупил продукты. Не знаю, сколько времени придется просидеть в этом доме.

— Неужели?

Ты — не первый гость, явившийся из темного мира, Голубоглазый!

Я отнесла пакеты на кухню, оставив его осмысливать сказанные слова.

Сон о темном подполе безжалостно окутал сознание, но развеялся словно дым, как только непонятный звук вырвал меня из плена жутких видений. За окном шел снег, и в сказочном сиянии света ночных фонарей, отраженного от нового снежного покрова, сидела, нахохлившись и устремив на меня немигающий взгляд, белая бабушкина сова.

Было тепло и уютно, на соседней раскладушке мирно посапывал Грейвс. С первого этажа доносился чуть слышный звук включенного телевизора. Там обосновался второй постоялец.

От их присутствия веяло спокойствием. Однако где-то в глубине души затаился страх.

Честно говоря, я опасалась, что не усну, если Кристоф останется в доме. В действительности же провалилась в тяжелый сон, как только голова коснулась подушки.

Сова подмигнула правым глазом, а невесть откуда взявшийся аромат лунного сияния развеял слабый вкус цитрусов во рту.

Я бесшумно выскользнула из теплой постели, чуть затаив дыхание от прохладного воздуха, мурашками пробежавшего по коже. Несмотря на включенный обогреватель, в комнате стоял пронизывающий холод. Поверх теплой пижамы, которую всегда надеваю на ночь, я натянула спортивные брюки, накинула сверху вязаный жакет и согнала остатки сна, протерев глаза кулачками.

Прошмыгнула мимо всхлипнувшего во сне Грейвса и, стараясь не скрипеть ступеньками, спустилась по лестнице. Половицы застыли в молчании, когда я шла по коридору. На стене отражается голубой прямоугольник от включенного телевизора. В гостиной перед ним, с дробовиком наперевес, сидит Кристоф, устроившись в папином складном кресле — не тот ли это дробовик, что я видела у него на складах? Голова опущена, будто во сне клюет носом. Звук в телевизоре приглушен, на экране — черно-белое старое кино о войне, которое идет с сильными помехами.

«Стоп! У нас ведь кабельное телевидение, и помех быть не должно!» — мелькнула в голове мысль.

Ковер, коробки, расставленные вдоль стенки коридора, отверстие от пули, сияющее в свете телевизионного экрана, выглядят как картинки из прошлой жизни.

Входная дверь мерцает теплыми огнями. Тоненькие нити светло-голубых линий опутали ее сложным витиеватым узором, похожим на татуировки первобытнообщинных племен. Я смотрю как замороженная на игру света с тенью, а вокруг стоит гробовая тишина, словно мир окутан обманчивой сетью дьявольских чудес.

Легкой поступью я шаг за шагом приближаюсь к входной двери, иду босиком по дешевому ковру, а ноги скользят по нему, как по маслу. Дверь все ближе и ближе, будто ковровая дорожка сама несет меня к ней. Рука без моего участия открывает замки, и оба засова отодвигаются совсем бесшумно. Ладонь тянется к дверной ручке...

Нет, Дрю, не выходи!

Ой, кажется, я не собиралась на ночную прогулку! Внезапно рот наполнился сладким вкусом настоящих апельсинов, а не искусственных и восковых, как обычно. От удивления даже голова заболела, будто сквозь нее незаметно просунули металлическую трубку. Дверная ручка шипит, как раскаленная сковорода при прикосновении прохладной руки, голубые линии тревожно пульсируют на двери.

Дверь бесшумно открылась настежь, а защитные чары пропустили меня на улицу. Я по-прежнему словно плыву и осторожно делаю шаг вперед. Странно, но холод отступает. На пустом крыльце сломаны перила, засохшие растения стоят под окном в пластмассовых горшках, покрытые морозным инеем, сосульки свисают с водосточной трубы. Крохотные ледяные мечи задрожали под моим взглядом.

Ступени ни разу не скрипнули под ногами. Снова идет снег: огромные пушистые снежинки кружатся, падая застывшими звездочками и рисуя в небе странные узоры, как и защитные линии на двери. Внутри меня началось знакомое гудение, словно подключили к животу электрический кабель. Почти видимая для глаз силовая линия змеится мимо проплешин на лужайке, на которой уже скрываются под новыми сугробами все следы сегодняшней битвы.

Куда я иду?

Над головой послышалось яростное хлопанье совиных крыльев, и мимо белым призраком скользнула в небо бабушкина сова. Темные пятнышки на белоснежном оперении казались почти незаметными. Сделав над головой два круга, птица медленно полетела вдоль улицы.

Призрачный кабель, подключенный к животу, натянулся и потащил меня в том же направлении. Я откинулась назад, будто скользила на лыжах по водной глади. Что-то странное было в этом жутком движении: волосы не развеваются на ветру и мороз не обжигает щеки!

Ухты, я словно в прозрачном шаре! Ого-го! Неуместное хихиканье, булькнув, застряло в горле и смолкло. Мир дрожал, как капли краски на палитре, а тьма и снежное сияние слились воедино. Сова сделала вираж, паря на широких крыльях, и на секунду наши взгляды встретились. Она снизилась и пролетела прямо над головой. Дуновение воздуха, поднятое крыльями, коснулось щек и лба, и волосы чуть разметались по сторонам, а потом опять вернулось прежнее оцепенение.

Необычная сила тянула меня вдоль улиц, иногда поворачивая направо или налево, порой поднимая на вершины сугробов и опуская по их склонам так аккуратно, что я даже не замечала. По улицам, через аллеи, вверх и вниз по изгибам занесенной снегом машины! Вот будет забавно, когда завтрашним утром владелец найдет на крыше автомобиля следы ног! Правда, веселая мысль мелькнула на мгновение и исчезла.

Черт, я ведь не иду! Самый настоящий серфинг на снегу! Ух!

Внезапно сова глухо ухнула, и натяжение силы стало слабеть. Внутри еще пульсировало гудение, но движение прекратилось. Оглядевшись, я обнаружила, что стою напротив старого разрушенного двухэтажного коттеджа, некогда окрашенного в яркий, ныне потускневший желтый цвет. Перед домом рос гигантский дуб, протянувший голые ветки до самого неба.

Почему так щемит сердце при виде дома? Долгое время, задрав голову, я изучала казавшийся знакомым фасад. Белая сова уже устроилась на полуразрушенном козырьке над крыльцом, ступени которого скрыл глубокий снег.

Да, снег закрыл ступени, но я знаю, как они выглядят. Знаю, как скрипнет крыльцо, когда шагну на деревянный настил. Выцветшая желтая входная дверь свесилась с петель и качалась, открывая проход вглубь коридора. Виси она на месте, я бы узнала песню скрипучих петель. Обычно они скрипели долго и протяжно, почти на одной ноте, словно кричал упрямый ослик.

От узкого коридора направо вверх ведет лестница, а на втором этаже находятся четыре

комнаты. Ванная комната, где наверняка все отсырело, раз уж входные двери не закрываются, потом две спальни — взрослая и детская — и чулан!

Мне знаком этот дом. Откуда я могу его знать?

Сова расправила крылья, склонила голову набок и снова протяжно ухнула, мигая старыми и до боли печальными глазами-бусинками.

Я решила войти в дом, но теперь каждый шаг давался с трудом, словно растаяло масло, по которому так легко прежде скользили ноги. Чем ближе дом, тем гуще мрак, опускающийся на землю. У подножия огромного дуба земля оказалась выжженной и совсем без снега. Там во тьме лежал причудливый узор, сплетенный лунным светом, проникавшим сквозь черные ветви дуба.

Что это?

Сова ухнула в третий раз, и в ее глухом крике прозвучала настороженная настойчивость. Я протянула к птице руку. Гудение в животе усилилось, злые осы из гнезда в желудке зловеще гудели и щекотали нервы.

Подождите! Я узнаю... узнаю этот дом...

Вдруг мир пошатнулся. Взглянув на руки, я с ужасом поняла, что они почти прозрачные. Лунный свет проникал сквозь ладони, словно через стеклянный сосуд с дымом внутри.

Я — призрак!

Белая сова ухнула в последний раз, но теперь ее крик взорвался громким скрежещущим звоном. Осы вырвались из живота и зловеще зароились во всем теле, пронзая острыми жалами кончики пальцев. Я наконец-то добралась до тени от гигантского дуба. Ветви на древнем дереве скрипят, напоминая звук трещотки гремучих змей перед броском на жертву.

— Что за черт?! — выкрикнул чей-то знакомый голос, и я упала в спасительный обморок.

В последний миг показалось, будто я, как резиновая лента, выскользнула из чьих-то цепких лап и теперь свободно парю в воздухе.

Холодный воздух, проникавший в настежь открытое окно, привел меня в чувство. Кристоф выкручивал мое запястье, изменяя траекторию удара. Грейвс издал пронзительный крик, который на секунду смешался с громкими звуками хлопающих крыльев, но не таких бесшумных, как у совы.

Мы с Кристофом упали на пол, а Грейвс с усилием закрыл окно, повторяя высоким фальцетом: «Боже мой! Боже мой!» Я бы от души посмеялась над ним, но тело отозвалось острой болью, пронзившей каждую клеточку.

— Черт возьми, что это было? Что это за тварь? — ужаснулся Грейвс.

Я и сама не могла прийти в себя от ужаса. В теплой пижаме с жакетом поверх плеч я снова оказалась в своей спальне, теперь выстуженной морозным воздухом. Постель перевернута вверх дном, раскладушка Грейвса опрокинута, а в комнате повис мерзкий запах гниющих птичьих перьев.

— Это Ревелль, — мрачно ответил Кристоф.

Его глаза горели ярким голубым огнем, ладони обхватили мои запястья, а сам он лежал на мне, будто считал это самым естественным делом в жизни. Кожа у дампира была теплая, правда, он оказался тяжелее, чем выглядел. Весь воздух из моих легких вышел в одном резком выдохе.

— Похитительница снов, — объяснил Кристоф и, уткнувшись в мои волосы, прошептал:

— Успокойся, пташка, всего лишь змейка заползла в гнездо. — Горячее дыхание опалило мой затылок, прежде чем он поднял голову и спросил у Грейвса: — За окном ясная ночь или идет снег?

— Снег, — откликнулся гот, закрыл на щеколду окно и, вздрогнув, обхватил плечи руками крест-накрест. — Господи! Эта гадость влетела, и Дрю...

Кристоф зашевелился, меняя положение плеча, а тепло, идущее от его тела, захлестнуло меня с головой.

— Эй, Дрю! — позвал он меня тихо. — Поговори со мной. Как себя чувствуешь?

Наверное, спрашивал именно Кристоф, потому что его лицо прижалось к моим волосам, ноги обвили мои, и он так крепко держал мои запястья, словно внутри пальцев у него были стальные прутья.

— Слезь с меня! — удалось выдавить, прежде чем я начала задыхаться под тяжестью его тела.

— Ну вот! С ней все в порядке.

Грейвс искоса посмотрел на нас обоих.

— Возможно, — уклончиво ответил Кристоф, отпуская меня, причем очень медленно.

Сильное покалывание в теле продолжалось, и я свернулась на полу в клубок, глубоко вдыхая воздух, сдобренный ароматом яблок с корицей вперемешку со смрадом гниющих перьев. В коридоре горел свет и падал на пол спальни желтым прямоугольником. Вдруг в животе начались резкие спазмы, и меня вырвало одной желчью.

Ох, как же больно!

— Черт возьми! — Одним плавным движением Кристоф поднялся на ноги, а темные волосы так и не растрепались, оставшись гладкими и прилизанными. — Черт возьми, кто ж знал, что он пошлет именно ее?

— Кто? Кто послал? Кто мог послать эту дрянь? — Кажется, колени Грейвса от страха колотятся друг об друга, да и зубы вроде отстукивают дробь, а в глазах горит лихорадочный изумрудный свет. — Мать вашу, да что это было, в конце концов?!

— Крылатая змея. Она прилетает разорять гнезда. — Кристоф плечом отстранил Грейвса от окна и сам проверил щеколды. — Должно быть, Дрю сама открыла ей окно, приняв за кого-то другого. Или... Эх! Все отдал бы, лишь бы узнать... — Он резко замолчал, уставившись на падающие снежинки за окном. Снег облепил стекло и бесшумно таял от исходящего из комнаты тепла. — Неужели он подозревает, что Дрю скоро войдет в силу? Как же я упустил из виду, что именно он управляет похитительницами сна — только Махараджа выводит их в своем серпентарии.

Голос Кристофа дрожал от злости и был полон решимости.

А можно я умру?

Меня снова вырвало одной желчью. Создавалось ощущение, что внутренности решили выскочить наружу. Но я же выходила на улицу! Я узнала тот дом! Там мы жили прежде...

...прежде чем мир изменился, прежде чем мама...

Найду ли я дом наяву? Вполне возможно. Воспоминания о сне не таяли, как обычно случается со сновидениями. Наоборот, все детали отчетливо прорисовывались в памяти: каждый взмах совиных крыльев, каждая ветка могучего дуба. Только тело снова скрутили спазмы. Господи, что со мной происходит?

Кристоф барабанил пальцами по подоконнику. Барабанная дробь пронзала мозг и заставляла теснее сжаться в комок.

— Если бы стояла ясная ночь, я бы ее выследил, Тем более что она ранена. — Он устремил взгляд мерцающих глаз поверх плеча на Грейвса. — Молодец, перевертыш, что прыгнул между ними.

— Да уж! — буркнул Грейвс, которого похвала Кристофа несколько не обрадовала.

Я закашлялась, потом с трудом справилась с комком в горле в надежде, что внутренности все-таки останутся на своем месте.

Кто-нибудь объяснит, что тут произошло? Очевидно одно: некая тварь подлетела к окну, и я спутала ее с бабушкиной совой.

Или нет? Меня ведь в действительности здесь не было. И потом, мне ли не знать бабушкину вестницу. Да, именно так. А еще я вспомнила тот дом!

— Он из прежней жизни, — выдавила я сквозь сжатые зубы.

Меня сильно лихорадило, будто я разгуливала по снегу босиком.

А ведь действительно разгуливала!

— Принеси воды. — Кристоф, схватив Грейвса за плечо, указал на дверь, но как только отпустил, сразу отряхнул руки, словно от одного прикосновения к готу испачкал их. — стакан воды. Быстрее!

Грейвс подскочил, разметав курчавые волосы по плечам, и понесся со всей скоростью вниз по лестнице, перепрыгивая через ступени. Даже пару раз стукнулся об стену.

Кристоф отвернулся от окна и встал возле меня на колени.

«Дурак!» — прошептал он с придыханием.

Глаза по-прежнему горели ярким огнем, а когда мне удалось повернуть голову и посмотреть ему в лицо, я заметила ямочки у нижней губы, куда упираются клыки, растущие в верхней челюсти.

Впрочем, мне сейчас было не до клыков.

Что? Что со мной произошло?

Сердце в груди тревожно подпрыгнуло и забилось в бешеном ритме. Становилось все труднее преодолевать спазмы и нормально дышать, а в воздухе по-прежнему стоял аромат яблок, к которому примешивался запах гнилых птичьих перьев. Это состояние ничем не напоминало волну надвигающейся рвоты. Казалось, все тело сжалось в одном порыве, пытаюсь выдавить из горла и рта один-единственный звук.

Кристоф склонился и обхватил руками мое лицо, больно вывернув шею.

— Дыши! — приказал он спокойно, в его глазах сверкал холодный огонь цвета зимнего голубого неба, а за окном мягко падал снег. Внизу Грейвс громко выругался и хлопнул дверкой шкафа. — Ты будешь дышать и жить! Слышишь? Другого выхода нет, *milna*. Дыши!

Я попыталась сделать вдох, но от напряжения глаза закатились, и на меня опустилась тьма — глубокая, как беззвездная ночь. В голове пульсировала кровь, усиливая давление на нос и глаза, крошечные вспышки света просочились в сознание. Острая боль отточенным кинжалом пронзила тело с головы до ног, пробежав электрическим разрядом по всем нервным окончаниям.

Грейвс вбежал в комнату, вполголоса шепча проклятия. Кристоф отпустил мою голову, и она упала на пол за секунду до того, как он с оглушительным воплем выплеснул стакан воды прямо мне налицо.

Судороги внезапно прекратились. Разбрызгивая капли во все стороны, я металась по полу в приступе удушья, словно выброшенная на берег рыбка, а потом мне удалось сделать глубокий вдох. На выдохе я выдала поток самых изощренных ругательств и проклятий. Папа

бы мной гордился!

— Ну вот! — тяжело дыша, произнес Грейвс, когда я израсходовала весь запас ругательств, выдохнув их вместе с воздухом. — Я говорил, все будет хорошо!

— Идиот! — Кристоф передал ему стакан, пока я пыталась стряхнуть с себя капли. Мышцы от перенапряжения сразу ослабли. — Пойми, она была на грани. Принеси лучше полотенце.

— Может, сам принесешь? Я уже сбегал раз на кухню, тем более это ты облил ее водой. — Грейвс склонился надо мной, с встревоженным видом разглядывая обескровленное лицо. — Эй, Дрю, представляешь, ты целовалась по-французски с крылатой змеей! Жуть!

— Змея крала ее дыхание, остолоп! Принеси полотенце.

Кристоф пихнул его в бок и получил сильный толчок в ответ. Пол заскрипел под тяжестью двух пытящих от злости подростков, а воздух наполнился агрессией, исходящей от новоиспеченных мачо. Да уж, нашли время!

— Чего ты командуешь, скотина? Я раньше тебя сюда пришел!

Верхняя губа Грейвса поднялась в оскале, обнажая такие же белоснежные зубы, как и у Кристофа.

Господи! Какое мальчишество!

Я наконец-то обрела дар речи и взорвалась:

— Да катитесь вы оба к черту! Вон отсюда! — Изобразить твердость намерений тяжело, когда на вас промокший жакет, а каждая мышца на лице находится в расслабленном состоянии после долгого напряжения, но я собрала все силы и сделала невозможное. — Валите вниз, козлы, и приготовьте мне горячий шоколад, а еще разгрузите посудомоечную машину и займитесь, наконец, полезным делом, вместо того чтобы устраивать бои без правил в моей спальне!

Две пары горящих глаз — голубые и изумрудные — уставились на меня в немом изумлении, а я, опершись на дрожащие руки, подтянулась к кровати и кое-как взобралась на нее. Со щелчком включился обогреватель, но от бесшумного мерцания снега на оконном стекле меня снова затрясло от холода.

Меня здесь не было, а кто-то в это время пытался причинить вред моему телу. Ох, бабушка, вот бы ты сама явилась ко мне вместо белой совы и посоветовала, что делать!

Агрессивное напряжение покинуло комнату, как только мальчишки в смущении отпрянули друг от друга. Кристоф опять повернулся к окну, демонстрируя острый клыкастый профиль. Прическа опять казалась прилизанной, будто его волосы тоже окатили водой. Губы сжаты в твердую линию, а острые клыки скрылись из виду — наверное, Кристофу пришла в голову очередная замечательная идея!

Грейвс по-прежнему держал в руках стакан и, встретив мой взгляд, усмехнулся своей обычной улыбкой. Глаза горят, но только не голубым, а изумрудным огнем. Под прядями курчавых волос, падающих на лицо с выступающим носом-клювом, заметно, что парень перестал беситься.

— Ну, у тебя все хорошо? — с озабоченным видом поинтересовался он.

Не уверена. Я измотана до предела, а вы, ребята, не даете передохнуть!

Вслух спокойным и твердым голосом, который мне всегда удавался лучше всего, произнесла:

— Сварите мне горячий шоколад, а то я замерзла. А потом убирайтесь. — Я крепко обняла себя за плечи. Может, в актрисы податься? Даже не представляете, сколько в мире

профессий, для которых нужен дар лицедейства! — А не то я вас обоих пристрелю.

Кристофа, правда, убедить не удалось. Он лишь моргнул, будто только что вернулся в комнату, скрестил руки на груди и искоса посмотрел на меня. Наверное, горящие во мраке глаза излучают голубой свет.

— Ты думаешь...

— Крис, заткнись, а? — К моему удивлению, он послушался. — Займись лучше посудой. Грейвс покажет, куда ее сложить. А потом я спущусь вниз, и ты расскажешь мне о той змее.

Они послушно покинули спальню, и я наконец-то положила лоб на колени. Постоянные боли в спине и поврежденном плече давно стали моими неразлучными спутниками. А ситуация с каждым часом становится все запутаннее и запутаннее. С первого взгляда и не разберешь, где заканчивается нормальный мир и начинается Истинный. И куда подевались взрослые, ответственные за нас?

В голове мелькнула интересная мысль, но силы были на исходе, так что я не стала на ней сосредотачиваться. Вместо этого сделала глубокий вдох, как учила бабушка, и постаралась все выбросить из головы. Правда, расслабиться не удалось, потому что назойливая мысль все время вертелась в голове, не желая ее покидать.

Я найду увиденный сегодня дом. Уверена, что найду тот дом из прежней жизни. Главное, что он находится в этом городе!

Почему отец скрыл от меня, что мы жили здесь?

— Это все проделки Сергея, — заявил Кристоф, передавая мне кружку с шоколадом. Дома не оказалось согревающих трав, а жаль! Потому что я никак не могла согреться, даже сидя в вязаном свитере и укутавшись маминым пледом. — Сергей очень старый вампир, наверное, самый старый в Северной и, возможно, Южной Америке. Он прибыл на наш материк из Европы после войны.

— После какой войны? — поинтересовался Грейвс, устроившийся возле меня у кухонной стойки.

— Конечно, после Первой мировой, а не той, которая стала прикрытием геноцида, устроенного ужасным маленьким австрийским капралом, — терпеливо пояснил Кристоф, награждая Грейвса испепеляющим взглядом и ставя на кухонную стойку свою кружку. — Сергей тогда выпил изрядную порцию крови на полях сражения под городами Лодзь и Горлице-Тарнов. До этого он не пользовался большим авторитетом среди вампиров, но во время войны что-то в нем изменилось. Вскоре он переехал в Америку и с тех пор сеет зло. Сергей убивает ради еды и забавы, он делает вампирами всех подряд ради увеличения численности своего племени. Мы давно выслеживаем его.

— Мы? Кто это «мы»?

Я с удивлением посмотрела на Кристофа.

— Братство, конечно же. Кстати, твоя мама была одной из нас.

Он произнес эту фразу обычным тоном, будто сообщал очередные планы на сегодняшний вечер.

— Что? — поразила я. — Что за черт? — Сначала мама оказывается охотником на вампиров, теперь братство какое-то приплели. Что Кристоф вообще знает о ней? — Она давно умерла.

— Верно. Единственная светоча за шестьдесят лет. Сергей даже выполз из своего тайного убежища, чтобы самому убить ее. Несмотря на появившуюся с годами слабость, она серьезно ранила Сергея, но, к сожалению, он расправился с ней без жалости.

Что-то ужасное и скрытое в глубинах сознания выплыло наружу на короткое мгновение. *Поиграем в прятки, Дрю!* И потом биение, как пульсирующее сердце, все быстрее и быстрее, ближе и ближе. Я отмахнулась от набежавших мыслей, ведь это просто сон, верно? У меня сейчас совершенно другие проблемы!

Стоп! Погодите-ка минуточку! Сначала хотелось бы узнать ответ на первый вопрос, а потом можно переходить и к другим делам.

— А зачем отец звонил тебе, Кристоф?

Выражение его лица переменялось, и, хоть убейте меня, не знаю, как это описать.

— Мне кажется, он наконец-то понял, что нужен Братству. Но он обвинил нас в смерти твоей матери и, видимо, решил, что простой смертный сделает то, что оказалось не под силу нам, потому и отправился на охоту один.

Я не сводила пристального взгляда с кружки, в которой дымился горячий шоколад. Что ж, звучит правдиво. Папа, если честно, словно с ума сошел после маминой смерти, а я над этим не задумывалась. Мама умерла не дома, и я ничего не видела.

Или видела?

Помню бледное решительное лицо отца, спорящего с бабушкой, наверное, в первый раз

на моей памяти. В большинстве случаев бабушка либо соглашалась с отцом, либо делала, как считала нужным, не делясь с ним своими соображениями.

В тот день мы приехали в бабушкину хижину среди ночи, и они поругались. Мы с отцом ехали в грузовике с открытыми окнами, и прохладный воздух с ночных гор беспрепятственно проникал в салон, смешиваясь со звуками урчащего двигателя. Когда мы останавливались, пахло землей, свежескошенной травой и ночной прохладой. Я тогда очень устала, поэтому свернулась на сиденье калачиком и сосала большой палец, хотя была уже большой девочкой.

Это самое отчетливое воспоминание из раннего детства, утопающего в тумане противоречивых впечатлений от окружающего мира, который я лишь позже стала воспринимать более осмысленно. Вы не ошибетесь, предположив, что взрослеть я начала, ощущая прохладу зимнего воздуха, слушая щелканье бабушкиной плиты и вбирая запахи жареной глазуньи. Милая бабушка сразу принялась готовить именно это любимое папино блюдо, как только мы свернули на пыльную проселочную дорогу, бегущую то вверх, то вниз по холмам к бабушкиной хижине.

Бабушка тогда очень громко кричала:

— Что собираешься делать, Дуайт? Только учти, ребенок слишком мал, чтобы знать правду!

Ей отвечал папин охрипший от слез голос, хотя даже представить невозможно, чтобы папа плакал:

— Она мала, и поэтому мы приехали к тебе. Никто до нее здесь не доберется. Можешь меня ненавидеть, старушка, но я делаю все, что могу.

А когда я со слезами умоляла папу, чтобы он взял меня с собой, он с грустной улыбкой ерошил мои волосы и отвечал:

«Чуть позже, принцесса. Сначала подрасти чуток!»

Бабушка лишь недовольно фыркала сквозь плотно сжатые зубы, а когда папа уехал, загрузила меня по горло работой по хозяйству. В хижине никогда не переводились домашние дела! Возможно, бабушка просто считала, что работа не даст скучать и грустить по отцу.

Однако, сгребая сено, собирая лесные ягоды или помогая солить поросячье мясо, я не переставала думать об отце. Все ждала, когда он вернется. Детскую душу согревала надежда, что совсем скоро он заберет меня с собой.

Детские воспоминания не решают нынешних проблем. Надо сконцентрироваться на настоящем! Думай, Дрю. Что бы спросил отец у этого красавчика, будь он на моем месте?

— И что это за братва такая?

— Братство, — поправил Кристоф величественным тоном. — В него входят профессиональные охотники, в основном дампирь из клана Курос. Правда, есть несколько представителей из его рода. — Он вяло махнул рукой в сторону побледневшего Грейвса. — Они нам помогают.

— Так ведь он — лупгару, — пришла я на выручку своему другу. — Оборотень всего лишь наполовину, сильнее и быстрее человека, но уступает по силе настоящему вервольфу. Мы уже раскопали некоторые сведения. В конце концов, не совсем мы идиоты!

Грейвс бросил на меня удивленный взгляд. Не знаю, понял ли он, что мне просто не нравится пренебрежительный тон Кристофа. Мы ведь обсудили все вчера и знаем, что с ним произошло на самом деле.

Грейвсу повезло больше, чем мы оба предполагали. Не каждый подросток, укушенный оборотнем, окажется девственником, и не каждый волк обладает жизненной силой и

могуществом, способными превратить девственника в оборотня наполовину, иными словами, лупгару.

И потом, наш новый клыкастый знакомый не должен относиться к Грейвсу, словно к второсортному существу, потому что укусили его по моей вине.

— В Братстве есть и оборотни, и лупгару. — Кристоф налил молока в кастрюлю и стал его кипятить, медленно помешивая. Его кружка стояла возле плиты. — Лупгару вроде принцев среди оборотней.

Ну вот! А вы говорите, ничего особенного!

— А во мне, значит, течет кровь вампира?

Я прикоснулась пальцем к своей кружке, она оказалась по-прежнему обжигающе горячей.

— Упирь не может прожить без человеческих женщин. Понимаешь, Сергей и ему подобные... Чем они могущественнее, тем больший сексуальный голод испытывают. Однако Сергей всегда осторожен: он избегается от своих детей, иногда убивая и их матерей, прежде чем они составят для него угрозу. Поэтому все дампирь своего рода герои, победившие в этой войне за выживание, или дети героев. — Кристоф печально вздохнул, а плечи его словно окаменели под грузом страданий. — Вампиры убивают нас при первой возможности, а мы платим им при встрече тем же. Так сказать, родственные разборки в одной большой счастливой семье!

А я думала, только мы с отцом находили «забавными» свидания с потусторонней нечистью!

— Так Братство охотится на этого Сергея? На вампира, который, по твоим словам, убил маму?

Я задавала вопросы не потому, что не верила Кристофу, а потому, что папа вырастил из меня не полную идиотку. К рассказу голубоглазого красавца-дампира не придерешься, к тому же он спас мне жизнь, но такие легенды в Истинном мире сочинить — раз плюнуть! Ну, дамфир он, и что? Кто знает, какие цели он преследует в глубине души?

Да и кто поручится, что весь его рассказ не выдумка, преследующая злой умысел?

Правда, если задуматься, зачем ему врать? Или оставлять меня в живых?

Тем временем Кристоф продолжил рассказ:

— Братство ищет Сергея с 1918 года. Он достаточно хитер, чтобы не вылезать из тайного убежища. Обычно он расправляется с жертвой с помощью своих любимцев, а сил и мощи у него хватает, чтобы управлять ими. Кстати, оборотень с белой полосой на морде, которого ты видела у складов, один из его фаворитов по имени Пепел.

Нас с Грейвсом передернуло при упоминании меченого оборотня. Я поправила на плечах плед и спросила удивленно:

— С какой стати оборотень служит вампиру? Разве они не враги?

— Сергею удастся подчинить врагов своей воле, — тихим голосом объяснил Кристоф. — Даже вервольфов. Пепел принадлежит ему с незапамятных времен. — Он внезапно замолчал, помешивая молоко в кастрюле. Тишину нарушал лишь стук снега, бросаемого в окно порывами зимнего ветра. Наконец Кристоф встряхнул головой, словно отгоняя невеселые мысли, и продолжил: — Мы бы без труда убили Сергея, выйди он из убежища. Особенно, если бы с нами была светоча, обученная искусству убивать — дочь лучшего из нас. — Молоко громко плескалось в кастрюле. — Ты не понимаешь, какую ценность представляешь для нас, Дрю!

Посылает своих любимцев? Интересно, а в их число входит та горящая собака? Или она вообще из другой команды?

— А есть среди фаворитов Сергея горящая собака?

— Горящая собака? — Кристоф задумался. — Большая и черная, которая вдруг вспыхивает огнем?

Я вспомнила зловещую черную фигуру, которая потом загорелась точно рождественская елка.

— Да, именно такая, с длинными клыками. Огромная тварюга!

— Ростом с лошадь, — добавил Грейвс.

— Ага, — протянул Кристоф и замолчал, ничего больше не добавив.

— Тогда-то мы в первый раз и встретились с меченым оборотнем, как его? Пеплом! Он был с этой горящей собакой.

Кристоф в задумчивости кивнул головой:

— Пепел и его гончий пес. Но как вы...

— Мы утопили собаку в фонтане, — ответил за меня Грейвс, и в его голосе звучала неподдельная гордость. — А потом Дрю выстрелила в оборотня, после того как он укусил меня.

Секунду Кристоф хранил молчание, потом удивленно заметил:

— Пепел со своими гончими убил многих достойных бойцов нашего Братства. Как удалось вам, необученным...

— Да, мы надрали ему задницу. — И чуть не погибли сами. Правда, об этом умолчим. Ребра кольнули в бок, стоило слегка пошевелиться. — Постой-ка! А сколько вас состоит в Братстве?

Кристоф горделиво выпрямился, прежде чем ответить на вопрос:

— Несколько тысяч из клана Курос здесь, в Штатах, в Европе — еще больше, а в Азии, правда, чуть меньше. Мы живем повсюду!

Что ты говоришь?! Повсюду?

— Почему тогда я о вас ничего не знаю? Мы с отцом объездили почти весь континент, и я ни словечка не слышала о Братстве.

— Имеющий уши да услышит. Кстати, друг твоего отца Огаст Доброслав — один из наших ребят.

Небрежно взмахнув рукой, Кристоф вернулся к помешиванию молока, будто нет на свете дел интереснее.

От удивления я оцепенела. Огаст! А ведь недавно я его вспоминала!

Кивнув головой, я предположила:

— Значит, он может подтвердить твой рассказ, если ему позвонить?

Волосы упали на лицо, скрывая глаза. Я подняла кружку с горячим шоколадом и, осторожно отхлебнув глоточек, обожгла язык. В окно по-прежнему стучал снег, а меня продолжало знобить. Согреться пока не удавалось. Ночью опять был промозглый голодный ветер, и даже присутствие Грейвса не вселяло чувства безопасности.

Не говоря о присутствии Кристофа, который возился возле плиты с кастрюлей!

— А ты позвони и проверь! — Его плечи устало ссутулились. — Если Огаст подтвердит мои слова, как ты выразилась, будешь чуть ласковей со мной?

— Да уж попытаюсь! — выплеснула я в свою очередь изрядную порцию сарказма.

Грейвс обеспокоенно придвинулся ко мне, а я пихнула его плечом, чтобы знал: я с ним!

Дружеское пожатие руки помогло обрести спокойствие!

Грейвс недовольно вздохнул:

— Я хочу понять, как эти твари нашли Дрю?

На кухне опять установилась гробовая тишина. Вот вопрос на миллион долларов!

Зомби нашел меня, потому что папа прекрасно знал, где мы живем, а оживший мертвец просто вернулся по памяти домой. У складов меченый оборотень, возможно, охранял грузовик, и потом, он наверняка запомнил мой запах после памятной встречи в торговом центре. Кстати, почему оборотень появился тогда именно в торговом центре? Если его привела туда горящая собака, это многое объясняет, но возникает следующий вопрос: в каком месте они напали на мой след?

А кто стучался в дверь перед рассветом в ту ночь? Меня, честно говоря, больше всего волновал именно ночной гость, который так и не решился войти в дом. Может, его остановили защитные заклинания, наложенные на дом? Значит, приходил вампир. А что, если сам Сергей?

От странного имени по спине пробежали холодные мурашки. Надо хорошенько все обдумать. Как, например, Кристофу удалось найти меня?

И крылатое существо, кто бы оно ни было, что заставило открыть окно спальни и пыталось украсть мое дыхание? Змея с крыльями, как сказал Грейвс. А Кристоф назвал ее похитительницей снов. Кажется, Ревелль.

Меня по-прежнему знобило, и мурашки толпой носились по спине. Мне снился сон, или я действительно на время покинула свое тело? А может, так и должен проявляться мой дар? Бабушка нашла бы что рассказать, будь она жива. Черт, и отец мог бы пролить свет на случившееся. А ведь стоило только расспросить пораньше!

— Дрю, с тобой не происходили странные вещи в последнее время? — Кристоф с отрешенным видом налил горячее молоко в кружку и, взяв ложку, стал его мешать. Кастрюля отставлена в сторону, ни одной капли не пролито мимо. Все рассчитано строго на порцию. — Например, получалось то, что ты раньше не умела делать? Или проявилась неведомая сила и новые способности?

Повернувшись ко мне лицом, он наклонился над кухонной стойкой. Глаза слабым огоньком мерцали в темной кухне, в которую падали отблески включенного света в столовой. Только прилизанные, как обычно, волосы не вспыхивали привычными всполохами.

— Например, способность наводить порчу на училку или останавливать время? — Я с сомнением повела плечами. — У меня всегда проявлялись странные способности. Бабушка называла их «даром», а теперь они усиливаются. Что может быть страннее? Даже для меня самой, поверь.

— Это уже о чем-то говорит, ведь так?

Грейвс, издав громкий звук, отпил большой глоток шоколада, и я не удержалась от смеха. Он кривовато усмехнулся в привычной для себя манере, отчего на душе полегчало.

Кристоф с бесстрастным лицом наблюдал за нашими переглядываниями.

— Значит, ты скоро войдешь в силу и станешь настоящей светочей. — Он подул на свой напиток в кружке. — Хотел бы я знать...

Войду в силу?

Плед скользнул вниз по плечам, наконец-то хоть пальцы согрелись.

— Что хотел бы знать? Мы сейчас в одинаковом положении, так что спрашивай.

Неожиданно Грейвс пихнул меня в бок костлявым плечом, и снова накатила волна беспричинного смеха. Знаете, как часто появляется внезапное желание расхохотаться в самое неподходящее время? Сидите себе спокойно, вдруг — бац! — приходит в голову забавная мысль, и начинаешь давиться от смеха.

Да, именно так. Я проглотила смешок, но, кажется, он застрял в горле, грозя вылиться в неблагозвучную отрыжку. Плечо снова заныло, а в спину будто кол вогнали. Ничего удивительного, еще не так заболит, если шляешься бог весть где ночами, а потом очнешься от того, что тебя уронили на пол и сильно прижали к полу. Пусть даже спасая от невиданной крылатой твари.

— Хотел бы я знать, как папаша намеревался научить тебя управлять даром. Или как долго ему удалось бы прятать тебя от всего белого света. И это еще не все вопросы. — Кристоф горестно вздохнул, со стуком ставя пустую кружку на стол. — Я побуду в гостиной, — сообщил он и вышел из кухни.

Уверенными шагами прошел по коридору, словно знал дом лучше меня, и вскоре из гостиной послышалось неразборчивое бормотание телевизора.

— Что-то он мне не нравится, — прошептал Грейвс.

— Ты уже говорил, — прошептала я в ответ, отпивая еще один глоток горячего шоколада.

Да шоколада ли?! В этом напитке и какао, наверное, нет! Одни искусственные добавки! Я вспомнила, какой шоколад пила в доме бабушки, и на мгновение мне захотелось стать пятилетней девочкой и снова оказаться в полной безопасности. В голове возник образ любимой бабушки, моющей пол водой с травяными добавками, чтобы уберечь дом от зла. А была ли я когда-нибудь в безопасности?

— Завтра позвоню Огасту, — шепнула я Грейвсу.

— Что потом?

Мне откуда знать, черт побери? Хотя нет, знаю.

Я опять отпила глоток шоколада и оперлась о стойку, разглядывая ледяные узоры на оконном стекле.

— Потом узнаю все, что можно, об этом вампире, Сергее. Если Крис сказал правду и он убил отца, тогда... — Я сглотнула внезапно подступивший к горлу комок.

— Тогда что? — Видимо, Грейвсу не очень понравилась недосказанная до конца мысль. — Если Крис прав и он со своими ребятами годами выслеживает Сергея, что мы сможем сделать?

Мы? Ему что, не приходило в голову, что не обязательно участвовать в моих злоключениях? Нет, конечно! Грейвс и не задумывается о возможности отсидеться в стороне. А сколько раз я пыталась отделаться от него — не сосчитать!

Стало стыдно за свое мерзкое поведение, но по телу вдруг разлилось приятное тепло.

— Папа был вовсе не дурак и многому научил меня. Возможно, такому, что этим ребятам из Братства и не снилось.

Дрю, врать нехорошо!

А что прикажете делать? Из слов Кристофа получается, что именно Сергей — снова холодные лапки мурашек пробежались по спине — превратил отца в зомби. Такое не прощают! Верно?

Пусть я еще совсем ребенок и мне не по силам некоторые задачи, но удалось же отбиться от оборотня. Правда, побегать пришлось. А потом я нашла грузовик, вернее,

бабушкина сова указала то место.

М-да, будь происходящее игрой, я бы и одного очка не набрала. Может, бросить все к чертовой матери, пока не потеряла жизнь?

— Ох!

Грейвс снова толкнул меня плечом, и горячий шоколад чуть не расплескался из кружки. Одна хорошая новость: наконец-то у меня согрелись пальцы рук и ног.

Итак...

— С другой стороны, может, в Братстве меня научат интересным приемчикам. Кстати, и тебя тоже. Ведь не так уж плохо быть супергероями?

— Если после спасения мира каждый раз потянет в сон, а при пробуждении придется съесть по две порции калорийной пиццы, я даже не знаю, — шутливо протянул Грейвс с нарочито тяжелым вздохом.

Я зажала рот ладонью, чтобы не расхохотаться в голос.

— Есть еще кое-что, — без тени улыбки добавил он, показывая взглядом в сторону гостинной. — Крис не отвечает на твои вопросы, то есть не дает полного ответа, словно что-то каждый раз умалчивая. Заметила?

А то!

Вслух произнесла:

— Если он выдает себя за того, кем является на самом деле, у него нет причин замалчивать что-либо.

Я посмотрела Грейвсу прямо в глаза, и в течение десяти секунд мы обменивались многозначительными взглядами. Хорошо, когда вас понимают, а один взгляд оказывается намного эффективнее получасового жонглирования словами! Снег упрямо бил в окно, пытаясь ворваться в дом. Холодное дуновение коснулось щеки — нет, надо обязательно заменить заднюю дверь.

— Как скажешь, — пожал плечами Грейвс, а зеленые глаза, из которых опять бесследно исчезли карие крапинки, кричали: «Я все равно не доверяю ему!»

Изумрудные глаза поразительно оттеняли смуглую кожу лица, да и нос теперь выглядел не таким длиннющим, а скорее благородным. Когда Грейвс вздрогнул и призывно ссутулил плечи, у меня вдруг появилось сильное желание закутаться вместе с ним в мамин плед и, обнявшись, посидеть так некоторое время.

Меня бросило в жар, но я не рискнула обнять Грейвса, а просто допила шоколад. Напиток чуть остыл, больше не напоминая обжигающую лаву, стекающую по пищеводу.

— Пойду посплю.

— А почему не позвонить Огасту прямо сейчас? — Грейвс еще больше ссутулился.

— Потому что в Нью-Йорке сейчас ночь, и он, скорее всего, на охоте. — Я обошла стойку и поставила кружку в раковину. — Эй, Грейвс?

— Что? — осторожно спросил он, не распрямляя плеч.

Должно быть, привык, что никому не нужен и от него всегда хотят избавиться. Резкая боль прострелила тело с головы до ног.

— Спасибо тебе! Ведь это ты прогнал ту летучую дрянью?

Грейвс рассматривал содержимое своей кружки, будто она скрывала все тайны мироздания. Наконец, не поднимая головы, он объяснил:

— Ну, просто из-за открытого окна в комнате стало очень холодно.

И что это значит? Я собиралась уточнить, а потом поняла, что Грейвс имел в виду.

Несмелая улыбка осветила лицо, и теплая волна благодарности прогнала последние капли холода из тела.

Пожалуйста, Дрю, в первый раз бесплатно!

Утром я проснулась не в лучшей форме. Голова раскалывалась, глаза воспалились, а тело ломило так, будто на протяжении всей ночи меня дубасили стальным прутом, но я нашла в себе силы сползти вниз и даже позавтракала хлопьями с молоком. Пока я ела, вниз спустился Грейвс, бросил на меня долгий многозначительный взгляд и направился в гостиную. Там он что-то сказал Кристофу, после чего оба вышли из дома через парадную дверь.

Аромат печеных яблок проник почти в каждый уголок дома. Честно говоря, Кристофа трудно воспринимать серьезно, когда он пахнет так по-домашнему. Любопытно, все вампиры пахнут сдобными пирогами? Я не сдержалась и захихикала.

А потом вспомнила, как Кристоф присел на колени в снег, пристраивая дробовик у плеча и целясь в меченого оборотня, и смех стих сам по себе.

Я сладко зевнула и, доплетаясь до желтого телефона, висевшего на стене, набрала единственный номер, который знала наизусть — то ли номер попался легкий для запоминания, то ли потому, что трудно забыть парня, который высекает пламя одним щелчком пальцев. К тому же я жила у него на квартире целый месяц, пока он вместе с отцом пропадал в подвалах Нью-Йорка, сдерживая нашествие крыс-мутантов, и еще месяц, когда пана, пропадая неизвестно где, вернулся таким побитым и израненным, что на нем живого места не было. Кстати, Огасту очень нравятся мои омлеты, так что за время проживания в его квартире я приготовила не меньше сотни омлетов!

Трубку с громкими ругательствами подняли на пятом гудке. Послышался хриплый голос Огаста с примечательным бруклинским акцентом (он произносит слова отрывисто, будто они лично виноваты во всех его бедах).

— Надеюсь, вы звоните по важному делу, иначе...

— Привет, Огги! — с наигранной веселостью поприветствовала я его. — Это Дрю.

— Господи... — Шуршание одежды, шелест бумаги и громкий стук, будто на пол от неожиданности уронили нож, однако Огасту быстро удалось прийти в себя от удивления: — Здравствуй, родная! Я так соскучился по твоим омлетам!

Кто бы сомневался! Ты съедал по два омлета в день, потому что не приносил домой другие продукты — только яйца и водку. А чего мне стоило уговорить тебя купить хоть краюшку хлеба!

— А я скучаю по твоему кофе! Слушай, Огаст...

Не зря Огаст носил звание охотника — сразу почуял неладное! Может, мои слова показались ему подозрительными, или меня голос подвел?! Что говорить, если с некоторых пор я сама не узнаю собственный голос!

— Дрю, солнышко, а где папа?

Наверное, он удивился, что отец не позвонил сам.

— Он погиб, проведя последние минуты жизни в виде зомби.

Я пыталась говорить отрывистым, бесстрастным голосом, но в нем все равно звучали боль и страх.

Огаст чуть не подавился и опять уронил на пол что-то металлическое.

— Что?! Черт побери, как это произошло? Скажи, где ты сейчас находишься, Дрю?

Нет, сначала тебе придется кое в чем признаться!

— Огаст, сперва ответь мне на пару вопросов. Тыходишь в Братство?

Гробовая тишина установилась на другом конце линии; наконец ее нарушило щелканье зажигалки и последовавшая за ним глубокая затыжка. Перед внутренним взором предстала квартира Огаста с кухней, где стол наверняка покрылся горами пепла от сигарет. На стенах висят защитные талисманы и амулеты из разных стран: африканские маски, индейские обереги и среди них массивное серебряное распятие. За окном проезжает городской транспорт, и в затынувшейся паузе хорошо слышны звуки чихающих двигателей и гудящих автомобилей.

— Господи, где ты?

И не подумай отвечать, пока не узнаю всю правду! У нас в семье дураков отродясь не бывало.

— Огаст, ты один из Братства? Ответь, да или нет?

— Конечно, да, а как ты думала? Дрю, скажи, где ты сейчас находишься?

Я ответила, а он сквозь зубы мрачно втянул в себя воздух. Так каждый раз поступают взрослые перед тем, как собираются лезть в мои проблемы. И знаете что? Никогда и не представляла себе, что обрадуюсь, услышав до боли знакомый звук.

Огаст перестал ходить вокруг да около, сразу перейдя к основным вопросам:

— Где Рейнард? Он должен быть с тобой. Дай ему трубку. Ух ты, да вы знакомы?!

— Кристоф? Курит на крыльце с моими друзьями. — Иными словами, Грейвс отвлекает его, чтобы я без посторонних свидетелей имела возможность дозвониться до тебя и проверить слова красавчика. — Ты его знаешь?

— Он один из лучших бойцов Братства. Дрю, немедленно уезжай отсюда. Скажи Кристофу, что вы сейчас в красной зоне и тебе нельзя там оставаться!

Не поверите, но в голосе Огаста звучал неприкрытый страх.

— Это из-за Сергея?

Имя подобно осе, залетевшей в рот, ужалило язык. Может, так проявляется дар, или неприятие имени происходит из-за того, что Сергей — вампир? Я впервые имею дело с вампиром, но и мне давно известно, что многие охотники избегают в разговоре прямое упоминание имени кровососов, используя слова-заменители, и отнюдь не благочестивые, смею доложить.

Вот и Огаст чуть не поперхнулся дымом, заорав во все горло:

— Черт побери, Дрю! Это не игры, быстро зови Рейнарда!

Наконец-то свершилось! Настоящий взрослый собирается помочь нам!

— Уже зову, только не надо так кричать. Подожди минутку.

Я бросила трубку на кухонную стойку, подошла к парадной двери и рывком открыла ее настежь.

Грейвс резко обернулся, не донеся сигарету до рта. Что-то он чересчур бледный. Замерз, что ли? Нет, вы только посмотрите на нахала! Натянул мои перчатки на огромные ручки и стоит себе в развевающемся на ветру длинном черном плаще с взлохмаченной прической. Возле сломанных перил примостился невозмутимый Кристоф, как обычно, в безукоризненном пуловере и джинсах. Он поднял голову навстречу морозному ветру, словно испытывая его на лютость, а в едва потревоженных волосах вновь заиграли светлые сполохи.

Мороз в одно мгновение пробрал меня до самых костей. Попросить, что ли, Кристофа, чтобы научил не чувствовать холод? Вместо этого я сказала:

— Огаст хочет поговорить с тобой.

Как похоже на прежние деньки, когда мне так же приходилось передавать сообщения отцу!

В груди с каждой секундой росло приятное чувство, и вы, наверное, без труда догадались, что я испытывала огромное облегчение. Наконец-то появился тот, на кого можно положиться, и плевать, что он примерно моих лет!

Исполнилось желание иметь рядом друга, который подскажет и поможет вернуться на правильный путь. Под контролем Огаста и этого парня дела обязательно пойдут на лад и все будет хорошо!

Проходя мимо, Крис одарил меня хмурым взглядом внезапно потемневших голубых глаз. Меня аж перекосило от его недовольной мины и запаха яблок, вновь ударившего в нос. Грейвс бросил окурок в ближайший сугроб, и тот очертил красную дугу в серых утренних сумерках, забрезживших в пасмурном небе.

— Так Огаст подтвердил? — живо поинтересовался Грейвс.

Сначала я только кивнула, потому что горло сжала невидимая рука, мешавшая говорить, но, справившись с подступившими слезами, ответила:

— Да, все, что рассказал Крис, правда. Пошли в дом, здесь так холодно.

Грейвс вошел в парадную дверь, а я задержалась и оглянулась на улицу. Над спрятанным под белым покровом миром стояла гробовая тишина. Вместо снега шел обещанный по радио град, а пронизывающий ветер расшвыривал его во все стороны. Утро начиналось с ясного неба и солнечных лучей, но теперь небо затянули низкие свинцовые тучи.

Я вышла на крыльцо и прислушалась к мертвой тишине, нарушаемой лишь тревожными стонами ледяного ветра.

Наш дом похож на корабль, который огромная штормовая волна вот-вот расколется пополам. Кругом ни души, так как он стоит вдаль от остальных строений, и иногда кажется, что мы живем на Луне. Неудивительно, что ни одна душа не пришла поздравить нас с новосельем и, к счастью, никто не услышал выстрелы и крики.

Окрестности превратились в ровную обледенелую простыню. На двух подъездных дорожках образовались монолитные сугробы, из-под которых местами выступали разноцветные обшивки соседских автомобилей: голубой мини-вэн у дома на углу улицы и зеленый «форд» напротив. А перед гаражами лежал снежный покров, на котором не видно ни одного следа.

Почему же на душе так тревожно? Я присмотрелась к улице и вдруг на фоне снежной картины заметила деталь, которая и вызывала беспокойство.

На улице отсутствуют следы шин и вообще не видно никаких следов! Вся округа словно вымерла, совсем как в вестерне, когда жители городка попрятались от бандитов в ожидании очередной перестрелки.

Весь мир стал серым, а по спине пробежал холодок, вызванный отнюдь не ледяным ветром. Я задрожала всем телом, не понимая причины, и в этот момент в дверь просунулась курчава голова Грейвса:

— Какого черта ты торчишь на холоде? Хочешь помереть? Даже куртку не удосужилась надеть! Марш в дом!

Тем не менее я не торопилась попасть в спасительное тепло дома и еще раз внимательно осмотрела улицу. Вроде ничего подозрительного, но как-то уж слишком тихо и пустынно. Прямо как на кладбище!

Сегодня утром обещали ясную погоду, а когда мы перед рассветом распивали горячий шоколад, и обсуждали встречу с крылатой змеей, начался настоящий снегопад. Выходит, соседи благоразумно решили остаться дома? Вполне возможно. Но...

Последний фрагмент пазла встал на место, когда потерявший терпение Грейвс не выдержал и сердито крикнул:

— Дрю? Какого черта? Ступай в дом!

Я осторожно вошла в дом, с опаской перенося ногу через порог, словно крыльцо могло развалиться в любую секунду.

— Обрати внимание на соседские крылечки, — произнесла я неестественным голосом. — Везде горит свет, и это посреди дня.

— Ну и? — сказал Грейвс. — Кристоф тоже свет заметил. Что за...

— Надо уходить.

Сжатые от испуга зубы дробили слова на мелкие кусочки. Я втокнула гота внутрь, захлопнула за собой дверь и, задвинув засовы, без сил прислонилась к ней, чувствуя, как все тело окутывает благодатное тепло.

Сколько времени осталось до заката? Надо проверить!

— Грейвс, собирай свои пожитки, а потом помоги упаковать оружейные ящики и...

— Дрю! — окликнул меня из кухни Кристоф каким-то странным тоном, в котором звучали знакомые нотки.

Обычно так говорил папа, когда дела шли из рук вон плохо:

«У нас проблемы, детка, пакуй скорей вещи, и немедленно уносим отсюда ноги!»

Крис появился в конце коридора, и я удивилась, как он постарел за это время, а на лице появились морщинки.

— Уже знаю, — опередила я его. — Иду упаковывать оружие.

Он остановился, не сводя с меня пристального взгляда, а я, смилив остатки гордыни, робко попросила:

— Послушай... не сможешь загрузить вещи в грузовик?

Я по-прежнему прижималась спиной к двери, потому что не чувствовала под собой ног, опять превратившихся в две вареные макароны. И конечно, Кристоф понял, что я имею в виду не только погрузку вещей в грузовик, а рассчитываю на его помощь во всем остальном, потому что только в этом случае остается слабая надежда выбраться живыми из волчьей пасти.

Голубые глаза Кристофа метнулись в сторону Грейвса, и я поняла, что он этим хочет сказать: «Конечно, помогу, но мы не можем взять парня с собой. Он только помешает!»

Господи! А если он сейчас произнесет свою мысль вслух?

Наш обмен взглядами не остался незамеченным для Грейвса, и он напрягся всем телом, однако ни единым жестом не выдал страха. Несмотря на страшную усталость, у меня хватило сил крепко сжать плечо Грейвса.

Папа никогда бы не бросил меня на произвол судьбы, по крайней мере, по своей воле. И будь я проклята, если оставлю друга в беде!

«Он купил мне чизбургер», — промелькнула в голове нелепая мысль, но мне ли не знать, что за ней скрывается.

Грейвса покусал оборотень, ему угрожали пистолетом, но парень ни разу не пожаловался на судьбу. Наоборот, старался помочь во всем, успокаивал и поддерживал. Найдите другого парня, который совершенно бескорыстно сделает то же самое для

незнакомой девушки, оказавшейся в беде? Да, Грейвс — единственный человек, кому я полностью доверяю!

За все время нашего знакомства он ни разу не подвел!

Грейвс — мой лучший друг, и я его не брошу здесь одного.

Кристоф с минуту смотрел на мою руку, сжимающую плечо Грейвса, потом рассеянно кивнул, словно в долгом споре с самим собой принял важное решение. Нахмуренное лицо разгладилось, и он перестал выглядеть старше своих лет. Плечи распрямились, а острый подбородок снова гордо вскинулся вверх:

— Наверное, у тебя своя система погрузки вещей на грузовик, — произнес он наконец-то, скрестив руки на груди. — Что загружать в первую очередь?

— Мою постель, то есть матрас. Тогда все остальное на мягком... — Я резко замолчала из-за нового вопроса, который предстояло решить. — Куда мы поедем?

— Не волнуйся! — Кристоф опустил руки вниз. — Я все устрою. Начинать паковать вещи, а ты, волколак, пойдешь со мной.

Что сказать о моей жизни, если через два часа усердной работы три подростка упаковали ее всю без остатка в дом-автоприцеп весом с полтонны?

Я сунула мамину жестяную коробку в ящик с ванными принадлежностями и, оторвав кусок клейкой ленты, заклеила его.

— Это очень ценная коробка, — пояснила я Грейвсу. — Уложи ее в одеяла.

Рядом с огнеупорным сундучком, в котором лежит прах отца. Господи, папочка, если б только ты был жив!

«Наши слова да Богу в уши!» — любила повторять бабушка, и была права.

— Ценная так ценная! — согласился Грейвс.

Он вышел из кухни и ударом ноги распахнул дверь в гараж. Гаражную дверь на улицу Кристоф открыл сам, с легкостью преодолев сопротивление скрежещущего металла. Сломанная пружина закричала от натяжения, словно терзаемая агонией душа. Во всяком случае, у меня возникла именно такая ассоциация. Мы с папой пытались открыть гараж, но дело оказалось слишком хлопотным.

Но не для полувампира. Или дампира, как вам больше нравится.

Интересно, я тоже обрету нечеловеческую силу, когда со мной произойдет то, о чем твердит Кристоф? Войду в силу? Тоже буду пахнуть, как сдобная ватрушка? Или это только Кристоф пахнет яблоками с корицей? Может, он пользуется специальным одеколоном?

А от мамы исходил аромат чистоты и доброты.

Мама!

У меня столько вопросов! Жаль, нет времени выслушать ответ на каждый из них!

— Я знаю, — сказал Кристоф, отвечая кому-то по телефону. — Просто пришлите вертолет, а я уж привезу ее к месту встречи, так что не волнуйтесь.

Он замолчал, слушая собеседника на другом конце провода. Звучавший в трубке голос казался жутким в зловещих завываниях ветра. Кристоф говорил по телефону уже десять минут. Я за это время успела запаковать последние коробки, а Грейвс отнес их к грузовику.

— Стоит ли повторяться? — горько рассмеялся Крис, обращаясь к собеседнику. — Нам она нужна живой, и, кстати, я первый нашел ее. — Очередная пауза. — Пусть меня судят потом, а сейчас пришлите вертолет. Мне плевать на прогноз погоды... Хорошо, пока!

Он повесил трубку, несколько секунд смотрел, не отрываясь, на телефон, потом резко развернулся на каблуках.

Я по-прежнему сидела на коленях с клейкой лентой в руках и выжидающе смотрела на него. Кристоф подошел к раковине и выглянул в окно. Тусклый дневной свет коснулся его головы, вновь зажигая светлые сполохи в волосах.

— Стемнеет раньше, чем мы выедем из города.

Со своего места я видела лишь краешек неба из-за нависшей над окном, обледеневшей водосточной трубы. Тучи сгустились, словно перед грозой, только в воздухе не висит влажное напряжение, которое обычно появляется в южных штатах.

— Но это...

— Думаешь, такая погода обычна для здешних мест? — Он устало повел плечами. — Черт, нужно было раньше связаться с Братством. Я так надеялся, что отвлек Сергея в прошлый раз и он решил, что твой отец не настолько глуп, чтобы привезти тебя в самое пекло, но теперь ему все известно.

Не смей говорить так об отце!

— Папа не был глупцом! — Фраза прозвучала устало и совсем не резко, как я опасалась. — Возможно, у него имелись на то основания.

— Думаю, тебе ничего не известно о причинах, которыми руководствовался твой отец. Ай, ладно, забудь! — Он махнул рукой, словно отгонял муху. — Нужно срочно выбираться отсюда. У нас назначена встреча, хотя потом меня, скорее всего, будут судить. — Губы скривились в жестокой усмешке, глаза вспыхнули ярким огнем, а на блестящие волосы напозла черная тень, и исчезли светлые сполохи, словно лучи заходящего солнца на горизонте. — Впрочем, если я приведу с собой светочу, меня простят, — пожал плечами Кристоф. — Я сяду за руль.

Ты? Как же, разбежался!

— У тебя права-то есть?

— Ты теперь у нас вместо полицейского?

Он протянул руку, и я механически передала ему клейкую ленту.

Вместо ленты теплые сильные пальцы Кристофа обхватили мое запястье. Наши взгляды встретились, и в глубине его глаз вспыхнули странные огни, о значении которых я не смела и думать. Каким-то образом изменился запах, словно ветер подул в другом направлении, и повеяло жимолостью в погожий летний денек.

Мы стояли и не отрываясь смотрели друг на друга.

Неожиданно открылась дверь, и вошел Грейвс.

— Холодает, — сообщил он. — Я уложил все коробки, и, Дрю, отдаю тебе должное, они упакованы так мастерски, что даже у Блетч... — заметив неладное, он резко замолчал.

В этот момент Кристоф рванул меня за руку, и я подлетела к нему на полной скорости, настолько сильным оказался рывок. Причем сейчас сила Кристофа отличалась от стальной хватки, с которой я уже имела возможность столкнуться. Не была она похожа и на неуправляемую мощь Грейвса в момент превращения. Кристоф притянул меня к себе с такой легкостью, словно я вещь не больше пушинки. Однако не сверхъестественная сила напугала меня, а понимание того, что при желании он может без труда сломать перехваченное запястье. Мы стояли совсем близко друг к другу, но Кристофу этого показалось недостаточно, и он притянул меня еще ближе.

Я отпрянула на шаг, пытаюсь ослабить хватку и высвободить руку. Потревоженное плечо и спина отозвались протестующей болью. Черт, в скором времени опять придется тоннами пить аспирин или другое болеутоляющее!

Наконец я высвободила руку, но, если честно, стала сомневаться, что мне удалось бы довершить свой прием, не отпусти ее Кристоф по собственной воле.

Он ведь не обладал такой силой раньше. Или просто скрывал ее?

На пороге застыл Грейвс.

— Отдай ключи, Дрю! — приказал Кристоф, сверкая белоснежной улыбкой, от которой его лицо приняло жестокое выражение. — Солнце садится, и если я чувствую приближение заката, кто поручится, что Сергей не почувствовал его еще раньше?

В голове роем кружились мысли. Когда отец уставал, я садилась за руль и лучше всех изучила норовистый грузовик. Мне знаком каждый шум двигателя, который возникает каждый раз, стоит увеличить скорость. А знает ли напыщенный красавчик, как поведут себя тормоза на обледеневшей дороге или как вырुлить на узкой тропинке, да еще с таким грузом на борту? Нет никакого желания отдавать ключи этому самоуверенному типу, пусть даже за него и поручился Огаст.

Но Огаст не станет бросать слова на ветер. К тому же, не я ли сама просила о помощи?! Вот только представить не могла, что спасти меня явится почти мой ровесник, пусть и выглядящий как зрелый, опытный мужчина. Ну, если Кристоф и есть самый лучший член Братства...

Нет, не верю я ему до конца. Слишком опасный тип!

— Куда поедем? — наконец поинтересовалась я.

— Встреча назначена в юго-восточном районе города. Угол Берка и Семьдесят второй улицы. Приди ты туда сразу после нашего телефонного разговора, Сергей вряд ли догадался бы о твоём существовании. Я помог бы тебе выбраться из города и переправил бы в Школу за считанные секунды. — Легкое пожатие плеч выдало его досаду. — Сейчас придется справляться своими силами, так что лучше отдай ключи, Дрю.

Я порылась в сумке, лежавшей на стойке, и отыскала связку ключей.

— Знаешь, с таким грузом машину иногда заносит. Лучше за руль сяду я.

— Дрю, — ледяным тоном произнес Кристоф. — Если хочешь вырваться живой из этой передраги, делай, что говорят.

Ну, если дело обстоит именно так...

— Подождите, — неожиданно вмешался Грейвс, подступая ближе. Его волосы искрились, а глаза горели ярким зеленым огнем. — Дрю водила грузовик раньше. Да она весь город объездила вдоль и поперек! К тому же грузовик принадлежит ей.

— Тебя не спрашивают, так что не твякай, волколак! Кристоф стремительно бросился к ключам, но я вовремя уловила его движение и отпрянула.

Он чуть не перехватил ключи, но наши пальцы соприкоснулись лишь на мгновение. Потом я отпрыгнула в сторону, сумкой сметая забытую посуду с кухонной стойки. В сумке все перемешалось, но это меня больше не волновало. Своим необдуманном поведением я добилась одного: оказалась между двумя парнями.

«Возьми ситуацию под контроль, Дрю!» — прозвучал в голове совет отца.

— Давайте решим раз и навсегда, друзья.

Я прокашлялась, не сводя глаз с исказившегося от злости лица Кристофа. Брови насуплены, глаза мечут молнии, рот сжат в тонкую линию без намека на улыбку. Сейчас он выглядит еще опаснее, чем показалось при первой встрече. И, что греха таить, несмотря на приступ гнева, на удивление симпатичен и привлекателен, особенно с включенными волосами. Аромат яблок, исходящий от Кристофа и такой нелепый в данной ситуации, вдруг

разбудил во мне чувство голода.

Я облизнула губы и четким голосом произнесла:

— В конце концов, это мой грузовик, и, значит, я его и поведу. А ты, Кристоф, прекратишь обзывать моего друга. Он не заслужил такого отношения. Мы вместе выедем из города, и, если нам это удастся, можешь катиться обратно в свое Братство. Мы с Грейвсом поедem своей дорогой. Понятно?

В скудном дневном свете дом выглядел удручающе, а тут еще в стены ударил очередной порыв ветра, пытающийся снести все на своем пути. Станный, угрожающий звон слышится в его стогах, которые становились все громче.

Во рту внезапно появился привкус апельсинов, а перед глазами на долю секунды все пошатнулось.

Нет, только не сейчас. Черт возьми! Я отмахнулась от нахлынувшего чувства опасности и устремила пристальный взгляд на Кристофа, бросая немой вызов.

Однажды в небольшом провинциальном городке неподалеку от Сент-Питерсберга нам повстречалась огромная собака, охранявшая вход в нужный для нас дом. У отца, как помните, не было дара, но в тот день он продемонстрировал мне кое-что другое, назвав это «дуэлью взглядов». Надо просто смотреть в глаза противнику, представляя его маленькой горошинкой, и поверить, что он ни за что не напугает вас и не заставит сдвинуться с места.

Собаки чувт чужой страх, как некоторые из людей или обитатели Истинного мира. В девяноста девяти случаях из ста собака сразу почует сильную личность и поддастся ее влиянию. Прямой, бесстрашный взгляд играет огромную роль и отпугнет даже толпу тупоголовых качков, окруживших вас плотным кольцом.

Плечи выпрямлены, сердце бьется в груди глухо, но уверенно. Глаза устремлены в одну точку и излучают силу, по крайней мере, надеюсь, что она там есть. Я смотрела на Кристофа взглядом, отрепетированным тысячу раз у зеркала, и представляла на своем месте отца, который не раз демонстрировал силу своего взгляда обитателям Истинного мира. Легкая улыбка на губах, одна рука как бы невзначай лежит на рукояти пистолета, а другая едва касается стакана с виски.

Эх, был бы здесь сейчас отец, он бы живо с Кристофом разобрался.

— Ты думаешь, что сможешь скрыться от Сергея? — спросил Кристоф и предпринял очередную попытку завладеть ключами.

Мир на миг остановился, и я оказалась быстрее — пусть лишь на долю мгновения, но опередила его движение. Грейвс громко чертыхнулся, а я отпрянула назад, надеюсь, что не наскочу на него.

— Что-то мне не верится, что скрыться от Сергея так уж сложно.

Я перекинула через плечо лямку сумки и снова сделала шаг назад. Еще немного, и я окажусь у самой двери в гараж. Вот только отведи я сейчас взгляд от Кристофа, не уверена, что он не кинется вдогонку за мной со всей скоростью, на которую способен.

А в чем я, собственно, уверена? Сложный вопрос!

Дампир опять сделал резкое движение рукой, и я на миг отвела взгляд от его лица. Все смешалось. Послышался громкий рык и клацанье острых зубов, пол ушел из-под ног, а ключи выпали из рук. Раздался громкий крик Грейвса, за ним звук разбившегося стекла. В ту же секунду теплая, сильная рука сомкнулась у меня на шее.

Кристоф слегка сжал пальцы, и я чуть не задохнулась, таращась на его гордый профиль. Сам дампир смотрел в сторону окна, выходящего на простирающийся вдалеке лес. Только

что в это окно он вышвырнул Грейвса.

Кристоф перевел горящий взгляд на меня, под оскалившейся верхней губой показались острые клыки. В волосах, которые снова казались напوماженными, больше не играют всполохи, зато глаза загадочно мерцают в тусклом свете кухни.

— Думаю, меня надо наградить за долготерпение, — прошептал он со зловещим свистом, появившимся в голосе из-за клыков. — Я вытащу тебя и твою зверушку отсюда живыми, но вы должны слушаться меня. Понятно?

Как у него это получилось? Я не удержалась и следующую мысль, мелькнувшую в голове, произнесла вслух, настолько она меня взволновала:

— Научи меня такому же!

— Сукин сын! — зарычал Грейвс, а потом ругательства заглушило низкое утробное рычание, звон битого стекла и вой промозглого ветра, ворвавшегося в кухню и наполнившего воздух привкусом ржавого железа.

— Дрю? Дрю?!

Голос звучал почти по-звериному, но свое имя я узнала.

— Как только сядет солнце, все ваши соседи проснутся. — Рука Кристофа больше не мешала дышать, но и не позволяла сделать лишнее движение. — Я только ранил похитительницу снов, и она, возможно, залетела ко всем вашим соседям и отложила яйца в спящие тела. Когда на закате вылупится юный выводок, они будут ужасно голодны, а тут им попадетесь вы! Маленькая, но пикантная закуска! — Он чуть поднял голову. — Вероятно, Сергей не знает точно, живали ты, но наверняка что-то подозревает на сей счет, раз его любимая маленькая убийца не вернулась под утро домой. Как только наступят сумерки... Не двигайся, Волколак!

Кристоф поднял свободную руку и, наверное, указал Грейвсу место. Громкое ответное рычание стало стихать.

— Ну что, будешь слушаться, птичка? — спросил Кристоф.

Я собиралась ответить утвердительно, хотя бы ради того, чтобы избавиться от железной хватки на шее, но тут порыв ветра донес до нас оглушительный крик. И тут поняла две вещи.

Скудный дневной свет таял на глазах, и стремительно надвигались серые сумерки.

И рычание вырывалось не только из глотки Грейвса.

В дверь со скоростью товарного поезда влетел огромный вервольф, целясь Кристофу прямо в грудь.

На жуткую долю секунды пальцы сжались на моей шее, а потом разжались, и дампир отбросило в сторону. С оглушительным визгом, стоя на четвереньках, я поползла к двери в гараж, словно после пьяной вечеринки, и перекатилась через порог, свалившись на прохладный бетонный пол. Ударилась локтем о дверной косяк так, что зубы лязгнули, и едва не прикусила кончик языка. Однако, не обращая внимания на острую боль, поползла дальше.

Надо мной пролетело еще одно волосатое тело, мокрое от снега и продолжавшее трансформироваться уже в воздухе. Я припала к полу, задыхаясь от ужаса, и снова громко завопила.

— Дрю! — позвал меня кто-то громким голосом.

Через порог перепрыгнул Грейвс, чуть не приземлившись прямо на меня, но извернулся в воздухе с невероятной грацией. Когда он встал на землю, в руках сверкнуло что-то металлическое — да это же связка ключей!

А из дома вместо яростного рычания стал доноситься грохот. Скрипело дерево,

кирпичная стена грозила рассыпаться под тяжелыми ударами, летели в стороны щепки, и время от времени раздавался оглушительный вой, исполненный боли.

Я быстро поднялась на ноги и запнулась лишь на миг, снова услышав грохот, треск и жуткий вой. Казалось, в доме поселились сотни оборотней: тени мелькали в открытой двери гаража, вновь раздался зловещий вой.

Если вам доводилось когда-нибудь слышать эти низкие утробные звуки, нет нужды описывать их, но если нет, то знайте: на свете нет ничего ужаснее. Вой продирает до мозга костей и сводит с ума! Так рождаются ночные кошмары: вы сидите возле костра в холодную ночь в дремучем лесу и молитесь всем богам, чтобы дров хватило до рассвета, иначе выжить не удастся.

Но самое ужасное, что звериный вой проникает в голову и будит чудовище, скрытое в глубинах сознания, неменяемую голодную тварь о четырех лапах, живущую в каждом из нас!

Я изо всех сил зажала уши руками, не имея сил противостоять доносившемуся вою. А верный Грейвс ухватил меня за локоть, да так, что кожа занемела, и потащил к грузовику, по-прежнему кособоко припаркованному возле дома. Хорошо хоть заведется без проблем благодаря включенному обогревателю для двигателя!

Может, не стоило задерживаться и наковать вещи?

Еще одна волосатая тварь пулей ворвалась в гараж и заскользила лапами на гладком бетонном полу со следами машинного масла. Грейвс глухо вскрикнул, а я спряталась за него, как в фильмах ужасов смазливая героиня прячется за спиной бойфренда. Оборотень оскалил пасть, рыкнул раз-другой и прыгнул мимо нас на кухню.

— Они убьют его! — в отчаянии закричала я.

— Лучше его, чем нас! — заорал в ответ Грейвс и потащил меня к грузовику.

Мелкие ледяные крупинки падали с багрово-свинцовых небес, кружась в неведомых водоворотах и вихрях, подчиняясь всепоглощающей власти ветра. Грейвс рывком открыл водительскую дверь и влез на сиденье, а я последовала за ним.

Нельзя оставлять его здесь. Конечно, нельзя. Но, Господи Иисусе, что мы можем сделать? Оборотни были повсюду — долговязые, с похожими на человеческое тело формами, покрытые шерстью злобные твари с желтым дьявольским огнем в глазах. Шесть вервольфов скакало по крыше дома, вот один из них с глухим стуком прыгнул на землю прямо перед грузовиком, вытягивая худые, но мускулистые лапы. Он зарычал, ощерив хищную пасть, и от его рычания завибрировала приборная панель в грузовике.

Мы с Грейвсом в унисон завизжали высоким фальцетом, который при других обстоятельствах мог бы показаться, пожалуй, забавным и даже смешным. Судорожным движением я вставила ключ в зажигание и повернула так, что чуть не погнула его. Двигатель громко заурчал, словно гром громыхнул над домом.

Господи помилуй!

Дернув рычаг на положение «задний ход», я не стала оглядываться, чтобы посмотреть, куда еду. Да и что можно увидеть, если обзор закрывает загруженный доверху прицеп? Грузовик резко отъехал задом в тот момент, когда жуткий оборотень с оскаленной пастью и свисающим набок языком прыгнул на капот, но промахнулся. Провод от обогревателя для двигателя болтался на ветру, как флаг.

Грейвса кинуло на приборную панель, когда мы врезались в гору ледяных глыб. Еще повезло, что я попала в колею, которую протаранила несколько дней назад, паркуя грузовик

у дома. Взвизгнули шины с противобуксовочными цепями, и я изо всех сил повернула руль. Грузовик с грохотом трянуло, а потом выровняло уже на дороге.

Я рванула рычаг переключения скоростей и на секунду замешкалась. Ведь в доме остался Кристоф, а за него ручался сам Огаст. И потом...

— Дрю! Скорее! — закричал Грейвс, и я до отказа надавила на педаль газа.

Цепи на колесах звякнули, и грузовик понесся вперед.

Грейвс опасался вовсе не оборотня, он показывал на что-то продолговатое и извивающееся, с перепончатыми крыльями, усевшееся на крышу грузовика и начавшее биться в стекло.

Я закричала от ужаса, но вместо крика из пересохшего рта вырвался только глухой всхлип. На секунду меня ослепили воспоминания прошлой ночи. Мелькнули видения: мое бессознательное, сонное тело открывает окно и прохладный, липкий язык летучей твари прикасается к моему, а комнату наполняет запах острых специй вперемешку со смрадом гниющего болота.

Омерзительное зловоние, не имеющее ничего общего с ароматом яблок, который исходит от Кристофа!

Кристоф! Совсем один лицом к лицу с оборотнями, но мне сейчас не до него.

Я включила дворники, и они ударили по вытянутой голове маленькой похитительницы снов. Выравнивая грузовик, я переключилась на задний ход. Летучая тварь по-прежнему сидела на крыше, и я решила сбить ее струей воды из омывателя лобового стекла. Слава богу, он не замерз и выпустил струю воды.

Летучая тварь запищала пронзительным голосом, царапающим мозг, и ее откинуло в сторону порывом усиливающегося ветра. Рессоры грузовика визгливо скрипели на морозном воздухе. Учащенное дыхание вырывалось белым облаком изо рта.

— Черт подери, — произнес потрясенный Грейвс. — Она все-таки вывела птенцов.

А ведь Кристоф предупреждал. Черт, Кристоф остался в доме, осажденном оборотнями!

— Боже мой! — прошептала я в ответ. — Они убьют его.

— Если честно, я думал, он убьет тебя, — признался Грейвс, стуча от испуга зубами.

Маленькие ледяные кристаллики, застрявшие в его волосах, мерцали в темноте.

Я включила фары, осветив развернувшуюся перед нами дорогу, и краем глаза заметила знак остановки в конце улицы. Дома окружили нас, ослепляя яркими огнями освещенных крылечек, а из каждого окна, разбитого с приглушенным звуком, вдруг стала выползать беспросветная мгла. Воздух немедленно заполнился сотней маленьких извивающихся существ с почти прозрачными крыльями, которые стали яростно бросаться на грузовик, пытаясь пробить обшивку.

— Держись!.. — крикнула я, прибавляя газу.

Колеса скользили по обледенелой дороге, и мы поехали со скоростью двадцать миль в час. Впрочем, из-за стонущего за окном ветра, свинцового низкого неба и крылатых змеек с ядовитыми клыками, иступленно кидающихся на лобовое стекло, казалось, что грузовик едет намного быстрее.

Хорошо, что еще не лето! Глупая мысль вызвала нервный смешок, больше похожий на безумное хихиканье душевнобольной.

Я снова прибавила газу, нажав на педаль. Конец улицы неотвратимо приближался, а с ним и знак. Нужно срочно решить, куда поворачивать!

Направо или налево?

Времени на раздумья совсем не остается. Если бы эти жуткие твари с крыльями перестали хоть на мгновение терзать грузовик, я напрягла бы мозги и вспомнила, куда нужно свернуть, а сейчас даже думать об этом не в состоянии. Направо или налево?

Направо или налево, направо или налево, направо или налево...

Налево! Я рывком повернула руль налево, слегка снизив скорость на повороте, и грузовик плавно заскользил по ровной дороге, в конце которой нас поджидал небольшой сугроб, закрывавший проезд на главную трассу. Преграда из подтаявшего, грязноватого снега образовалась по вине нерадивого водителя снегоочистительной машины. Вот уж кто получит основательный нагоняй от начальства, когда соседи с улицы позвонят и пожалуются на горечистильщика!

Распластавшаяся на лобовом стекле крылатая змея зашипела, и злобный свист проник в салон. Вдруг в голову пришла ясная, но страшная мысль, отметававшая сомнения и колебания. А ведь с моей улицы больше никто никогда не позвонит и ни на кого не пожалуется! Никогда! Во всех соседних домах и домишках лежат одни гниющие трупы, из которых вылупились разрывающие плоть жуткие птенчики. Змея-мама умерла или, возможно, еще где-то подыхает, а детки уже вылупились и вырвались голодные на божий свет.

Дрю, что ты натворила?!

Рядом что-то кричал Грейвс, но у меня и без него хлопот хватало. Грузовик, рассерженный моими непомерными требованиями, вилял задом, отвлекая внимание.

Я выровняла его и протаранила сугроб, преграждавший дорогу. Капот подпрыгнул, цепи на колесах глухо звякнули, кузов опять завилял, однако нам удалось выехать на посыпанную песком трассу, где нас поджидали новые неприятности.

Трасса была пустынной. Крылатые твари по-прежнему с шипением бросались на обшивку и лобовое стекло. Как бы они шины не продырявили острыми клыками! Я отпустила тормоза и стала набирать скорость — руль словно ожил в руках, пытаюсь вырваться на свободу.

«Молодец, Дрю! — произнес в голове папин голос так близко, будто он сидел рядом и учил, как прежде, азам вождения в критических ситуациях. — Физика — это сила, верно?!»

— Вот именно! — Я едва узнала собственный голос, звучавший глухо и надсадно. Мы ехали все быстрее, под аккомпанемент хрустящих костей попавших под колеса грузовика летучих змей. Они падали на ледяную дорогу с омерзительным звуком и умирали, прежде чем мы переезжали их на скорости двадцать пять миль в час. — Это сила! — повторила я отрешенным голосом.

— Что? — переспросил Грейвс, обеими руками ухватившийся за переднюю панель.

Скромный багаж, вместивший в себя всю мою жизнь, плотно забит в грузовик, тем не менее что-то перекачивается по полу под задним сиденьем. Надеюсь, не саквояж с медикаментами. Или ящик с оружием, что еще хуже. Только нечаянного выстрела из пистолета нам не хватает!

Господи, а что будет с Кристофом? Почему я так переживаю за его судьбу и почему бросить его на произвол судьбы оказалось легче, чем Грейвса?

Разве это самый важный вопрос, Дрю?!

Грузовик катился с небольшого холма, постепенно набирая скорость. Ветер за окном крепчал, а змеи все падали и падали под колеса с мерзким хрустом. Раз уж летучие твари сами валились наземь, словно мертвые мухи, я выключила дворники. Теперь в лобовое окно били лишь ледяные крупинки.

В первую очередь нужно разузнать, кто прислал оборотней и почему они напали именно на Кристофа. Вот и разберись для начала с этими вопросами! Впрочем, мне хватало других проблем.

Вдруг впереди на перекрестке замигал светофор, где, ожидая зеленый свет, стояло несколько автомобилей. Искренне надеюсь, что никто из сидящих внутри водителей и пассажиров не рассмотрел толком наших преследователей, когда мы на скорости проскочили перекресток, мигнувший нам на счастье зеленым огоньком светофора. Я хлюпала носом от пережитого испуга, вытирая мокрые от слез щеки, и наконец-то поняла, по какой дороге мчится грузовик. Оказывается, я чисто рефлекторно поехала по единственному знакомому маршруту — в направлении школы.

Черт бы меня побрал!

— Грейвс, — откашлявшись, обратилась я к нему. С каждой секундой число тоненьких черных извивающихся тварей за стеклом становилось все меньше, все реже раздавался омерзительный хруст под колесами. — Где-то здесь валяется карта города. Кажется, лежит на сиденье. Будешь подсказывать дорогу.

— Сейчас найду. — Он замолчал, и послышалось торопливое шмыганье носом. Оказывается, я не одна распустила нюни, и если мои слезы лились без утайки, размазываясь по щекам, Грейвс плакал неслышно и тихо, скрывая позорящие мужчину слезы. — Вот карта! — наконец отозвался он. — Нашел! И куда мы едем?

А я почему знаю?!

Несмотря на охватившую растерянность, губы упрямо произнесли:

— Угол Берка и Семьдесят второй улицы, где-то на окраине города.

— Аха, вижу. Только зачем мы туда поедем?

Он оторвал пальцы от передней панели и вытер рукавом плаща заплаканные глаза. Я не могла разжать побелевшие пальцы, с силой сжимавшие руль, но мне так хотелось дотянуться до него и успокоить. А больше всего мне нужно было успокоиться самой.

— Мы поедem туда, потому что нам не вырваться живыми из города, по крайней мере, своими силами. — Нам не вырваться самим и при свете дня. Остается надеяться, что вечер еще не наступил! Но, к сожалению, уже зажглись уличные фонари, и фары осветили надвигающиеся сумерки. Во рту появился сильный привкус искусственных апельсинов, разъедающий язык едкой горечью. — Там нас должны встретить друзья Кристофа. В любом случае, нам нужна помощь, а если с их помощью удастся выбраться из города, лучшего и желать нельзя!

Черт, Кристоф!

Шея и рука снова заныли. Завтра, скорей всего, появятся синяки в тех местах, где прикоснулась его рука. Если, конечно, для меня наступит завтрашний день!

— Здорово! — хриплым голосом отозвался Грейвс, скомкав карту. Я притворилась, что не замечаю его страха. Все тело сотрясалось от рыданий, но заплаканные глаза, не отрываясь, следили за дорогой, а руки твердо сжимали руль, словно он превратился в спасательный круг. — Что же произошло у нас в доме?

— Не знаю.

И подумать страшно!

По дороге к углу Берка и Семьдесят второй улицы серо-свинцовые тучи на какое-то время рассеялись, и вдруг показалось, что здесь проходит незримая граница двух миров. Через милю тучи вновь приобрели угрожающие оттенки, и мы будто вновь вернулись в реальность. Правда, теперь вместо ледяной крупы с неба падали огромные пушистые снежинки, кружась в водовороте подхватывающего их морозного ветра. В грузовике наконец-то заработала печка, в салоне стало заметно теплее, и пальцы, судорожно сжимающие руль, стали постепенно отогреваться. Жаль только, что никто не додумался захватить с собой бумажных носовых платков. Они пришлось бы как нельзя кстати. Эх, промокнуть бы сейчас нос и глаза, которые застилают слезы.

Грейвс давно перестал плакать и молча сидел на соседнем сиденье, сложив руки на коленях. Пока мы ехали по центру города, где дороги всегда почищены, посыпаны песком и не доставляют хлопот самому неопытному водителю, вести грузовик не составляло труда, но я все равно не отрывала глаз от дороги, умышленно не оглядываясь на Грейвса.

Мальчишки жуть как не любят, когда видят их слезы! Даже если рядом в три ручья ревет девчонка!

— Ты понимаешь, что происходит? — выдавил, наконец, он. — Почему они не убили нас и даже не пытались? Ведь это оборотни, такие же, как тот, который укусил меня.

Меченый вервольф, напавший на тебя, служит вампиру, а эти неизвестно кому подчиняются.

Я кивнула, не поворачивая головы. Хорошо, что у нас бензина еще больше половины бака, да и двигатель прогрелся как следует.

— Они будто специально гнали нас вперед. — Я остановилась на красный свет, пальцы до боли сжали руль. В голове по-прежнему гудело после долгого плача и криков. — Мы поедем на место встречи, и нас там обязательно встретят. Расскажем, что произошло с Кристофом, а потом нам помогут и вывезут из города.

По крайней мере, я очень надеюсь на обещанную дампиром помощь.

На светофоре загорелся зеленый свет, перекресток был на удивление пустынным. На углу улицы из огромных витрин кофейни льется желтый мерцающий свет, но внутри никого не видно. Уличные фонари горят, несмотря на раннее время. Снегопад усиливался, а за нами тянулись темные следы, оставленные колесами грузовика на белоснежной дороге. Я сбавила скорость.

— Странно! — произнес тихим голосом Грейвс. — Такое ощущение, будто на всем белом свете в живых остались только мы с тобой!

Мог бы и помолчать, и так все понятно.

Мои мысли мало чем отличались от мрачных сомнений, одолевающих Грейвса.

— Здесь обычно бывает многолюднее?

— Обычно да! Там, за поворотом, начинается Маршалл-стрит, где жизнь всегда бьет ключом. Может...

— Что?

— Может, больше никуда не поедем и остановимся тут. У меня здесь есть друзья, — объяснил Грейвс, вытирая рукавом лицо. — Если честно, не верю я тому, что Кристоф тебе наболтал. Не верю даже после того, как его слова подтвердил твой надежный друг.

Я взвесила все «за» и «против». Голова раскалывалась от бурливших в ней мыслей, слезы отчаяния комком подступили к горлу, угрожая вот-вот брызнуть из глаз, но я пересилила себя.

— Любой, к кому мы обратимся, сразу окажется в смертельной опасности. Возможно, Крису доверять не стоило, но я верю Огасту, а это абсолютно разные вещи. Огаст никогда не направил бы меня по ложному пути!

— Почему тогда на дом напали оборотни?

Откуда мне знать?!

— Зачем они напали? А эти крылатые змеи...

— Ну, змеи пытались добраться до нас, а оборотни... Не знаю, почему они напали. Может, им нужен был Кристоф, и кстати, среди них я не заметила того, меченого, который тебя... Просто не знаю, что и подумать, Грейвс. Извини!

Извини, что втянула тебя в свои проблемы. Ты не представляешь, как я теперь жалею об этом!

— Я боялся, что Кристоф задушит тебя. — Грейвс пристально вглядывался в сумерки за лобовым стеклом. — У меня возникло тогда сильное желание разорвать ему глотку.

Не думаю, что дампир убил бы меня, но играл он точно не по правилам! А вот Грейвсу, наверное, не по себе при мысли о том, что мы сегодня могли убить друг друга. Мне когда-то тоже пришлось пройти через подобные неприятные переживания, поэтому я решила сменить тему:

— Как ты достал ключи от грузовика?

— Их бросил мне Кристоф.

Гробовая тишина окружила нас: пустые улицы среди бела дня, ни единой души на тротуарах.

— Черт, до чего вокруг пусто! — воскликнул вдруг Грейвс.

Точно! Интересно, а может вампир подчинить себе окружающий мир? Это возможно? Или жители города почувствовали надвигающуюся беду и дружно решили от греха подальше отсидеться по домам?

Скрипнули колеса на только что выпавшем снегу. Снегопад с каждой минутой становился все сильнее.

— Загляни под сиденье, найдешь там несколько металлических ящичков. Голубой с медикаментами и второй — красный — нам не понадобятся. Возьми коробку серого цвета и вытащи пистолет.

— Вооружиться пистолетом — без сомнений хорошая мысль. — Он запнулся на мгновение, потом продолжил: — Не надо мне доверять оружие.

— Просто достань его. — Может, я и сама не хочу давать ему пистолет без предварительной подготовки. — Стрелять буду я, а ты опять превращайся в супермена из боевика.

— Я не шучу, Дрю. — Грейвсу мои слова вовсе не казались забавными. — Я видел, что Кристоф душит тебя, и я...

Знаю!

— А тебе было больно?

— Нет, разбил окно, отряхнулся как ни в чем не бывало, вот и все, — горько усмехнулся он, теребя ремень безопасности. Сказать, чтобы пристегнулся на всякий случай? — Понимаешь, я не нахожу себе места. Когда увидел, что он сдавил тебе горло, проснулись

жуткая ненависть и сильное желание убить его. Я действительно прикончил бы его без лишних слов, будь у меня такая возможность. Понимаешь? Будто я уже не я, а совсем другое существо!

— Ого! — Что ответить на подобное признание? Сердце в груди тревожно кольнуло. — Хорошо, что ты рядом. С Кристофом мне не так уютно!

Я ожидала от него ехидного ответа или дерзкой шуточки, но вместо этого Грейвс сполз на краешек сиденья и, нагнувшись, начал искать ящик с пистолетом.

— Ну да, конечно, — сварливо буркнул он.

А может, он и сам не рад, что ввязался в твои дела?! По крайней мере, ждать от него восторгов глупо!

Я посмотрела в зеркало заднего вида и... вдруг заметила промелькнувшую тень. Пригляделась, но тень исчезла и больше не появлялась. Вероятно, случайный прохожий, а может и... Тревожный звон заполнил голову. Черт! Плечо болит, рука ноет, а теперь еще и голова раскалывается!

— Далеко нам еще? — спросила я Грейвса.

— Поверни на юг, там через два квартала начинается Семьдесят вторая улица. Езжай по ней до конца, — ответил он, свесившись с сиденья в поисках ящика с оружием. — Часто с тобой случаются подобные происшествия?

— Не очень, — призналась я, резко ударя себя тыльной стороной ладони по разгоряченной щеке. Вновь подступали слезы, и я всеми силами пыталась их удержать. Хоть бы какой платок завалился в бардачке, так нет же! Вот у отца всегда лежал платочек в кармане, причем с его собственными инициалами, вышитыми заботливой рукой бабушки ровными, аккуратными стежками. Черт, теперь точно слез не сдержать! — Со мной почти ничего такого не происходило, папа никогда бы не допустил!

— Дрю, прими мои соболезнования по поводу смерти отца, — пробормотал Грейвс, высовывая голову из-под сиденья и чуть ли не укладывая ее мне на колени.

Изумрудные глаза тускло мерцали в темном салоне, а на смуглом лице даже не видно пятен, остающихся после плача. Повезло!

Я попыталась улыбнуться в ответ, но вместо улыбки лицо перекосила болезненная гримаса.

— Прости, ведь оборотень укусил тебя по моей вине.

Я смахнула с глаз предательские слезы.

Снег по-прежнему скрипел под колесами грузовика и бился о лобовое стекло.

— Ну я ведь не покроюсь целиком шерстью, верно?

Он улыбнулся, но улыбка вышла жалкой. Потом Грейвс снова нырнул под сиденье в поисках ящика.

В зеркале мелькнула еще одна тень. Может, просто нервы расшалились, или нас действительно кто-то преследует? Прибавлю-ка на всякий случай скорость!

— Конечно, ты не обыкновенный оборотень. Даже Кристоф подтвердил, да и в книге «Ars Lupica» об этом говорится.

Папа заплатил за книгу бешеные деньги, и все не было времени ее прочесть. Отец непременно бы порадовался, узнай он, что книга оправдала затраты!

Я вся сжалась в комок от горестных воспоминаний. Сначала папа, теперь Кристоф. Молодой вампир наверняка погиб, ведь на дом напало не менее дюжины оборотней!

Но почему они не тронули нас?

Грейвс выпрямился на соседнем сиденье, прошептал еле слышно:

— Спаси нас Господь!

Я мысленно присоединилась к его молитве.

А за окном началась сильная метель.

На пригородных улицах голые деревья стояли, воздев к небу черные ветви, кое-где цепляясь за покрытые снегом провода. Местами их украшали сосульки и даже настоящие рождественские гирлянды, хотя по календарю не то что до Рождества, до Дня благодарения еще далеко. Может быть, их забыли снять с прошлого года?!

Дороги, вычищенные и посыпанные песком, со стремительной скоростью снова скрываются под белоснежными покровами усилившегося снегопада. Семьдесят вторая улица, повернув на Макгилл-роуд, скоро закончится и перейдет в Семьдесят второй проспект, сужаясь, извиваясь и обрастая переулками, словно артерия, несущая кровь от сердца к другим важным органам.

Пригородные дома — выше, очищенные до асфальта тротуары — шире. Иногда мелькают бескрайние снежные поля, исчерченные черными канавами, да одинокое дерево дрожит на пустынных просторах. Вот где ветру есть где разгуляться!

Грейвс крутил в руках полупустую пачку сигарет, время от времени нетерпеливо поглядывая в окно. Ему удалось бы вдохнуть очередную дозу никотина, не вырви ветер сигареты из рук. Пожалуй, даже я присоединилась бы к нему, невзирая на отвращение к табаку... и если бы это навсегда стерло из памяти звуки бьющихся о стекла перепончатых крыльев летучих тварей, преследующих грузовик. Боюсь, я еще долго буду тщательно закрывать все окна в автомобиле, нервно вздрагивая при каждом хлопке.

В зеркале заднего вида по-прежнему мелькали тени, следуя в отдалении за грузовиком. Им без труда удалось бы догнать его, желай они действительно добиться этой цели. А они не спешили нападать, хотя мы еле ползли по дороге. Меня от подобной неопределенности начало трясти. А еще очень хотелось есть.

Я бы отдала все сокровища мира за чизбургер или клубничный коктейль! Да хоть за корочку хлеба!

Только не предлагайте яблочных пирогов — от одной мысли о них становилось дурно и накатывала тошнота.

— Это Компас-авеню, — сообщил Грейвс, дрожа всем телом, хотя обогреватель давным-давно прогрел салон грузовика. — Потом будет Уэнделл-роуд и за ней угол Берка, если верить карте.

Я сбавила скорость, готовая к любым причудам грузовика на скользкой дороге, и, скользнув взглядом по часам на приборной панели, заметила, что они до сих пор показывают время во Флориде — на час вперед. Черт, меня тошнит от этой полярной дыры!

— Как только люди здесь живут?! Это ж сплошное сумасшествие!

— Просто одеваются теплее. Как и в остальных штатах, ходят в парикмахерские, чтобы постричься, а в бар, чтобы выпить. И еще они бьют детей. — Грейвс нервно заерзал на сиденье. — Разве что чаще, чем в других местах.

Мы проехали мимо двух очередных перекрестков и сбавили скорость до минимума. Двигатель ровно урчит, дворники старательно счищают снег с лобового стекла. Тут Грейвс снова взорвался:

— Зачем мы туда едем, черт побери?

— Потому что нам самим не выбраться из города в темноте. Вон, уже два часа дня, — ответила я, бросая быстрый взгляд на небо.

— Мы успеем. Смотри, у меня есть деньги. Мы запросто могли бы уехать из города на любом автобусе, если грузовик...

— На автобусе?! Думаешь, нас не схватят при пересадке на каком-нибудь очередном автобусном вокзале, когда сядет солнце? Господи, Грейвс, пойми, нам действительно нужна помощь! — Сказать ему или нет, что я видела в зеркале заднего вида маленьких, но быстрых созданий, преследующих нас? Стоит ли пугать парня? Пожалуй, нет. — Вот и все!

Я затормозила, доехав до назначенного места.

Угол Берка и Семьдесят второй представляет собой пересечение трех улиц. Трасса, по которой мы приехали, разбегалась в две стороны, напоминая букву «Y». Между двумя дорогами возвышалась каменная стена, а вокруг заброшенная пустошь. Соседние дома стоят поодаль, и только за забором справа возвышается крыша с красной черепицей, выглядывающей местами из-под снега.

— Ну вот, кажется, доехали! — Я поехала направо. — Господи, и скрыться негде!

— Я здесь раньше не бывал, — Грейвс тревожно забарабанил по двери грузовика. — Здесь плохо пахнет.

Ну, теперь ты единственный эксперт по запахам!

— Насколько плохо?

— Пахнет опять ржавчиной и какой-то гнилью. Как из мусорного контейнера летом.

Я сделала глубокий вдох, но ничего не почувствовала. Тревожный звон в голове не прекращался — я даже привыкла к нему и перестала обращать внимание, не ощущая ничего, кроме голода и слабой, металлического привкуса усталости. Спина разламывается, горло щиплет, рука ноет — боль пронзает все тело, так не настало ли время доверить свою горькую судьбу более опытному взрослому?

И почему я сразу не отдала ключи от грузовика Кристофу? Не вступи я с ним в бессмысленные споры, дамбир, вероятно, остался бы в живых.

— Ох, повернуть бы время вспять и отдать Кристофу чертовы ключи!

Голос сорвался на последнем слове, переходя в горестный всхлип, но я подавила вырывающиеся из груди рыдания. Пришла пора покончить с «жеванием соплей» и сосредоточиться на нашем спасении.

— А я все равно не верю ему. — Грей на мгновение перестал барабанить по двери. — Что теперь будем делать? Подъедем к дому, постучимся, скажем, что пришли охотники на привидений, и попросим милостиво...

— Мы поищем тех, кто знает Кристофа и должен забрать нас отсюда. Если я для них представляю такую ценность, они помогут нам выбраться из города.

Потом я завалюсь спать на целую неделю, а после... А что после?

— Что, если они...

Грейвс замолчал, но я поняла, что он хотел сказать и чего так боялся.

— Грейвс, — я перевела дыхание, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Мы уедем вместе. И все, конец игре. Понятно?

Он промолчал, а я не осмеливалась посмотреть в его сторону.

Мы медленно ехали по дороге. Рессоры грузовика громко скрипели, сопротивляясь порывам ветра, пытавшегося ударить его о стену. Впереди показался поворот на подъездную дорогу к дому — как ни странно, вычищенный сравнительно недавно, — и грузовик свернул, словно выйдя из повиновения. Створки витиеватых железных ворот оказались открытыми настежь, а внутри двора, посреди круглой площадки, возвышался фонтан в виде причудливой

морской раковины, вытянутой вверх. Высокие сугробы снега окружали стены и дом, хотя сама площадка была тщательно вычищена до асфальта.

Трехэтажный дом представлял собой массивный особняк, напоминавший южные гасиенды. Только совершенно непонятно, кому понадобилось строить настоящую испанскую гасиенду на Северном полюсе?

Грузовик послушно развернулся на чистой площадке перед домом, а я, нажав на тормоза, облегченно вздохнула:

— Ну все! Давай...

— Черт меня побери! — Грейвс с тревогой смотрел мимо меня в боковое окно. — Дрю, посмотри!

Шея заныла, не желая поворачивать голову, и все остальные мышцы проявили полную с ней солидарность. Оказывается, при вождении автомобиля в экстремальных условиях напрягаются все мышцы, о существовании которых раньше даже не подозревал. Попробуйте потаскать на спине рюкзак с кирпичами, и тогда поймете, о чем я говорю. Чтобы посмотреть в сторону, пришлось сощурить глаз и изогнуться всем корпусом.

Огромные черные ворота качнулись и стали закрываться сами по себе. С витиеватых узоров посыпался снег, лед затрещал, а над всем этим великолепием нависли свинцово-багровые тучи. Ворота захлопнулись с негромким стуком, а очередной порыв промозглого ветра качнул их, пугаясь в причудливых завитушках.

Интересно, к чему бы это? Я скосила глаза на краешек гасиенды, который находился в поле зрения. Из каждого окна лился теплый электрический свет, но за занавесками не видно ни единого движения. А есть ли кто в доме? Не может быть, чтобы он оказался пустым!

— Дрю?

Обеспокоенный голос Грейвса звучал совсем по-детски. Если уж мне требуется поддержка более опытных взрослых, то о бедном готе и говорить не приходится. Грейвс сейчас наверняка умирает от страха, а обратиться за помощью, кроме меня, не к кому.

На плечи свалился груз, который в одиночку вынести не по силам.

— Что ж, пойдем в дом!

Кристоф говорил, нас должны забрать именно отсюда. Место как нельзя лучше подходит для подобных дел: недалеко от города, безлюдное и... подозрительное. От него так и веет опасностью!

Двигатель еще не заглушён, и остается шанс вырваться на свободу, снеся тяжелым грузовиком часть ворот. Правда, если машина не выдержит, мы окажемся посреди дороги и потеряем последнюю надежду на спасение.

Так, Кристоф пообещал, что все будет хорошо. Тогда чего мы боимся?! Я остановила грузовик на парковке и снова посмотрела на фасад дома с огромной парадной дверью из черного дерева. Что-что, а размер здесь, видимо, имеет значение! Приветствую тебя, Средняя Америка!

Подумав пару секунд, я приняла решение и, взяв в руки полевой ящик, сказала Грейвсу:

— Оставайся здесь, а я схожу проверю дом.

— Ну уж нет! Ты что, совсем с ума сошла? — Он встряхнул головой, словно отгоняя страшные мысли. — Не оставляй меня одного!

— Послушай, если меня долго не будет, сноси к чертям ворота и уезжай отсюда подальше. Я пока одна войду в дом и посмотрю, что там творится. Не стоит нам обоим... — «погибать» чуть не сорвалось с губ, потому что обычно так говорил папа. Я спохватилась и

заменила жуткое слово другим: — Идти вместе, потому что кто-то должен караулить снаружи. Не заглушай двигатель, вдруг придется убежать! Папа учил, как ходить по незнакомому дому и обращаться с оружием. — По крайней мере, я сделаю это лучше без тебя! — Так что я пошла.

— Надо же! — Изумрудные глаза Грейвса смотрели на меня, не отрываясь. — Очень хочется попасть на тот свет?

Ох, мне сейчас больше всего хочется в горячую ванну, а потом поспать в безопасном местечке, но ничего не поделаешь — надо идти!

— Умирать я не собираюсь! Нам обоим надо выбраться отсюда живыми, и только это сейчас имеет значение! Послушай, оставайся в машине и не глуши двигатель. Кстати, ты умеешь водить?

— Шутишь? — Грейвс бросил на меня возмущенный взгляд. — Я ездил только на автобусе.

Так, с каждой минутой все веселее.

— Не волнуйся, водить машину совсем несложно! — постаралась успокоить его я, открыв полевой ящик и проверяя пистолет. Предохранитель громко щелкнул в гробовой тишине, и мне показалось, что завывания ветра на мгновение утихли.

— Да что ты? — съязвил Грейвс. — Дрю, а если дверь окажется закрытой?

Уголки губ дрогнули, и я чуть не рассмеялась его наивности.

— В таких домах двери никогда не закрывают, — объяснила я шепотом и открыла дверцу грузовика.

Как только я выпрыгнула из машины и захлопнула дверцу, ветер снова напомнил себе, взлохматив волосы и обжигая щеки холодом. Я обошла грузовик, не смея заглянуть в окно салона. Побледневшее, испуганное лицо Грейвса вряд ли способствует поднятию боевого духа, тем более что я сама умираю от страха.

К двери вели три ступеньки, а огромные бетонные вазы, до краев заполненные снегом, наверняка предназначались для цветов.

Здесь ничего не растет, все кругом забетонировано. Я вздрогнула. Мороз был совсем не сильным, но его прохладные пальчики уже заползли за шиворот и пробрались в кроссовки.

Я приблизилась к двери и коснулась ручки — замок легко открылся. Неожиданно послышался гортанный совиный крик. Я оглянулась через плечо, однако не увидела бабушкиной совы, только снова услышала птичий клекот и шуршание крыльев. Поодаль стоял грузовик, нарушавший тишину ровным урчанием двигателя. Дверь передо мной бесшумно открылась, и внутрь дома залетел снег.

Дрожа от холода и страха, я перешагнула через порог и прошла вперед по коридору с паркетными полами, натертыми до блеска. Наверх вела лестница, освещаемая тускло горящими изысканными канделябрами. Тяжелый пистолет направлен в пол, предохранитель снят, а в душе одно желание: вот бы папа был здесь!

«А вдруг он действительно был здесь?» — спросил тоненький голосок, пробившийся из глубин сознания.

Волна страха окатила меня с ног до головы, проведя по спине противными прохладными щупальцами.

«Я все видела, — последовал быстрый ответ противному голоску. — И знаю, где он погиб. Папа оставил грузовик снаружи и вошел в коридор заброшенного склада, а там за дверью его кто-то уже поджидал».

В доме повсюду горел свет, но почему-то веяло холодом, как в подвале. Я сделала два осторожных шага, сбоку от меня открылась дверь в огромную прихожую, и тут освещение незаметно приобрело другой оттенок.

Я резко обернулась, но успела лишь увидеть, как бесшумно захлопывается парадная дверь. Рот заполнил стойкий вкус ржавчины, смешанный с омерзительным привкусом гниющих апельсинов, истлевших в темном сыром подвале. Звон в голове усилился, сплошь заполняя ее ватой и мешая здраво рассуждать.

Блик света упал на прямоугольный предмет, лежащий на полу. Глаза отказывались признать до боли знакомую вещь.

Мокрые кроссовки скользнули по натертому паркету. Выступивший на разгоряченном теле пот мгновенно превратился в пар, так как в доме стоял страшный холод, а облачка теплого воздуха, выдыхаемого изо рта, тут же развеивались. Я двигалась, словно во сне, как будто повторялась прошлая ночь, когда вялое, неповоротливое тело кто-то затолкнул в прозрачный шар и потащил вперед.

Превозмогая боль во всем теле, я наклонилась и подняла с пола черный кожаный бумажник, раздувшийся от денег. Внутри по-прежнему лежали папины права, на которых с фотографии с мрачным вызовом смотрел он сам. А вот мамина фотография исчезла, но на прозрачном кармашке, где она хранилась, остался след от моего большого пальца, которым я обычно гладила ее улыбку. Я выпрямилась, машинально убрав бумажник в карман, и шагнула вперед, приближаясь к другому предмету, мерцавшему на полу серебряными бликами.

Я узнала его, прежде чем склонилась ниже, встав на ноющие колени, и взяла в руки.

На полу лежал большой медальон, сделанный в виде сердца с распятием внутри, а с обратной стороны выгравированы незнакомые символы, которые владелица скрывала на груди от всего мира. Причудливые узоры на медальоне и разорванная серебряная цепочка знакомы с детства, и я их ни с чем не спутаю. Ведь это мамино украшение, оставшееся нам с отцом на память.

Я прикоснулась к медальону указательным пальцем. Из дрожащих губ вырвалось облачко пара, а горло сжала невидимая рука. Я подняла украшение и выпрямилась, глаза оставались сухими.

Внезапно появилось ощущение чужого присутствия в доме.

Из зала в конце коридора донесся молодой мальчишеский голос: более мягкий, чем у Грейвса, но резче, чем у Кристофа. Говорил он, как и дампир, с расстановкой, делая между словами ненужные паузы:

— И сказал Паук: «Приходи, красотка, в гости». — Послышалось радостное хихиканье, полное самодовольства. — И Муха приглашение принимает и попадает в западню.

Я резко вскинула голову, непокорные кудри упали на лицо.

В дверях, ведущих в зал, стояла темная фигура, окутанная мраком, словно плащом. Глядя на нее, я поняла, кто был нежданный ночной гость. Он не может войти в дом без приглашения, и в прошлый раз его остановили мои защитные заклинания от нежити. Но кто остановит его сейчас и почему Кристоф направил меня прямо к нему в лапы?

По спине снова пробежал холодок.

— Сергей, — произнесла я равнодушным тоном, не выдавая сковавшего тело страха.

Голос звучал твердо и уверенно.

Вампир шагнул вперед в золотистый свет канделябров, и я поняла, почему в доме веяло

холодом. Холод исходил от него, просачиваясь сквозь плотную бледную кожу с мерцающими тенями. Но, если честно, больше всего меня поразило не это!

Сергей выглядел лет на восемнадцать — чуть старше, чем мы с Грейвсом. Широкоплечий юноша статного телосложения, с аристократическим профилем, словно выгравированным на старинной монете. Длинный тонкий нос, изысканно очерченные губы и высокие скулы. Каштановые волосы разметались в художественном беспорядке... Я бы даже назвала его привлекательным, если бы не глаза неопределенного цвета, которые выдавали возраст.

Такие не по годам взрослые глаза я видела у детей на улицах некоторых городов. Они выходили из темных переулков и выставляли на продажу юные тела перед медленно проезжающими автомобилями. Они знают о жизни много такого, что детям из обычных семей и не снилось. Вздрагивая от ужаса перед взглядом умудренных взрослой жизнью глаз, я всегда старалась прижаться к отцу и почувствовать его поддержку.

Правда, те дети оставались людьми, а передо мной сейчас стоит совсем иное существо. Пусть Сергей ничем не отличается от обычного юноши, о котором даже можно сказать, что ему сказочно повезло с внешностью. Чистая кожа, сногшибательная линия рта и множество других достоинств. Однако стоит присмотреться, и из глубины темных мерцающих глаз выглянет чудовище, готовое проглотить вас живьем!

На Сергее, как и на Кристофе, надеты лишь тоненький черный пуловер и джинсы, а на ногах — эксклюзивные кроссовки «Найк». На руке золотые часы — судя по роскошному циферблату, не подделка. Скорее всего, «Ролекс». Такие, как Сергей, носят только фирменные вещи.

Застыв на месте, я взирала на него с открытым от удивления ртом и тут неожиданно услышала нечто, заставившее меня вздрогнуть. Сквозь шум в голове пробивалось размеренное биение, похожее на отдающее эхом тиканье часов и напоминающее о тесном темном подвале, где под звуки усиливающейся пульсации засыпает в обнимку с мягкими игрушками уставшая маленькая девчушка.

Я люблю тебя, солнышко... Я так люблю тебя... Мы поиграем в прятки...

Догадка раскаленной иглой пронзила мозг. Пульсирующие удары, которые я слышала в детстве, — не что иное, как биение сердца вампира! Кто мог подумать, что в страшную метель я окажусь в огромном доме, похожем на испанскую гасиенду, на улице меня будет ждать Грейвс, а сама я встречу лицом к лицу с вампиром, который превратил отца в зомби и убил маму!

Левый кулак до боли сжимает мамин медальон, а пульсирующий звук в голове становится все более отчетливым. Юноша-вампир улыбается, и его улыбку можно было бы назвать приветливой, если не обращать внимания на клыки, острее и длиннее, чем у Кристофа, ослепляющие своей белизной. В глазах появляется туман, затягивающий в дьявольскую бездну и заполняющий воздух ледяным холодом.

Сквозь шум в голове и биение его сердца пробивается знакомый звук. Это шелест совиных крыльев.

Тем временем Сергей делает шаг вперед:

— Подумать только. — Он шепелявит из-за длинных клыков, которые мешают говорить. Что-то черное течет по подбородку там, где кончик острого клыка касается безупречно матовой кожи. — Сама, по доброй воле, словно послушная овечка, идешь на заклятие! Я пил кровь многих дампиров и признаюсь, что самая сладкая кровь у мелких пташек, таких, как

ты, только вступающих в силу.

С его губ сорвался мерзкий смешок.

Я подняла пистолет, а Сергей насмешливо изогнул изящно очерченные брови, и в глубине глаз заиграли красные дьявольские всполохи. Вертикальный, как у кошек, зрачок выделяется на черном бархате радужки, а из-за темных прожилок белки кажутся пепельными.

Где-то рядом тревожно ухнула сова — ее крик пробился сквозь свирепый вой, внезапно раздавшийся с улицы. За спиной затрещала дверь, глаза вампира сузились на долю секунды. Не дожидаясь развязки, я нажала на спусковой крючок, и прямо в центре бледного лба вампира появилась аккуратная дырочка размером с долларовую монетку.

Прекрасный выстрел!

«Молодец, Дрю!» — расслышала я в гудящей голове довольный возглас отца. Черная струйка крови потекла по лицу Сергея, а голова откинулась назад, словно после сильного удара в челюсть.

Кто-то закричал тоненьким, высоким голосом, и кажется, это была я.

А не удержалась я от крика, потому что голова вампира медленно вернулась на прежнее место, и на залитом гнилой кровью лице появилась самодовольная ухмылка, обнажившая острые клыки. Сергей слегка присел, словно кошка, готовящаяся к прыжку. Все! Теперь мне ни за что не выбраться отсюда живой! Черная пустота заполонила глаза вампира, превратив их в бездонную пропасть, и в следующее мгновение он прыгнул. Прыжок длился вечность — весь мир вокруг замер, а шум в голове взорвался оглушительным криком.

Время остановилось лишь на мгновение. Преодолевая сопротивление ставшего плотным воздуха, я медленно опустилась на колени и подняла пистолет. Совсем близко послышалось хлопанье совиных крыльев, и внезапно появившаяся птица спикировала на вампира, острыми когтями впиваясь в спину. Потом она взлетела вверх, и с лап закапала черная кровь, но я поняла, что птице не удалось осуществить задуманное. Сейчас время пойдет своим чередом, вампир набросится на меня и вонзит хищные клыки в шею. Я не почувствую боли, пока все не закончится.

Мир оглушительно взорвался, и время побежало вскачь. Кожу опалил жар, а потом раздался страшный треск.

Парадная дверь слетела с петель, рассыпаясь в щепки под ударом тяжелого грузовика, протаранившего дерево, словно тонкий картон. С крыши грузовика на вампира прыгнула темно-синяя фигура, и они сцепились в клубок.

«Уйди с дороги!» — прокричал в ушах папин голос, и я откатилась в сторону, по-прежнему сжимая в одной руке мамин медальон, а в другой — заряженный пистолет.

Морозный ветер швырял горстями снег в пробитую дыру. Фары горели, и в треснувшем лобовом стекле мелькнуло лицо Грейвса с окровавленным носом и горящими изумрудным огнем глазами, сжимающего руль, как спасательный круг. Парень, наверное, расквасил нос, когда грузовик врезался в дверь.

Мимо грузовика в коридор вбегали серые фигуры оборотней. Я перевела взгляд на сцепившиеся в схватке тела и увидела Кристофа. Красная кровь брызнула веером на пустую белую стену.

«Вот в чем дело! — подумала я отрешенно. — На стенах нет картин, а в коридоре и комнатах нет мебели. В этом доме никто не живет!»

Шум драки смешался с пронизывающим до костей воем оборотней. Они с криками

наскакивали на вампира, и тот отвечал им душераздирающими воплями, а Кристоф...

Он вовремя увернулся в сторону от руки Сергея с неожиданно выросшими острыми когтями, разрезавшими воздух у Кристофа перед носом. Два быстрых шага назад, и ноги взмыли в воздух в стремительном ударе по красивому до омерзения лицу вампира. Сергея подбросило вверх, потом назад. Сам Кристоф, словно на крыльях, легко опустился на пол. Пуловвер пропитался кровью, смешавшейся с подтаявшим снегом, лицо в кровоподтеках, глаза пылают холодным голубым огнем, а верхняя губа приподнята в ответном рычании, от звука которого притихли даже оборотни.

Удивительно, но и сейчас Кристоф выглядел, как настоящий ангел, спустившийся с небес! Я задержала дыхание, наблюдая за сражением.

Грузовик жалобно взвыл, звякнул цепями на колесах и отъехал назад, впуская в дверной проем с обвалившимися по обе стороны стенами тусклый дневной свет. Умолк двигатель, и Грейвс стал выбираться из грузовика. Я едва обратила на него внимание, потому что битва продолжалась и одна из сторон наконец-то добилась преимущества. К сожалению, оно оказалось не на нашей стороне. Сергей стряхнул с себя оборотней, словно неразумных щенят, и ему навстречу снова двинулся Кристоф. Он что-то кричал, но звуки не могли пробиться через звон, стоявший в моих ушах. Дампир сделал ложный выпад, пытаясь достать лицо вампира, и тут до меня дошло, что произойдет в следующий момент. Каждое движение давалось раненому Кристофу с трудом, хотя для человеческого глаза он все равно двигался невероятно быстро, а Сергей с поразительной легкостью отбросил к стене нападавшего оборотня, да так, что у того хрустнули кости и он беспомощным мешком упал на пол.

Ледяной воздух обжег лицо, принесся запах снега и крови. Сергей хищно вытянул руки, вдыхая воздух, как и я. Из бездонных черных глаз и из красиво очерченного рта наружу полилась промозглая тьма, и мир снова на мгновение остановился. Тут Грейвс схватил меня за руку, и я наконец услышала его крик:

— Уходим, Дрю, скорее!

Грудь едва не разорвало от боли, когда я сделала самый длинный в своей жизни вдох. Кристоф, измотанный затянувшимся сражением с вампиром, склонился над окровавленным полом, готовясь нанести очередной удар. Кровь капала с лица, зависая на короткое мгновение алыми каплями в воздухе.

Оборотни тоже времени даром не теряли. Они кружили вокруг вампира, пытаясь когтистыми лапами достать его, но невидимый щит отражал их удары. Вервольф, неудачно врезавшийся в стену, по-прежнему без движения лежал на полу. Шерсть постепенно исчезала, открывая лицо совсем юного паренька.

Тревожный звон снова зазвучал в голове, как только я вырвалась от Грейвса. Руки крепко сжались в кулаки, будто перед боксерским спаррингом, а живот скрутило спазмом. Серебряный медальон полыхнул в ладони, обжигая кожу.

Над головой, словно выпущенная из пистолета пуля, пролетела бабушкина сова, расправив белоснежные крылья и грозно выставив хищный клюв. На сей раз черные острые когти не упустили цели и вцепились в лицо Сергею, царапая ослепительно белую кожу. В следующее мгновение его сбила разрушительная волна, родившаяся в глубине моего существа; иными словами, это была порча, насылаемая мной второй раз в жизни. Словно ударили в гигантский гонг, и брызнули в стороны осколки разбитых окон, гулко задрезжали канделябры над головой, с грохотом полопались лампочки. Кристоф не дремал. Стремительно вскочив с пола, он наотмашь ударил вампира в челюсть. Сова к этому

времени отпустила лицо Сергея и, напоследок хлопнув крыльями, испарилась в воздухе.

— Пошли! — закричал Грейвс и потащил меня из дома.

Вампир оседал на пол. На него набросилась толпа оборотней, и даже молоденький паренек, что лежал без сознания возле стены, придя в себя, встряхнул головой и прыгнул в гущу драки, на ходу меняя ипостась: снова покрываясь шерстью с ног до головы и треща деформирующимися суставами.

Забыв про все на свете, я застыла с открытым ртом, словно последняя идиотка.

— Уводи ее отсюда! — крикнул Кристоф Грейвсу, и тот снова потащил меня к выходу.

Дом затрясся от оглушительного грохота, словно здесь собралось несколько рок-групп, которые одновременно включили на полную мощность все усилители.

На сей раз я не упиралась, и Грейвс без приключений повел меня по коридору. С отрешенным видом я продолжала сжимать в руках пистолет, только убрала палец со спускового крючка, как советовал папа. Шум и грохот остались за спиной, а вот раздавшееся впереди тьяканье подсказало, что мы здесь не одни. Действительно, темные тени загородили дверной проем. Грейвс поднял руку, выставив вперед локоть и явно намереваясь защищать меня до последнего вздоха. Я обняла его за талию, уткнувшись лицом в спину, а мимо пробегали толпы оборотней. В серых зимних сумерках мерцали желтые огоньки глаз, а жесткая волчья шерсть изредка касалась кожи. Наконец нежданные спасители, пробежав мимо нас, скрылись в доме. Что ж, наверное, одолеть Сергея могли и без моего участия.

Рука устало соскользнула с талии Грейвса, и он потащил меня по ступеням вниз, вцепившись пальцами в запястье, именно в то место, где остался синяк после спора с Кристофом. Боль пронзила руку, побежала вверх и взорвалась разноцветными огнями в голове, выводя из тупого оцепенения. Невидимая рука снова сдавила горло, по щекам потекли горячие слезы, а на улице в тихом танце безучастно кружились снежинки, укрывая землю белоснежным ковром. Площадка перед домом была испещрена следами звериных лап, но пройдет несколько минут, и они исчезнут под снежным покровом, не оставив следов от нашествия оборотней.

Они не тронули нас. И Кристоф...

Кристоф оказался прав, назвав нас с отцом любителями. Нам не выстоять в одиночку против самого могущественного вампира.

А мама...

Изрыгая страшные проклятия, Грейвс открыл дверцу грузовика, усадил меня и сам устроился рядом. В салоне по-прежнему было тепло, и я в изнеможении прислонилась разгоряченным лбом к холодному окну. Я спрятала мамин медальон в карман, как самое драгоценное сокровище в мире. Пальцы, сжимавшие украшение, онемели, а ладонь горела, словно в огне.

— Господи Иисусе! — наконец выдавил из себя Грейвс. — Как ты себя чувствуешь?

Интересно, как можно себя чувствовать после всех передраг, что выпали на мою долю?

— Кристоф? — прошептала я, облизнув пересохшие губы. — Что с ним?

— Он перепутал меня до смерти! — шепотом отозвался Грейвс. — Вырос как из-под земли вместе со стаей оборотней... представляешь, они теперь сражаются на его стороне. Потом приказал протаранить дверь, а иначе тебя было не спасти. Сам влез на крышу грузовика и полетел... Чудно все это! — Он тряхнул меня за плечо. — Слышишь, Дрю?

Я с трудом отлепилась от приятно охлаждающего стекла и спрятала лицо у него на груди, а

Грейвс молча обнял меня, прижимаясь подбородком к растрепанным, мокрым волосам. Мы оба заплакали, как два пассажира, которым удалось спастись после страшного кораблекрушения. Снежинки, медленно кружась в воздухе, бесшумно оседали на треснувшем лобовом стекле.

Я по-прежнему прятала лицо, уткнувшись в щедушную грудь Грейвса. Аромат его кожи и жар, исходящий от тела, действовали успокаивающе. Давно высохли слезы на щеках, а подбородок Грейвса по-прежнему покоился на моей макушке. Окна запотели от нашего дыхания, и снаружи их облепил мокрый снег.

Затаив дыхание, я слушала, как бьется сердце моего друга, отсчитывающее мгновения жизни, словно часы, и нисколько не похожее на зловещий, пульсирующий ритм вампира. Сердце стучало ровно, четко и уверенно, а меня переполняло радостное чувство, что я больше не одинока. Ни с кем больше я не ощущала такой близости.

В открывшуюся на мгновение дверь ворвался морозный ветер, и кто-то занял место на водительском сиденье. Хорошо еще, что в нашем грузовике широкие сиденья, на которых можно усадить толпу пассажиров!

Пришелец не нарушил установившееся в салоне грузовика молчание и лишь звякнул ключами зажигания. По поведению Грейвса я поняла, что опасности нет.

А если честно, меня охватило такое равнодушие, что провались целый мир в тартарары, я и рукой не двинула бы ради его спасения.

Аромат печеных яблок смешался с морозной свежестью, и наконец Кристоф не выдержал и заговорил:

— Ради бога, скажи, что Дрю цела и невредима.

— Целее не бывает! — Грейвс даже с места не сдвинулся, только крепче прижал мою голову к груди, и на долю секунды я почувствовала, как напряглись обнимающие Меня руки. — Ей сильно досталось, но она выживет, и все будет хорошо!

— Слава богу! — С губ дампир сорвался вздох, и в следующее мгновение он завел двигатель. Грузовик послушно заурчал, снова включилась печка, выдувая сквозь вытяжку остывший воздух. — Прямо не знаю, кого благодарить за ее спасение!

— Что будем делать? — поинтересовался Грейвс, обращаясь к Кристофу.

Меня тоже волновал этот вопрос, но поднимать голову и смотреть на парней ужасно не хотелось.

Тихое шуршание мокрой одежды — наверное, дампир, как обычно, слегка повел плечами.

— Отвезу вас в поле, а там за вами приедут. Дрю отправится в Школу, а я на время исчезну.

— Потому что среди вас появился предатель, — добавил Грейвс.

Как хорошо, что он умный малый и нет необходимости вступать в разговор!

— Да! — Кристоф горько рассмеялся. — Этот дом — мое тайное убежище. Сергей не мог знать о нем, как не мог знать и того, что сюда приедет Дрю, если только в Братстве не появился предатель. К тому же мерзавец приказал оборотням схватить меня прямо в ее доме. Они ведь думали, что я и есть Сергей. — Он вздохнул. — Не могли сообразить, что окажись я Сергеем, вы были бы покойниками задолго до их появления! Хуан — желтоглазый оборотень, которого вы встретили, — готов понести наказание, но, с другой стороны, он просто выполнял приказы. А теперь кто-то замечает следы. — Дампир слегка поерзал на сиденье. Интересно, у него еще идет кровь? — Нужно срочно вывезти Дрю из города!

— То есть ты отдаешь нас в руки предателя?

Острый подбородок Грейвса уперся в мою макушку, а я следила за происходящим с полным безразличием, испытывая лишь легкое удивление.

— У меня в Школе остались надежные друзья, и они присмотрят за девочкой. Поверь, она действительно будет в безопасности, и потом — только Дрю способна помочь найти осведомителя, работающего на Сергея.

— А если она не захочет? — заметно напрягся Грейвс.

— Без помощи вы не протянете и недели. Если вас не найдет Пепел, это сделает кто-нибудь другой. Тайна стала всеобщим достоянием, и если о появлении новой светочи знает Сергей, значит, знают и другие вампиры. Они ее выследят и вырвут сердце. — Со щелчком включились дворники. — Дрю, слышишь меня? Я отправлю тебя в безопасное место, но мы будем держать с тобой связь.

— Она тебя слышит, — проворчал Грейвс. — А что будет с грузовиком? И со всеми ее пожитками?

— Постараюсь отослать их в Школу. Сейчас самое главное для нее — выбраться отсюда до заката, пока Сергей не восстановил силы. Он ведь не умер, а спрятался от нас в темном мире, и, самое главное, он страшно разъярен.

— Как мы...

— Замолчи, а? — Кристоф обратился к Грейвсу без привычной ненависти в голосе, сдобренной отвращением, и тот, как ни странно, послушался. — Дрю! Ты меня слушаешь? — обратился ко мне дампир.

Христа ради, оставьте меня в покое!

Однако я приподняла голову, тупо уставившись на приборную панель. Выбора-то у меня действительно нет! Волосы упали на лицо, а мокрые кудри в кои-то веки сложились в аккуратные пряди.

— Да. — Голос прозвучал сипло из-за пересохшего горла, а слова будто потеряли смысл. — Я все слышала.

— Тебе просто повезло, Дрю. Если еще раз подставишься, как сегодня, я ни за что не ручаюсь. Понятно?

Кристоф говорил совсем как отец, и сходство в интонации больно отозвалось в груди.

— Понятно, — буркнула я через силу.

Все тело ныло, начиная с кончика волос и заканчивая пальцами ног. Я промокла и продрогла до костей, а в памяти навсегда останется жуткий взгляд мертвых глаз вампира и его лживый певучий голос. Забуду ли я их когда-нибудь?!

Этот кровосос убил отца, превратив его в зомби. И маму...

— Мама... — слабо произнесла я.

Может, это последствия шока? Я много слышала о состоянии шока от отца, но сама до сих пор не испытала его ни разу.

Наступило долгое молчание, но потом Кристоф сжалился надо мной или, скорее всего, решил, что я имею право знать правду и теперь выслушаю его без лишних вопросов и негодования.

Он заговорил тем же бесстрастным, отрешенным тоном, что и я:

— Она была лучшей охотницей-светочей, а потом решила завязать с охотой, вышла замуж за морского пехотинца и родила ему ребенка. Но дело в том, что носферату не забывают нанесенных обид и не выходят из игры, когда вам того захочется. Сергей явился за ней домой, а она, хоть и растеряла многие способности, увела его подальше от своего

тайного убежища и ребенка. — Кристоф завел грузовик, и дворники дружно заработали, очищая заснеженное окно. — Поверь, я тебе сочувствую от всей души.

— Что еще тебе известно?

Я отодвинулась от Грейвса, и его рука упала с моего плеча. Он неуклюже заелозил на сиденье, наверное, чувствуя себя крайне неловко. Вокруг зеленых глаз стали проявляться темные синяки, похоже, бедняга сломал нос.

— Езжай в Школу и узнай сама. Там тебя научат таким приемам охоты, о которых ты не смела и мечтать. Ты скоро войдешь в полную силу, и тогда... — Кристоф замолчал, вперив взгляд в окно. Светло-голубые глаза светились даже в серых сумерках, на фоне которых выделялся аристократический профиль, перепачканный засохшей кровью, а из свежей раны на виске еще сочилась тоненькая струйка. Впрочем, все это нисколько не смущало дампира. — И тогда я приду, и мы найдем достойное применение твоим способностям. Как сегодня, когда тебя чуть не убили.

Странно, но двигатель урчал ровно и уверенно. Старая добрая американская железка! Папин бумажник оттягивал карман куртки, словно с упреком напоминая, что грузовик придется бросить.

— Ну что, Дрю? — повторил вопрос Кристоф, внимательно изучая руль. — Станешь послушной девочкой и снова пойдешь в школу?

Зачем он спрашивает? Мне ведь некуда податься, и ему это известно. А вслух я задала встречный вопрос:

— А как насчет Грейвса?

Грейвс метнул в мою сторону быстрый взгляд. Не знаю, читалась ли в нем благодарность, но я твердо решила, что без лучшего друга никуда не поеду! Он действительно стал мне очень дорог, как и мамин медальон, папин бумажник и весь скарб, набитый в грузовике! Дороже их у меня ничего и никого нет!

По лицу Кристофа пробежала легкая тень. Прежде чем ответить, он выдержал эффектную паузу, то ли испытывая мое терпение, то ли давая понять, что думает обо мне и моих вопросах. Вполне вероятно, его подмывало напомнить, что идти-то мне все равно некуда, хоть с Грейвсом, хоть без него.

— Он может поехать с тобой, — наконец удосужился ответить дампир. — В Школе есть оборотни и даже парочка лупгару, так что наш приятель будет себя чувствовать не хуже остальных. Товарищи обучат его всему, что знают сами.

Вот и хорошо!

Я энергично кивнула и сразу почувствовала, как заныла шея:

— Тогда я еду.

— Отлично. — Он прибавил газу. — И на будущее запомни: в следующий раз, когда я попрошу отдать ключи, выполни мою просьбу без ненужных споров.

Не думаю, что Кристоф жаждал услышать мой ответ, поэтому я мудро промолчала. Грейвс придвинулся ближе, и я нисколько не возражала, наоборот, сама крепко обняла его. Теперь все равно, какая часть тела заболит в следующий раз, ведь когда жизнь идет наперекосяк и ты разваливаешься на кусочки, самое главное — покрепче прижаться к родному человеку! Что может быть лучше?

Мы выехали со двора через выбитые ворота, витиеватый рисунок которых выглядел так, будто побывал в огне. Кристоф повернул налево и на дороге прибавил газу. Слева тянулась каменная стена, по-прежнему падал снег, но небо стало светлее. Даже кое-где сквозь тучи

пробивались солнечные лучи.

— И погода изменилась, — тупо заметила я.

— Все из-за Сергея, — откликнулся Кристоф, и этих слов оказалось достаточно, чтобы промолчать остаток пути.

На что еще способны вампиры?

Действительно ли отец преследовал Сергея, потому что тот убил маму?

Что нового я еще узнаю в Школе? Как ходить по снегу, не оставляя следов, и как взлетать над землей во время драки?

Жаль, если не научат тому, что меня действительно интересует. В голове мелькнула трусливая мысль, что я никогда не научусь тому, к чему стремлюсь.

Как только закончилась каменная стена, Кристоф резко свернул с дороги. Я вся подобралась: впереди стали появляться канавы и довольно глубокие овраги, но грузовик смело преодолевал их, а потом, по колеса в снегу, поплыл по белоснежной глади поля. Железную махину трясло на бездорожье, а треснувшее лобовое стекло запотело от нашего дыхания.

Мы долго ехали по полю, потом Кристоф быстро обследовал округу, поворачивая голову в разные стороны. По испачканным кровью волосам снова пробежали всполохи, но дампир вовсе не был похож на раненого бойца.

— Ну вот. — Он резко затормозил, и грузовик остановился. — Сейчас подлетит вертолет, а вы пока вылезайте и ждите.

— Прямо здесь? — Видимо, Грейвс не пришел в восторг от поступившего предложения. — Хочешь бросить нас посреди поля в метель?

Господи, когда эти два дурака перестанут грызться друг с другом?! Я потянула Грейвса за рукав плаща и попросила:

— Пойдем.

Дотянулась до дверцы и толкнула ее. Она открылась с протестующим скрипом, и ледяное дыхание зимы ворвалось в салон. Температура воздуха стремительно падала, а я, кажется, заболела, но сейчас не время задумываться об этом.

— Как скажешь, Кристоф, — сварливо пробурчала я, хотя честно старалась, чтобы голос звучал дружелюбно и приветливо.

Кроме того, я вдруг услышала то, что услышал и дампир: быстро приближающиеся звуки, хорошо знакомые по боевикам.

— Дрю! — Кристоф перегнулся через сиденье, его губы скривились. Хорошо, что ветер развеял аромат яблок, а то бы я не выдержала. — Дрю, прости! Я...

Нет, не желаю слушать извинений! Он, конечно, не открыл мне всей правды, но ведь и я хороша: бросила его одного на верную смерть. Мы теперь квиты, особенно после того, как он сразился с самым могущественным вампиром, который охотился за моей жизнью. Сергей уж точно расправился бы со мной, а заодно и с Грейвсом, не вмешайся вовремя Кристоф!

Да и что тут скажешь, когда к тебе приходят на помощь и спасают от страшной смерти от клыков вампира? Правильно, любые слова прозвучат фальшиво.

— До скорой встречи, Крис!

Грейвс без возражений вылез за мной из грузовика.

Как тяжело разгибаться, чувствуя боль каждой клеточкой тела! Шея совсем онемела и не хотела поворачиваться, а оказавшиеся по колено в снегу ноги, казалось, грызла старая знакомая, огненная собака, черт бы ее побрал! Я осторожно повернулась, стащила сумку с

сиденья и захлопнула дверцу, не желая больше слушать объяснения Кристофа.

Грузовик не трогался с места, а хлопающие звуки все приближались. Наконец показался и сам источник шума: красно-белый вертолет — одинокое яркое пятно на раскинувшейся вокруг нас снежной пустыне. Вдали каменный забор сливался с горизонтом, а сам дом и город почти исчезли из вида в снежной пурге. Ледяной холод заполз в легкие кроссовки и острыми иголками принялся колотить ноги.

Через несколько секунд в воздух взметнулись комья снега, и вертолет начал снижаться. Я перекинула лямку сумки через голову и прикрыла глаза рукой, защищаясь от летящего в разные стороны снега, и едва не пропустила момент, когда открылся люк. Из него на землю выпрыгнула чья-то фигура, согнулась пополам и побежала в нашу сторону.

Наконец грузовик отъехал, а я вдруг заметила, что до сих пор сжимаю в руках пистолет, вот только не могу вспомнить, на предохранителе он или нет. Пришлось проверить. Все-таки глаза боятся, а руки делают: предохранитель был на месте. За это время таинственный человек из вертолета добежал до нас.

Им оказался кареглазый паренек в оранжевом пальто. Густая шевелюра курчавых каштановых волос припорошена снегом, поскольку он не потрудился накинуть на голову капюшон.

— Вот черт! — закричал он, стараясь перекрыть шум от вращающихся лопастей вертолета. — Оружие лучше отдайте мне.

Как скажешь!

Я без лишних споров передала ему пистолет. Прежде чем спрятать его в карман пальто, парень с видом эксперта проверил предохранитель и обойму.

— Не волнуйся, я потом верну. Теперь идем, у нас не так уж много времени!

Он замахал рукой вслед отъезжающему грузовику, потом потянулся ко мне.

Я инстинктивно отпрянула, Грейвс напрягся, а рука парня в оранжевом пальто застыла в воздухе. Он призывно махнул ей, словно мама-утка созывает своих непослушных утят.

— Извините! Мы едва пробились через снежный фронт полчаса назад, поэтому я еще на взводе. Все, пошли!

Шум вертолета заглушил последние слова, и мы потащились за ним через снежное поле, согнувшись вдвое, как и он. Казалось, вихрь от лопастей вертолета сорвет с головы волосы.

Когда дошли до вертолета, люк открылся. Я поставила ногу на ступеньку и схватилась за поручни, сзади мне помогал Грейвс, подталкивая вверх. В итоге, на секунду задумавшись, я чуть не лишилась скальпа, зацепившись за верхний край люка.

Внутри было тесно от странных ангелов-хранителей, но, по крайней мере, теплее, чем снаружи. Я втиснулась на узкое сиденье, рассчитанное, вероятно, на восьмилетнего ребенка. Вошел Грейвс и чудесным образом умудрился сесть рядом, вместив в тесное пространство долговязую фигуру. Пилот на нас не оглянулся. Он был очень молод, но дело свое знал.

Господи, сколько же подростков занимается делами Братства? Я чуть слышно то ли усмехнулась, то ли фыркнула вконец замерзшим носом, сама не поняла! Грейвс взял меня за руку, а в это время курчавый паренек пролез через люк и закрыл его. Дважды хлопнул пилота по плечу, и вертолет поднялся в воздух.

Наш новый знакомый занял откидное сиденье за креслом пилота и наконец-то поздоровался:

— Привет! — Руки сами застегнули ремень безопасности, словно это самое обычное дело на белом свете. На курносом носу паренька рассыпались задорные веснушки, а улыбка

была искренней и широкой. — Меня зовут Кори! Добро пожаловать в Братство! Ты, должно быть, Дрю Андерсон. Мы страшно рады с тобой познакомиться!

Я закрыла глаза, прислонившись лицом к иллюминатору, в котором виднелась удаляющаяся земля. Скоро она совсем исчезла в белом мареве. И тут я не выдержала и разревелась. Грейвс крепче сжал мою руку и долго-долго не отпускал ее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Примечания

«Орэйндж Джулиус» (The Orange Julius) — сеть магазинов фруктовых напитков.

Лон Чейни Младший (Lon Chaney Jr, 1906–1973) — американский актер, наиболее прославившийся в роли монстров в классической серии фильмов ужасов студии «Юниверсал пикчерз».

Сервайвелист (англ. survivalist) — участник движения за выживание в условиях ядерной войны, террора, банд и т. п.

«Три поросенка». Пер. С. В. Михалкова.

Возможно, автор романа намекает на культового английского писателя Колина Уилсона, автора фантастических романов «Посторонний», «Паразиты сознания», «Мир пауков» и др. — Примеч. пер.

«Ars Lupica» (лат.) — «Искусство превращения в волка» — несуществующий трактат, как и все вышеперечисленные. — Примеч. пер.

Микрофиша (от микро — и фр. *richer* — вбивать, втискивать) — документ в виде микроформы на прозрачной форматной пленке (реже на непрозрачной основе) с последовательным расположением кадров в несколько рядов.